

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Научно-практический юридический журнал

Основан в феврале 2017 г.

2024. Том 8. № 3
Сквозной номер выпуска – 31

Выходит 4 раза в год

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» ВАК при Минобрнауки России, по юридическим научным специальностям 5.1.1, 5.1.3, 5.1.4

Учредитель и издатель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»
(392000, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР: **Лапаева Ангелина Вячеславовна** – к.ю.н., доцент. Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина (г. Тамбов, РФ), заведующий кафедрой теории и истории государства и права Института права и национальной безопасности

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА:

Андрияшко Марина Васильевна – к.ю.н., доцент. Белорусский институт стратегических исследований (г. Минск, Республика Беларусь), советник отдела внутривластного анализа управления внутренней политики

Афанасьев Сергей Федорович – д.ю.н., профессор. Саратовская государственная юридическая академия (г. Саратов, РФ), заведующий кафедрой арбитражного процесса

Блинкова Елена Викторовна – д.ю.н., профессор. Российская государственная академия интеллектуальной собственности (г. Москва, РФ), профессор кафедры гражданского и предпринимательского права факультета управления интеллектуальной собственностью

Воронов Александр Федорович – д.ю.н., профессор. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (г. Москва, РФ), профессор кафедры гражданского процесса юридического факультета

Ельцов Николай Сергеевич – к.ю.н., доцент. Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина (г. Тамбов, РФ), и.о. заведующего кафедрой специальной подготовки и обеспечения национальной безопасности Института права и национальной безопасности; Филиал ППК «Роскадастр» по Тамбовской области, директор; заслуженный юрист Российской Федерации

Зелепукин Роман Валерьевич – к.ю.н., доцент. Судья Арбитражного суда Тамбовской области (г. Тамбов, РФ)

Золотухин Александр Дмитриевич – к.ю.н., доцент. Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина (г. Тамбов, РФ), заведующий кафедрой цивилистического процесса, организации судебной и прокурорской деятельности Института права и национальной безопасности

Иванова Нелли Александровна – к.ю.н., доцент. Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина (г. Тамбов, РФ), заведующий кафедрой гражданского права Института права и национальной безопасности

Камышанский Владимир Павлович – д.ю.н., профессор. Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина (г. Краснодар, РФ), заведующий кафедрой гражданского права, профессор кафедры гражданского и международного частного права

Клименко Таужан Микаиловна – д.ю.н., доцент. Юридический институт Северо-Кавказской государственной гуманитарно-технологической академии (г. Черкесск, РФ), профессор кафедры уголовного права и процесса

Комаров Сергей Александрович – д.ю.н., профессор. Юридический институт (г. Санкт-Петербург, РФ), научный руководитель; Межрегиональная ассоциация теоретиков государства и права (г. Москва, РФ), президент; Башкирский государственный университет (г. Уфа, РФ), профессор кафедры теории государства и права

Кочетков Александр Викторович – к.ю.н., доцент. Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина (г. Тамбов, РФ), и.о. директора Института права и национальной безопасности, председатель Арбитражного суда Воронежской области в отставке

Лагутин Игорь Борисович – д.ю.н., доцент. Юго-Западный государственный университет (г. Курск, РФ), заведующий кафедрой финансового права, конституционного, гражданского и административного судопроизводства

Лопашенко Наталья Александровна – д.ю.н., профессор. Саратовская государственная юридическая академия, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права; Саратовский Центр по исследованию проблем организованной преступности и коррупции (г. Саратов, РФ), директор

Овсянников Игорь Владимирович – д.ю.н., доцент. Академия ФСИН России (г. Рязань, РФ), главный научный сотрудник научно-исследовательского отдела научного центра

Осокин Роман Борисович – д.ю.н., профессор. Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя (г. Москва, РФ), начальник факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров

Панько Кирилл Константинович – д.ю.н., доцент. Воронежский государственный университет (г. Воронеж, РФ), профессор кафедры уголовного права

Полищук Николай Иванович – д.ю.н., профессор. Академия ФСИН России (г. Рязань, РФ), профессор кафедры теории государства и права, международного и европейского права

Рыбакова Светлана Викторовна – д.ю.н., доцент. Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ (г. Москва, РФ), главный научный сотрудник отдела финансового, налогового и бюджетного законодательства

Соловьева Виктория Викторовна – д.и.н., профессор. Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Липецкий филиал (г. Липецк, РФ), профессор кафедры теории и истории государства и права

Трофимов Василий Владиславович – д.ю.н., доцент. Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина (г. Тамбов, РФ), директор Научно-исследовательского института государственно-правовых исследований, профессор кафедры теории и истории государства и права Института права и национальной безопасности

Шуняева Вера Анатольевна – к.ю.н., доцент. Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина (г. Тамбов, РФ), доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Института права и национальной безопасности

Юдин Андрей Владимирович – д.ю.н., доцент. Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева (г. Самара, РФ), заведующий кафедрой гражданского процессуального и предпринимательского права юридического факультета

Для цитирования:

Актуальные проблемы государства и права. 2024. Т. 8. № 3. 136 с. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-3>

Издание журнал «Актуальные проблемы государства и права / Aktual'nye problemy gosudarstva i prava / Current Issues of the State and Law» зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-69827 от 18 мая 2017 г.

ISSN 2587-9340 (Print) ISSN 2782-3334 (Online)

Адрес редакции и издателя:

392000, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33

Телефон редакции +7(4752)72-34-34 (доб. 3112). Электронная почта редакции: argospravo.tgu@mail.ru

Ответственный секретарь объединенной редакции научных журналов *И.В. Ильина*

Редакторы: *Ю.А. Бирюкова, М.И. Филатова*

Редакторы английских текстов: *И.С. Голыбина, М.А. Сенина*

Администратор сайта *М.И. Филатова*

Прием статей осуществляется по адресу:

392000, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Советская, 181 Б, каб. 214. Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина. Институт права и национальной безопасности

Телефон: +7(4752)72-34-34 (доб. 3112). **Электронная почта:** argospravo.tgu@mail.ru

Веб-сайт: <http://journals.tsutmb.ru/current-issues-of-the-state-and-law/> (на русском языке)

<http://journals.tsutmb.ru/current-issues-of-the-state-and-law-eng/> (на английском языке)

Подписано в печать 26.09.2024. Дата выхода в свет

Формат А4 (60×84 1/8). Гарнитура «Times New Roman». Печать на ризографе.

Печ. л. 17,0. Усл. печ. л. 16,5. Тираж 1000 экз. Заказ 24200. Свободная цена.

Отпечатано с готового оригинал-макета в отделе оперативной печати Издательского дома «Державинский»

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»

392008, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Советская, д. 190г. Электронная почта: izdat_tsu09@mail.ru

Контент доступен под лицензией [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

© ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина», 2024
Все права защищены

© Редакционная коллегия журнала «Актуальные проблемы государства и права», 2024

© Редакция журнала «Актуальные проблемы государства и права», 2024

CURRENT ISSUES OF THE STATE AND LAW

Scientific-practical law journal

Established in February, 2017

2024, vol. 8, no. 3

Issued 4 times a year

Continuous issue number – 31

The journal is on the “Official list of scientific reviewed periodicals for publication principal scientific researches of dissertations for academic degree of candidate of science, doctor of science” by High Attestation Commission at the Ministry of Education and Science of Russia, in law scientific specialties 5.1.1, 5.1.3, 5.1.4

The establisher and publisher:

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
“Derzhavin Tambov State University”
(33 Internatsionalnaya St., Tambov, 392000, Tambov Region, Russian Federation)

EDITOR-IN-CHIEF: **Lapaeva Angelina Vyacheslavovna** – PhD (Law), Associate Professor. Derzhavin Tambov State University (Tambov, Russian Federation), Head of Theory and History of State and Law Department, Law and National Security Institute

EDITORIAL BOARD:

Andryashka Maryna Vasilevna – PhD (Law), Associate Professor. Belarusian Institute of Strategic Research (Minsk, the Republic of Belarus), Advisor of Domestic Political Analysis of Domestic Policy Management Department

Afanasev Sergey Fedorovich – Dr. habil. (Law), Professor. Saratov State Law Academy (Saratov, Russian Federation), Head of the Arbitral Procedure Department

Blinkova Elena Viktorovna – Dr. habil. (Law), Professor. Russian State Academy of Intellectual Property (Moscow, Russian Federation), Professor of the Civil and Business Law Department of Intellectual Property Management Faculty

Voronov Alexander Fedorovich – Dr. habil. (Law), Professor. Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation), Professor of the Civil Procedure Department, Faculty of Law

Eltsov Nikolay Sergeevich – PhD (Law), Associate Professor. Derzhavin Tambov State University (Tambov, Russian Federation), Acting Head of Special Training and National Security Department, Law and National Security Institute; Branch of the PLC “Roskadastr” in Tambov Region, Director; Honored Lawyer of the Russian Federation

Zelepukin Roman Valerevich – PhD (Law), Associate Professor. Judge of the Arbitration Court of Tambov Region (Tambov, Russian Federation)

Zolotuhin Aleksandr Dmitrievich – PhD (Law), Associate Professor. Derzhavin Tambov State University (Tambov, Russian Federation), Head of Civil Procedure, Organization of Judicial and Prosecutor’s Activities Department, Law and National Security Institute

Ivanova Nelli Aleksandrovna – PhD (Law), Associate Professor. Derzhavin Tambov State University (Tambov, Russian Federation), Head of the Civil Law Department, Law and National Security Institute

Kamyshanskiy Vladimir Pavlovich – Dr. habil. (Law), Professor. Kuban State Agrarian University (Krasnodar, Russian Federation), Head of the Civil Law Department, Professor of the Civil and Private International Law Department

Klimenko Tauzhan Mikailovna – Dr. habil. (Law), Associate Professor. North Caucasian State Academy Law Institute (Cherkessk, Russian Federation), Professor of Criminal Law and Procedure Department

Komarov Sergey Aleksandrovich – Dr. habil. (Law), Professor. Private Educational Institution of the Higher Training “Institute of Law” (St. Petersburg, Russian Federation), Scientific Advisor; The Interregional Association of Theorists of State and Law (Moscow, Russian Federation), President; Bashkir State University (Ufa, Russian Federation), Professor of State and Law Theory Department

Kochetkov Aleksandr Viktorovich – PhD (Law), Associate Professor. Derzhavin Tambov State University (Tambov, Russian Federation), Acting Director of Law and National Security Institute, Retired Chairman of the Arbitral Court of Voronezh Region

Lagutin Igor Borisovich – Dr. habil. (Law), Associate Professor. Southwest State University (Kursk, Russian Federation), Head of the Financial Law, Constitutional, Civil and Administrative Court Procedure Department

Lopashenko Natalya Aleksandrovna – Dr. habil. (Law), Professor. Saratov State Law Academy, Professor of the Criminal and Penal Enforcement Law Department; Saratov Research Centre for Organized Crime and Corruption Issues (Saratov, Russian Federation), Director

Ovsyannikov Igor Vladimirovich – Dr. habil. (Law), Associate Professor. Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia (Ryazan, Russian Federation), Chief Research Scholar of Research Department of Scientific Center

Osokin Roman Borisovich – Dr. habil. (Law), Professor. Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.Y. Kikot (Moscow, Russian Federation), Head of the Faculty of Scientific-Pedagogical and Scientific Personnel Training

Panko Kirill Konstantinovich – Dr. habil. (Law), Associate Professor. Voronezh State University (Voronezh, Russian Federation), Professor of Criminal Law Department

Polishchuk Nikolay Ivanovich – Dr. habil. (Law), Professor. Academy of the FPS of Russia (Ryazan, Russian Federation), Professor of Theory of the State and Law, International and European Law Department

Rybakova Svetlana Viktorovna – Dr. habil. (Law), Associate Professor. Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation), Chief Researcher of Financial, Tax and Budgetary Legislation Department

Solovyova Viktoriya Viktorovna – Dr. habil. (History), Professor. Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Lipetsk Branch (Lipetsk, Russian Federation), Professor of the Theory and History of the State and Law Department

Trofimov Vasilii Vladislavovich – Dr. habil. (Law), Associate Professor. Derzhavin Tambov State University (Tambov, Russian Federation), Director of Research Institute of State Legal Research, Professor of the Theory and History of the State and Law Department, Law and National Security Institute

Chunyaeva Vera Anatolevna – PhD (Law), Associate Professor. Derzhavin Tambov State University (Tambov, Russian Federation), Associate Professor of Criminal Law Disciplines Department, Law and National Security Institute

Yudin Andrew Vladimirovich – Dr. habil. (Law), Associate Professor. Samara National Research University (Samara, Russian Federation), Head of the Civil Procedure and Business Law Department of the Law Faculty

For citation:

Current Issues of the State and Law, 2024, vol. 8, no. 3, 136 p. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-3>

The journal “Aktual’nye problemy gosudarstva i prava / Current Issues of the State and Law” is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor), the mass media registration certificate ПИИ no. ФС 77-69827 dated May 18, 2017.

ISSN 2587-9340 (Print) ISSN 2782-3334 (Online)

Editorial Office and Publisher address:

33 Internatsionalnaya St., Tambov, 392000, Tambov Region, Russian Federation
Editors telephone: +7(4752)72-34-34 (extension 3112). E-mail: apgospravo.tgu@mail.ru

Executive Editor of Incorporate Editorial of Scientific Journals *I.V. Ilyina*

Editors: *Y.A. Biryukova, M.I. Filatova*

English texts editors: *I.S. Golybina, M.A. Senina*

Cover design *T.O. Prokofeva*

Web-site administrator *M.I. Filatova*

Article acceptance:

Office 214, 181 B, Sovetskaya St., Tambov, 392000, Tambov Region, Derzhavin Tambov State University, Law and National Security Institute. **Telephone:** +7(4752)72-34-34 (доб. 3112). **E-mail:** apgospravo.tgu@mail.ru

Web site: <http://journals.tsutmb.ru/current-issues-of-the-state-and-law/> (In Russian)

<http://journals.tsutmb.ru/current-issues-of-the-state-and-law-eng/> (In English)

Signed for printing 26.09.2024. Release date

Format A4 (60×84 1/8). Typeface «Times New Roman». Printed on risograph.

Pr. sheet 17,0. Conv. pr. sheet 16,5. Copies printed 1000. Order no. 24200. Free price.

Published basing on ready-to-print file in Instant Print Department of Publishing House “Derzhavinskiy”

FSBEI of HE “Derzhavin Tambov State University”

190g Sovetskaya St., Tambov, 392008, Tambov Region, Russian Federation. E-mail: izdat_tsu09@mail.ru

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

© FSBEI of HE “Derzhavin Tambov State University”, 2024.

All rights reserved

© Editorial board of the journal “Current Issues of the State and Law”, 2024

© Editorial of the journal “Current Issues of the State and Law”, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩАЯ ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

- Белянская О.В., Чомаев А.А.* О некоторых особенностях реализации прав и свобод личности в цифровом пространстве 339
- Зарубина К.А.* К вопросу о формировании криминального профессионализма в деятельности мошенников дореволюционной России 349
- Ильина Т.Н., Богданова Н.А.* Выборы народных судей в конце 1940-х – начале 1950-х годов: организация, проведение, итоги (на примере Курской области) 357
- Илюхина В.А.* Принципы права в интегративном правопонимании (концепция Янаки Стоилова) 366
- Максимова И.М.* Концепция понимания источников (форм) права в материальном, идеологическом и юридическом смысле 378

МАТЕРИАЛЬНОЕ ПРАВО

- Булгаков В.В., Булгакова Д.В.* Современные вопросы частного жилищного фонда в России и за рубежом 384
- Зиганшин Т.Р.* Уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации преступлений, посягающих на права детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, по обеспечению благоустроенными жилыми помещениями 392
- Золотова В.Б.* Интеллектуальная собственность образовательных организаций в условиях цифровизации: проблемы регулирования и правоприменения 399
- Труфанова А.Ю., Ларионов В.Ю.* Проблемы правового противодействия мошенничеству, связанному со сбором средств на благотворительную деятельность 408

ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО

- Гавриленко В.А.* Вопросы подведомственности споров третейскому разбирательству. Анализ законодательства государств Центральной Азии (Республики Казахстан и Кыргызской Республики) 420
- Кочетков А.В.* Эффективность экономического правосудия и критерии ее оценки 435
- Медведева С.В., Ментюкова М.А.* Нетрадиционные способы получения информации (на примере гипноза) в расследовании преступлений: да или нет? 443
- Прохорова М.В., Каретников К.В., Ковалев Н.С.* Процедура снятия с осужденных правового статуса «злостный нарушитель установленного порядка отбывания наказания»: теоретико-правовые и организационные аспекты 451

ОБЗОР ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

- Александрова А.В.* Новое в российском пенсионном праве (обзор изменений 2024 года) 459
- Информация 466

CURRENT ISSUES OF THE STATE AND LAW

Scientific-practical legal journal

Established in February, 2017 2024, vol. 8, no. 3 Issued 4 times a year

CONTENTS

GENERAL THEORY AND HISTORY OF LAW AND THE STATE

- Belyanskaya O.V., Chomaev A.A.* On some features of the implementation of individual rights and freedoms in the digital space 339
- Zarubina K.A.* On the issue of criminal professionalism development in the activities of fraudsters in pre-revolutionary Russia 349
- Il'ina T.N., Bogdanova N.A.* Elections of people's judges in the late 1940s – early 1950s: organization, conduct, results (on the example of the Kursk region) 357
- Ilyukhina V.A.* Principles of Law in an integrative Legal Understanding (Yanaka Stoilov's concept) 366
- Maksimova I.M.* The concept of understanding the sources (forms) of law in the material, ideological and legal perspective 378

SUBSTANTIVE LAW

- Bulgakov V.V., Bulgakova D.V.* Contemporary issues of private housing stock in Russia and abroad 384
- Ziganshin T.R.* Criminal-legal characteristics and problems of qualification of crimes infringing on the rights of orphans and children left without parental care to provide comfortable living quarters 392
- Zolotova V.B.* Intellectual property of educational organizations in the context of digitalization: problems of regulation and law enforcement 399
- Trufanova A.Yu., Larionov V.Yu.* Issues of legal counteraction to fraud related to fundraising for charitable activities 408

PROCEDURAL LAW

- Gavrilenko V.A.* Jurisdiction issues of disputes to arbitration proceedings. The legislation analysis of the Central Asian States (the Republic of Kazakhstan and the Kyrgyz Republic) 420
- Kochetkov A.V.* The effectiveness of economic justice and its evaluation criteria 435
- Medvedeva S.V., Mentjukova M.A.* Non-traditional ways of obtaining information (using hypnosis as an example) in the investigation of crimes: yes or no? 443
- Prokhorova M.V., Karetnikov K.V., Kovalev N.S.* The procedure for removing the legal status of "malicious violator of the established procedure for serving a sentence" from convicted persons: theoretical, legal and organizational aspects 451

REVIEW OF LEGISLATION AND LAW ENFORCEMENT PRACTICE

- Alexandrova A.V.* New developments in Russian Pension Law (review of changes in 2024) 459
- Information 466

ОБЩАЯ ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА GENERAL THEORY AND HISTORY OF LAW AND THE STATE

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 340.0

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-3-339-348>

Шифр научной специальности 5.1.1

О некоторых особенностях реализации прав и свобод личности в цифровом пространстве

© БЕЛЯНСКАЯ Ольга Викторовна,

кандидат юридических наук, доцент, старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин, ФГКОУ ВО «Московская академия Следственного комитета Российской Федерации им. А.Я. Сухарева», Российская Федерация, 125080, г. Москва, ул. Врубеля, 12, <https://orcid.org/0000-0002-8936-2766>, 520877@mail.ru

© ЧОМАЕВ Альберт Ансарович,

старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права, ФГАУО ВО «Северо-Кавказский федеральный университет», Российская Федерация, 355017, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1, <https://orcid.org/0000-0002-0528-1310>, albert.chomaev@mail.ru

Аннотация

Исследование форм и процедур реализации прав личности как в непосредственной форме, так и путем правоприменения важно проводить с учетом современных потребностей и технологий, меняющихся способы и средства их реализации. Анализ особенностей реализации прав личности в цифровом пространстве имеет не только теоретический, но и практический интерес, так как проблематика реализации прав человека является центральной в общей теории права и отраслевых науках. При проведении исследования использованы научные публикации, нормативные правовые акты, доктринальные документы Президента РФ, а также материалы интернет-порталов органов публичной власти. Применялись общеправовые теоретические методы познания, формально-юридический метод. Формы реализации прав и свобод личности с применением цифровых технологий основаны на общем механизме осуществления норм права и включают непосредственную и правоприменительную формы. Непосредственная форма характерна для частноправовых отношений. При непосредственной форме реализации прав личности с применением цифровых технологий необходимым условием становится цифровая грамотность личности и культура поведения в цифровом пространстве. Правоприменительная форма с учетом внедрения информационных технологий в работу органов власти существенно трансформировалась и наиболее ярко проявляется через деятельность по предоставлению государственных услуг населению, в частности ФГИС «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)», ГАС «Правосудие», ГАС «Выборы». Эти цифровые платформы позволяют упростить процесс реализации публичных прав для граждан. Новым подходом к проблематике реализации прав и свобод личности является определение специфики основных форм реализации и условий, при которых они происходят в цифровом пространстве. Изложено авторское видение относительно возможного развития законодательства, регламентирующе-

го применение цифровых средств. Констатируется, что мнение относительно необходимости ограничения цифрового пространства как платформы для реализации прав человека архаично и это связано, в первую очередь, со стремлением личности самостоятельно определять для себя рамки реализации своих прав.

Ключевые слова

цифровое пространство, реализация прав и свобод, формы реализации, непосредственная реализация прав и свобод, правоприменительная деятельность, электронное правосудие, Госуслуги, Цифровой кодекс

Для цитирования

Белянская О.В., Чомаев А.А. О некоторых особенностях реализации прав и свобод личности в цифровом пространстве // *Актуальные проблемы государства и права*. 2024. Т. 8. № 3. С. 339-348. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-3-339-348>

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-3-339-348>

On some features of the implementation of individual rights and freedoms in the digital space

© Olga V. BELYANSKAYA,

PhD (Law), Associate Professor, Senior Lecturer of Civil Law Disciplines Department, Sukharev Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 12 Vrubelya St., Moscow, 125080, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-8936-2766>, 520877@mail.ru

© Albert A. CHOMAEV,

Senior Lecturer of Theory and History of State and Law Department, North-Caucasus Federal University, 1 Pushkin St., Stavropol, 355017, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-0528-1310>, albert.chomaev@mail.ru

Abstract

It is important to study the forms and procedures for implementing individual rights both in direct form and through law enforcement, taking into account modern needs and technologies that are changing the methods and means of their implementation. Analysis of the features of the implementation of individual rights in the digital space is of not only theoretical, but also practical interest, since the issue of the implementation of human rights is central to the general theory of law and industrial sciences. The study used scientific publications, regulatory legal acts, doctrinal documents of the President of the Russian Federation, as well as materials from Internet portals of public authorities. General philosophical theoretical methods of cognition and the formal legal method are used. The rights and freedoms implementation forms of the individual using digital technologies are based on the general mechanism of implementation of legal norms and include direct and law enforcement forms. The direct form is characteristic of private law relations. In the direct implementation forms of individual rights using digital technologies, digital literacy of the individual and the culture of behavior in the digital space become a necessary condition. The law enforcement form, taking into account the introduction of information technologies into the work of government bodies, has been significantly transformed and is most clearly manifested through the activities of providing public services to the population, in particular the Federal State Information System “Unified Portal of State and Municipal Services (Functions)”, State Automated System “Justice”, State Automated System “Elections”. These digital platforms make it possible to simplify the process of implementing public rights for citizens. A new approach to the problem of implementing the individual rights and freedoms is to determine the specifics of the main forms of implementation and the conditions under which they occur in the digital space. The author’s vision is presented regarding the possible development of legislation regulating the use of digital means. It is stated that the opinion regarding the need to limit the digital space as a platform for the implementation of human rights is archaic and this is primarily due to the desire of the individual to independently determine the framework for the implementation of his rights.

Keywords

digital space, implementation of rights and freedoms, implementation forms, direct implementation of rights and freedoms, law enforcement, electronic justice, Gosuslugi, Digital Code

For citation

Belyanskaya, O.V., & Chomaev, A.A. (2024). On some features of the implementation of individual rights and freedoms in the digital space. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 8, no. 3, pp. 339-348. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-3-339-348>

Введение. Постановка проблемы

Процесс реализации прав и свобод личности зависит от множества факторов и условий, которые, в свою очередь, подвержены изменениям социального, политического, экономического и технологического характера. Цифровые технологии применяются практически во всех сферах человеческой деятельности, а современное общество живет в новом цифровом пространстве, созданным информационно-техническим прогрессом.

Во многих странах мира продолжается поиск оптимальной формулы правового обеспечения общественных отношений, возникающих в связи с переходом к цифровым технологиям. Граждане повсеместно используют удобство цифровых технологий, позволяющие им самостоятельно выбирать уровень и вид взаимодействия с различными субъектами права. Это вынуждает и органы публичной власти расширять свое присутствие в информационном цифровом пространстве.

Влияние цифровых технологий, цифровизации права на деятельность органов власти является предметом дискуссий ученых разных научных специальностей. Новые технические успехи в области цифровых технологий формируют и новые способы реализации прав и свобод, и систематизация такого рода возможностей является ключом к решению дискуссий вокруг проблемы реализации прав путем использования цифровизации.

Актуальность исследования вызвана и тем, что анализ функционирования цифрового пространства и действий в нем граждан должен производиться с позиций различных наук – от математики до юриспруденции. Пространство, прежде всего, философская категория, она предельно абстрактная, обозначающая конечную либо бесконечную совокупность мест.

По мнению А.П. Сидоровой «Цифровое пространство включает в себя цифровое инфраструктуру и цифровые ресурсы. К цифровой инфраструктуре относятся: аппаратные средства, программное обеспечение, телекоммуникации, сети» [1, с. 49]. От тех средств, которые способствуют развитию жизнедеятельности человека, зависят формы и процесс осуществления его прав и свобод. С появлением цифровых технологий в жизненном

пространстве людей появились персонализированные автоматические средства, позволившие быть человеку мобильным и не зависеть от конкретного места нахождения, автоматизировать получение, обработку и передачу информации.

Очевидно, что трансформация этого пространства вызывает глобальные перемены в процессе реализации субъективных прав. Несмотря на большое количество публикаций, предметом которых является цифровизация и последствий ее влияния на жизнь человека, существует необходимость анализа особенностей реализации прав и свобод граждан в условиях цифрового пространства, когда становятся доступными новые средства и способы осуществления субъективного права. В связи с чем всестороннее изучение особенностей реализации прав личности в цифровом пространстве имеет как теоретический, так и практический интерес, ценность для проведения дальнейших исследований проблематики реализации прав человека.

Цель исследования – выявить особенности проявления форм и процесса реализации прав личности в активно развивающемся цифровом пространстве, обосновать, что цифровые технологии изменили средства реализации отдельных прав и свобод личности, а также процедуры взаимодействия с органами публичной власти.

Материалы и методы

В качестве материала исследования были взяты научные статьи с позициями о процессе реализации прав и свобод граждан и инновационных механизмах их реализации в условиях цифровизации права. Отметим, что данная статья является продолжением исследований авторов публикации таких проблем, как влияние цифровизации на процесс правореализации и осуществления юридической деятельности, использование цифровых технологий в процессе реализации прав и свобод личности, о сущности и основных формах реализации прав человека.

В качестве нормативной основы были использованы федеральные законы, акты Правительства РФ, а также доктринальные документы Президента РФ. Авторы использовали материалы интернет-порталов и официальных сайтов органов публичной власти, отражающие взаимодействие с гражданами.

При исследовании реализации прав личности в цифровом пространстве использован комплекс методов и подходов, позволяющих проанализировать предмет статьи с позиции общей теории права и отраслевых юридических наук. Применены общеправовые теоретические методы познания, а также такие универсальные методы, такие как абстрагирование, прогностический, сравнения. Формально-юридический метод был использован для анализа законодательства в целях выявления нормативного регулирования процедур реализации прав человека в информационном пространстве.

Результаты исследования и их обсуждение

Использование цифровых технологий корректирует правовое пространство, порождает новые способы, процедуры реализации основных прав человека, этические и моральные основания, а также проблемы их обеспечения. Все чаще реализация прав и законных интересов личности происходит в интернет-пространстве, но при этом чаще, чем в обычной жизни, могут быть нарушены материальные и нематериальные права личности, и все это требует новых решений и нового правового регулирования.

В политических и правовых условиях последних десятилетий цифровые технологии стали важным средством осуществления функций государства. Президент РФ В.В. Путин в Послании Федеральному Собранию 2024 года отметил, что «к 2030 году нужно сформировать цифровые платформы во всех ключевых отраслях экономики и социальной сферы»¹. И далее, рассуждая об инфраструктуре экономики данных, Президент РФ выразил мнение, что использование цифровых технологий должно охватывать все слои населения и давать новые возможности использования цифровых систем при реализации различных прав человека.

В цифровом пространстве меняются форма и способы реализации прав личности и возникает необходимость обеспечения их качественной защиты. А.А. Эльтемеров и О.В. Эльтемерова правильно рассуждают,

что «общение людей в виртуальном мире является фактической реальностью современной культуры, требующей от человека наличия таких важных качеств, как целеполагание, творческое мышление и умение отличать действительное от желаемого (виртуального)» [2, с. 39].

Как отмечает Д.А. Авдеев, «цифровые технологии упрощают порядок обращения в государственные органы, в правозащитные организации, в том числе по вопросам защиты права на неприкосновенность частной жизни, цифровые технологии позволяют гражданам работать, делать покупки, общаться из дома, что освобождает время для других дел, относящихся к сфере частной жизни и др.»². При этом формируются и новые права личности – цифровые. Председатель Конституционного суда Российской Федерации В.Д. Зорькин на Петербургском международном юридическом форуме в мае 2018 г. одним из первых употребил термин «цифровые права» и отметил, что «в настоящее время формируется новое право – право «второго модерна», которое выступает регулятором политических, экономических и социальных отношений в контексте мира цифр, больших данных, роботов, искусственного интеллекта, цифровые права человека»³. В рамках данного исследования мы не будем рассуждать о природе и способах реализации цифровых прав, отметим лишь, что процесс реализации этих прав также вполне укладывается в общий механизм и формы реализации прав, свобод и законных интересов граждан.

Мы разделяем позицию, что в современной правовой системе «большинство конституционных прав и свобод человек может реализовать посредством сети Интернет (например, право на образование, право на свободу слова и др.)» [3, с. 52]. Формы реализации прав личности с учетом их осуществления в цифровом пространстве, безусловно, трансформировались, так как появились но-

² Авдеев Д.А. Правовое регулирование отношений, связанных с цифровизацией частной жизни: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2024. С. 13.

³ Зорькин В.Д. Размышление на полях Петербургского международного юридического форума. URL: <https://rg.ru/2018/05/29/zorkin-zadacha-gosudarstva-priznavat-i-zashchishchat-cifrovye-prava-grazhdan.html> (дата обращения: 10.03.2024).

¹ Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 29.02.2024. URL: www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/73585 (дата обращения: 25.06.2024).

вые технологии осуществления субъективных прав. Они позволяют бесконтактно реализовать правовые возможности и проконтролировать их исполнение со стороны иных субъектов права.

Реализация прав и свобод личности при использовании цифровых средств должна быть встроена в общий механизм реализации прав и свобод, включающий процедуры правоприменения и непосредственной реализации норм права [4, с. 635]. Таким образом, человек реализует свои права в цифровом пространстве как самостоятельно, так и обращаясь к публичным органам власти и должностным лицам через специальные сервисы.

Непосредственная форма реализации прав личности в цифровом пространстве охватывает, прежде всего, комплекс частно-правовых отношений – сфера торговли и услуг, трудовые и образовательные отношения, семейные, банковские. Процедура непосредственной реализации в данных правоотношениях двойственна: она носит либо инициативный характер, то есть личность сама определяет последовательность своих действий, либо основана на процедурно-правовом порядке. В этом случае нормы права закрепляют способ и процедуры реализации, хотя в отдельных случаях для большей свободы субъектов права процедура вообще не определена законом.

Отметим, что процесс правореализации с применением инфокоммуникационных технологий, если он протекает в непосредственной форме, имеет специфику вследствие того, что фактором, который влияет на качество правореализации, является цифровая культура, основанная на цифровой грамотности лица, реализующего свои правовые возможности [4, с. 635]. И эта цифровая грамотность, безусловно, влияет на точность выполнения правовых предписаний и выбор средств обеспечения прав личности.

Определяя сущность непосредственной формы реализации прав личности с применением цифровых технологий, отметим ряд особенностей.

Во-первых, непосредственная реализация характеризуется тем, что в данной форме реализации права личность самостоятельно определяет объем, способы и процедуры

осуществления своих прав. Это, например, реализация прав, предусмотренных статьей 454 ГК РФ (договор купли-продажи), которая возможна и широко применяется с использованием информационных технологий – онлайн-ритейлеров, электронных торговых площадок, то есть все, что подпадает под действие Правил продажи товаров при дистанционном способе продажи товара по договору розничной купли-продажи⁴.

Во-вторых, при непосредственной форме реализации граждане реализуют свои права без помощи публичных органов власти, и это ускорят процесс правореализации. Например, при реализации таких прав, как право на доступ к информации, право на объединение, свобода вероисповедания, свобода мысли и слова. Однако за правильность своих действий субъект сам несет ответственность, так как в противном случае права могут быть не реализованы или затронуты интересы других лиц. При реализации банковских отношений, связанных с хранением физическими лицами денежных средств, осуществлением банковских операций при помощи интернет-приложений, не требуется участие публичных органов власти, да и личного контакта с банком чаще всего не требуется. Банки поощряют операции именно с применением цифровых технологий.

В-третьих, при непосредственной реализации нет необходимости в принятии индивидуального правового акта, так как процесс непосредственной реализации входит в простое правовое регулирование, в котором используется один государственно-властный акт – нормативный, индивидуализацию же прав и обязанностей осуществляют сами субъекты, к которым этот акт обращен [5]. Самостоятельная реализация в цифровом про-

⁴ Об утверждении Правил продажи товаров по договору розничной купли-продажи, перечня товаров длительного пользования, на которые не распространяется требование потребителя о безвозмездном предоставлении ему товара, обладающего этими же основными потребительскими свойствами, на период ремонта или замены такого товара, и перечня непродовольственных товаров надлежащего качества, не подлежащих обмену, а также о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации: Постановление Правительства РФ от 31.12.2020 № 2463 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 3. Ст. 593.

странстве опирается на интерпретацию нормативных актов и собственные правовые знания. Большую часть прав, реализуемых в такой форме, составляют личные права и права в сфере частноправовых отношений. Граждане не обращаются в органы власти.

В-четвертых, важным моментом в процессе непосредственной реализации является право на самозащиту, которое используется путем самостоятельного обращения с жалобой, заявлением на действия лиц, нарушивших право лица, подача интернет-петиций, это может быть и блокировка сайта, номера телефона, установка программ, определяющих подменные номера интернет-мошенников. В цифровой среде самозащита актуальна и, как считает Н.И. Уздимаева, ее применение возможно при выполнении следующих задач цифровизации правовой среды: «1) переход от простой автоматизации процессов к их содержательной трансформации; 2) актуализация нормативной базы, включая разработку новых отраслевых стандартов реализации права на самозащиту; 3) создание нового типа культуры самозащиты – цифровой» [6, с. 469]. Последнее весьма актуально в свете многочисленных фактов обмана граждан в цифровом пространстве. Проблем, связанных с самозащитой прав и личных интересов граждан много, и они требуют совершенствования в области конкретизации возможных механизмов реализации права на самозащиту в цифровой среде, разработки соответствующей реалиям терминология.

Правоприменительная форма реализации прав и свобод. Цифровые средства позволяют человеку быстро и просто осуществить свои права, в связи с этим сфера самостоятельной реализации прав постоянно расширяется и ограничена она только прямым предписанием о правоприменении как единственно возможном способе осуществления определенного права.

Согласимся с мнением О.М. Банниковой, что «информационные технологии – всего лишь инструмент, который необходимо эффективно использовать для защиты прав и законных интересов человека» [7, с. 15]. В итоге фактором, определяющим качество работы публичного органа власти, является профессионализм должностных лиц,

участвующих в процессе осуществления субъективного права личности.

Правоприменительная форма реализации включает действия личности в ее взаимоотношениях с органами публичной власти, которые она осуществляет при помощи цифровых технологий. И здесь ярким примером их использования является Федеральная государственная информационная система «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)» (Госуслуги). С помощью данного портала «можно получить 480 единиц услуг. В 2022 г. в целом россиянам было оказано 200 миллионов социально значимых услуг»⁵. Отметим, что Госуслуги являются средством реализации прав личности не только путем правоприменения (регистрация по месту проживания, изменение избирательного участка для голосования), но и в непосредственной форме (запись к врачу). Как видно, диапазон субъективных прав, включающих применение информационных технологий, очень широк – от политических до социальных, в том числе правомочий по защите нарушенных прав.

Право на защиту – одно из основополагающих в правовом статусе личности, в связи чем расширение способов его реализации есть важный элемент качества его обеспечения. Применение цифровых технологий в судебной системе необходимо для реализации предоставления услуг гражданам и организациям при отправлении правосудия в различных видах судопроизводства. Работы по использованию информационных, программных и технических решений начали осуществляться с 2007 г. посредством внедрения системы ГАС «Правосудие». Данная система внедрила электронные формы взаимодействия с участниками судебного процесса во всех судах общей юрисдикции.

Мы полагаем, что до настоящего времени модель цифрового правосудия как эффективного средства взаимодействия суда и сторон судопроизводства не сформирована. Хотя на уровне закона установлены различные формы и способы осуществления права на обращения в суд за защитой нарушенных

⁵ Узбекова А. Степень цифровизации госуслуг в России стремительно растет. URL: <https://rg.ru/2023/10/24/lgota-bridet-avtomatom.html> (дата обращения: 23.06.2024).

прав граждан. Так, Федеральным законом от 30 декабря 2021 г. № 440-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁶ установлены способы осуществления процессуальных действий с использованием федеральной государственной информационной системы Госуслуги. Желаемым конечным вариантом использования цифровых технологий в судопроизводстве является возможность осуществления электронного правосудия, под которым с теоретической точки зрения понимаются способы и формы осуществления участниками судопроизводства всех процессуальных действий с использованием информационных технологий.

О необходимости внедрения информационно-поисковых систем в практику российского государства указывалось во многих источниках, было апробировано через внедрение механизмов, направленных на облегчение доступа к информации, касающейся правосудия. Российская национальная модель «электронного правосудия» формировалась под влиянием мировых тенденций развития цифровых технологий, воспринимаемых участниками соответствующих общественных отношений.

Отметим, что эра цифровых технологий дает современному человеку вариативность в вопросе реализации собственных прав, возможность самостоятельно отстаивать свои интересы, при этом оптимизировав затраты собственных финансов и времени. Данные технологии органично вписываются в современную среду цифрового мира, и кажется, что цифровой мир не перестанет быть актуален, а будет все более востребованным на каждом этапе дальнейшего развития. В свою очередь, такие системы, как ГАС «Правосудие», ГАС «Выборы», а также современные законодательные изменения в области цифровизации будут способствовать этому развитию.

Как нам кажется, инструментом, способным регулировать общественные отношения и защиту прав личности в цифровой среде, может выступить предложенный Советом по правам человека при Президенте РФ Циф-

ровой кодекс. Действующее законодательство не имеет конкретный нормативный правовой акт, определяющий механизм защиты прав человека в цифровом пространстве. Цифровой кодекс может дать возможность гражданам расширить использование своих законных интересов как потребителей, использующих цифровые торговые площадки, закрепить право отказываться от общения с чат-ботами и отключать рекомендации в интернет-магазинах и др. В данном кодексе следует закрепить процедуры защиты персональных данных, работу искусственного интеллекта в процессе осуществления интересов личности и т. д.

Несмотря на очевидные достоинства цифровых технологий при реализации прав человека, существует много противников их распространения. Так, публицист В.Н. Осипов считает, что наше общество стоит перед угрозой духовного и биологического уничтожения и выступает против введения идентификационных кодов, которые, по его мнению, нужны для отслеживания того или иного человека, что, в свою очередь, нарушает права человека⁷. Но подобные методы применения цифровых технологий имеют положительный эффект, если будут применяться органами власти для обеспечения более эффективного процесса реализации и защиты прав личности. Электронные средства обеспечивают доступность процедур реализации многих субъективных прав личности. Человек, не выходя из дома, может взаимодействовать с органами власти различного уровня. Цифровые средства позволяют отслеживать правонарушителей и идентифицировать их в короткие сроки. В современном мире право неизбежно идет по пути фиксации способов применения цифровых средств в различных правоотношениях, кроме этого, есть множество способов фиксации цифрового следа правонарушений, совершенных в интернет-пространстве.

Мнения относительно ограничения цифрового пространства как платформы для реализации прав человека архаичны и не находят своего оправдания, что связано в первую

⁶ Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 1 (ч. I). Ст. 9.

⁷ Осипов В.Н. Закат свободы в цифровой зоне // Русская народная линия. 2019. № 12. URL: https://ruskline.ru/news_rl/2019/12/30/zakat_svobody_v_cifrovoi_zone (дата обращения: 12.06.2024).

очередь со стремлением социума к более демократическому и более свободному миру, в котором личность может самостоятельно определять для себя рамки реализации своих прав и свобод. Использование цифровых технологий есть неизбежный процесс и результат развития современного общества.

Заключение

Разделяя мнение профессора В.Н. Шеломенцева о том, что «общество становится гражданским, когда в нем признается ценность гражданина, личности, а государству отводится роль средства для развития человека. Понимание всего комплекса отношений этих субъектов политики означает способность общественной системы к самообновлению и развитию» [8, с. 120], полагаем, что цифровое пространство становится мощным средством эффективной реализации гражданами своих прав и ступенью к становлению свободного и открытого общества.

Выделяя особенности проявления форм реализации прав личности в цифровом пространстве, мы приходим к следующим выводам.

1. Формы реализации прав личности, несмотря на применение цифровых технологий и повсеместного расширения зоны цифрового пространства, традиционны – это непосредственная и правоприменительная. В некоторых случаях происходит их пересечение. Но при этом важно понимать, что в частноправовых отношениях доминирует непосредственная форма, и ее процедуры во многом зависят от потребностей и интересов лица и конкретного правоотношения.

2. Цифровое пространство расширяет транспарентность органов власти и такую форму реализации прав личности, как непосредственная. Это форма реализации норм права – от управомачивающих до обязывающих, проявляется в активных самостоятельных действиях субъектов права и характерна, прежде всего, для граждан как участников правореализационного процесса с использованием информационных технологий. Самозащита, рассматриваемая в научной литературе как самостоятельное право личности, в цифровом пространстве меняется, приобретая новое смысловое содержание.

3. При анализе реализации права с участием публичных органов власти надо отметить, что современное законодательство должно быть ориентировано на активную позицию личности, желание самостоятельно реализовать принадлежащие ей права и предоставлять свободу в выборе средств реализации и защиты своих прав – при помощи информационных технологий или обычным способом – путем личного обращения в органы власти. Цифровые технологии за последние двадцать лет существенно изменили средства реализации публичных прав и свобод личности и процедуры взаимодействия с органами публичной власти.

4. Развитие информационных технологий и вовлечение в него большого количества граждан и их объединений невозможно без постоянной адаптации законодательства и улучшения процедур «реализации цифровизации правовой сферы общества, обеспечения информационной безопасности государства и совершенствования юридической деятельности» [9; 10]. Необходимо это для выстраивания алгоритмов обеспечения безопасности процедур реализации как публичных прав граждан, так и прав в сфере частного права.

Эволюция информационного пространства требует решения проблем, связанных с самозащитой прав и законных интересов граждан. Формы и средства самозащиты в цифровом пространстве требуют конкретизации, а также разработки отражающей нынешним реалиям терминологии.

На современном этапе развития цифрового пространства, несмотря на успешные попытки в области урегулирования возможностей личности, полный комплекс процедур реализации субъективных прав личности с использованием информационно-телекоммуникационных средств законодательно не проработан. Да, невозможно охватить правом все новые средства и возможности человека и технологий. Но необходимо дальнейшее развитие доступности цифровых технологий, доведение их до состояния безошибочности и бесконфликтности. Процесс по внедрению цифровых технологий должен охватывать все регионы страны. Это обеспечит цифровое равенство граждан и доступность применения всех форм реализации и защиты их прав.

Список источников

1. Сидорова А.П. Понятие цифрового пространства и его характеристики. Возможности и угрозы использования цифрового пространства // Научный диалог: Молодой ученый: сб. науч. тр. по материалам 28 Междунар. науч. конф. СПб.: Международная Объединенная Академия Наук, 2020. С. 48-55. <https://doi.org/10.18411/spc-22-05-2020-11>, <https://elibrary.ru/pqculk>
2. Эльтемеров А.А., Эльтемерова О.В. Культура поведения в современном цифровом пространстве // Культура и безопасность. 2021. № 2. С. 39-43. <https://doi.org/10.25257/KB.2021.2.39-43>, <https://elibrary.ru/wlllwx>
3. Клементьева В.С., Воронина Н.А. Право на доступ к Интернету – платформа для реализации конституционных прав и свобод человека в сети Интернет // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 8. С. 51-53. <https://doi.org/10.24411/2073-0454-2020-10450>, <https://elibrary.ru/xuwfgo>
4. Белянская О.В., Чомаев А.А. Процесс правореализации в условиях цифровизации // Гуманитарные и юридические исследования. 2022. № 9 (4). С. 630-637. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2022.4.14>, <https://elibrary.ru/csnhmw>
5. Белянская О.В. Сущность и основные формы реализации права // Правовая политика и правовая жизнь. 2008. № 3. С. 116-122. <https://elibrary.ru/juywxl>
6. Уздимаева Н.И. Инновационные механизмы реализации права на самозащиту в условиях цифровизации права: современное состояние и перспективы // Юридическая техника. 2021. № 15. С. 463-469. <https://elibrary.ru/sigkje>
7. Банникова О.М. Роль цифровизации в защите прав человека и гражданина на примере института уполномоченного по правам человека в Российской Федерации // Теория государства и права. 2023. № 4-1 (34). С. 13-16. https://doi.org/10.47905/MATGIP.2023.4_1_34_13, <https://elibrary.ru/dodrxs>
8. Шеломенцев В.Н. Правовой статус общественных объединений в Российской Федерации // Научный вестник Московского государственного технического университета гражданской авиации. 2012. № 182. С. 114-123. <https://elibrary.ru/pvujhh>
9. Белянская О.В., Чомаев А.А. Влияние цифровизации на процесс осуществления юридической деятельности // Актуальные проблемы государства и права. 2022. Т. 6. № 4. С. 488-495. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2022-6-4-488-495>, <https://elibrary.ru/qkiymw>
10. Чомаев А.А. О некоторых проблемах использования цифровых технологий в процессе реализации прав и свобод личности // Гуманитарные и юридические исследования. 2023. № 10 (2). С. 314-320. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.2.18>, <https://elibrary.ru/oecbav>

References

1. Sidorova A.P. (2020). The concept of digital space and its characteristics. Opportunities and threats of using digital space. *Sbornik nauchnykh trudov po materialam 28 Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Nauchnyi dialog: Molodoi uchenyi» = Collection of Scientific Works based on the Materials of the 28th International Scientific Conference “Scientific Dialogue: Young Scientist”*. St. Peteraburg, Mezhdunarodnaya Ob”edinennaya Akademiya Nauk Publ., pp. 48-55. (In Russ.) <https://doi.org/10.18411/spc-22-05-2020-11>, <https://elibrary.ru/pqculk>
2. El’temerov A.A., El’temerova O.V. (2021). Cultural behaviour in modern digital space. *Kul’tura i bezopasnost’ = Culture and Security*, no. 2, pp. 39-43. (In Russ.) <https://doi.org/10.25257/KB.2021.2.39-43>, <https://elibrary.ru/wlllwx>
3. Klement’eva V.S., Voronina N.A. (2020). The right to access the Internet – a platform for the implementation of constitutional human rights and freedoms on the Internet. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, no. 8, pp. 51-53. (In Russ.) <https://doi.org/10.24411/2073-0454-2020-10450>, <https://elibrary.ru/xuwfgo>
4. Belyanskaya O.V., Chomaev A.A. (2022). The process of law enforcement in the conditions of digitalization. *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya = Humanities and Law Research*, no. 9 (4), pp. 630-637. (In Russ.) <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2022.4.14>, <https://elibrary.ru/csnhmw>
5. Belyanskaya O.V. (2008). Essence end basic forms to realization of the law, rights and liberties to personal-ity. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn’*, no. 3, pp. 116-122. (In Russ.) <https://elibrary.ru/juywxl>
6. Uzdimaeva N.I. (2021). Innovative mechanisms for realizing the right to self-defense in the conditions of digitalizing the right: current status and prospects. *Yuridicheskaya tekhnika = Juridical Techniques*, no. 15, pp. 463-469. (In Russ.) <https://elibrary.ru/sigkje>
7. Bannikova O.M. (2023). The role of digitalization in the protection of human and civil rights on the example of the institution of the commissioner for human rights in the Russian Federation. *Teoriya gos-*

- darstva i prava* = *Theory of State and Law*, no. 4-1 (34), pp. 13-16. (In Russ.) https://doi.org/10.47905/MATGIP.2023.4_1_34_13, <https://elibrary.ru/dodrxs>
8. Shelomentsev V.N. (2012). The legal status of public associations in the Russian Federation. *Nauchnyi vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta grazhdanskoj aviatsii* = *Civil Aviation High Technologies*, no. 182, pp. 114-123. (In Russ.) <https://elibrary.ru/pvujhh>
 9. Belyanskaya O.V., Chomaev A.A. (2022). The impact of digitalization on the process of legal activity. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava* = *Current Issues of the State and Law*, vol. 6, no. 4, pp. 488-495. (In Russ.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2022-6-4-488-495>, <https://elibrary.ru/qkiymw>
 10. Chomaev A.A. (2023). On some problems of using digital technologies in the process of realizing individual rights and freedoms. *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya* = *Humanities and Law Research*, no. 10 (2), pp. 314-320. (In Russ.) <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.2.18>, <https://elibrary.ru/oecbav>

Авторы демонстрируют отсутствие конфликта интересов. / Authors declare no conflict of interests.

Поступила в редакцию / Received 05.07.2024

Поступила после рецензирования / Revised 10.09.2024

Принята к публикации / Accepted 20.09.2024

Контент доступен под лицензией [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-3-349-356>

Шифр научной специальности 5.1.4

К вопросу о формировании криминального профессионализма в деятельности мошенников дореволюционной России

© ЗАРУБИНА Кристина Александровна,

преподаватель кафедры теории и истории государства и права, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», Российская Федерация, 305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94, <https://orcid.org/0000-0003-2725-6906>, kris1996z@mail.ru

Аннотация

К началу XX века в России сформировалась сплоченная и монолитная «каста» преступников-профессионалов. Их деятельность отличалась особой опасностью, устойчивостью во времени и пространстве, а также постоянством, неконтролируемостью развития, многообразием форм криминальных «промыслов» и высокой степенью защиты от социально-правового контроля. Целью исследования является анализ проблемы формирования криминального профессионализма в деятельности дореволюционных мошенников в России. Определено, что возникновение отечественного профессионального мошенничества произошло в XVIII веке. В этот период в российском законодательстве впервые нормативно закрепляется юридическая конструкция основного состава мошенничества, близкого к современному понятию, а в деятельности известных профессиональных преступников обнаруживаются отдельные характерные черты совершения мошеннических действий на профессиональной основе. Доказано, что окончательно криминальное сообщество мошенников-профессионалов складывается в России в XIX – начале XX века. В это время в деятельности мошенников обнаруживаются основные признаки криминального профессионализма. К началу XX века профессиональные мошенники занимают «почетное» место в криминальной иерархии, приобретают узкие специализации и соответствующую квалификацию, необходимую для совершения преступлений и обеспечения собственной безопасности, неуязвимости от уголовного преследования, а также значительно укрепляют связи в преступном мире, в том числе активно поддерживая и преумножая ценности криминальной субкультуры.

Ключевые слова

криминальный профессионализм, признаки профессиональной преступности, мошенничество, профессиональные мошенники, повторность, криминальная субкультура, криминальная специализация

Благодарности

НИР подготовлена в рамках государственного задания на 2024 год «Трансформация частного и публичного права в условиях эволюционирующих личности, общества и государства» (номер 0851-20200033).

Для цитирования

Зарубина К.А. К вопросу о формировании криминального профессионализма в деятельности мошенников дореволюционной России // Актуальные проблемы государства и права. 2024. Т. 8. № 3. С. 349-356. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-3-349-356>

On the issue of criminal professionalism development in the activities of fraudsters in pre-revolutionary Russia

© Kristina A. ZARUBINA,

Lecturer of Theory and History of State and Law Department, Southwest State University, 94 50 let Oktyabrya St., Kursk, 305003, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0003-2725-6906>, kris1996z@mail.ru

Abstract

By the beginning of the 20th century, a cohesive and monolithic “caste” of professional criminals had formed in Russia. Their activities were distinguished by their particular danger, stability in time and space, as well as constancy, uncontrollability of development, diversity of forms of criminal “trades” and a high degree of protection from social and legal control. The aim of the study is to analyze the problem of the development of criminal professionalism in the activities of pre-revolutionary fraudsters in Russia. It is determined that the emergence of domestic professional fraud occurred in the 18th century. During this period, the legal structure of the basic elements of fraud, close to the modern concept, was first formally established in Russian legislation, and certain characteristic features of committing fraudulent acts on a professional basis were discovered in the activities of well-known professional criminals. It is proven that the final criminal community of professional swindlers was formed in Russia in the 19th – early 20th century. At this time, the main signs of criminal professionalism were revealed in the activities of fraudsters. By the beginning of the 20th century, professional fraudsters occupy an “honorable” place in the criminal hierarchy, acquire narrow specializations and the corresponding qualifications necessary to commit crimes and ensure their own safety, invulnerability from criminal prosecution, and also significantly strengthen their connections in the criminal world, including actively supporting and increasing the values of the criminal subculture.

Keywords

criminal professionalism, professional crime signs, fraud, professional fraudsters, repetition, criminal subculture, criminal specialization

Acknowledgements

The research is prepared within the framework of the state task for 2024 “Transformation of private and public law in the conditions of evolving personality, society and the state” (number 0851-20200033).

For citation

Zarubina, K.A. (2024). On the issue of criminal professionalism development in the activities of fraudsters in pre-revolutionary Russia. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 8, no. 3, pp. 349-356. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-3-349-356>

Введение

Впервые в отечественном законодательстве понятие мошенничества было нормативно закреплено в Судебнике 1550 г. Статья 58 предписывала привлечение к уголовной ответственности мошенника посредством назначения такого же наказания, что и вору (преступника приговаривали к смертной казни)¹. Однако, несмотря на выделение данного состава преступления в качестве самостоятельной юридической конструкции, никаких разъяснений относительно объективной стороны законодатель не давал.

Известный ученый-правовед и криминолог XIX – начала XX века И.Я. Фойницкий справедливо отмечал, что «состав мошенничества по Судебнику 1550 г. восстановить очень трудно, так как законодатель того времени еще не давал своих определений преступления, полагаясь на юридическое чувство народа». Однако ученый тут же подчеркивал, что под мошенническими действиями в данном случае необходимо понимать мелкую кражу [1, с. 23-27]. Некоторые современные исследователи также полагают, что в рассматриваемый период мошенничество отождествлялось с одной из разновидностей тайного хищения чужого имущества, поскольку в статье 58 Судебника 1550 г. этот

¹ Судебник 1550 года. URL: <https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/sudebnik1550> (дата обращения: 12.03.2024)

состав преступления приравнивался к краже [2].

Другие исследователи, соглашаясь с мнением другого известного дореволюционного ученого-правоведа России М.Ф. Владимирского-Буданова [3, с. 149-150], указывают, что в Судебнике 1550 г. при выборе термина «мошенничество» законодатель руководствовался иными установками, полагая, что указанный состав преступления расценивался как особая разновидность кражи, при которой потерпевший знал преступника, похитившего его имущество, что исключало тайный характер совершения преступления. Для подтверждения данной позиции приводится следующий аргумент. Современные ученые указывают, что кошелек в исследуемый период именовали «мошной», и «заполучить» его было возможно только посредством применения различных уловок, отвлекающих внимание жертвы, то есть обманом. Это, как замечают исследователи, смещает акцент при характеристике данного состава преступления со способа изъятия имущества на предмет – «мошну», откуда и берет свое название это преступление [4, с. 248-249]. Принимая во внимание низкий уровень развития юридической техники в рассматриваемый период, считаем указанную точку зрения более верной. В связи с этим можно утверждать, что уже с XVI века в России особое распространение получает мошенничество, как одна из форм хищения чужого имущества с помощью обмана. При этом в дальнейшем, по мере развития государства, изменения структуры и содержания отечественного преступного мира мошенничество заметно трансформировалось, став не просто «разовым» способом извлечения материальной выгоды от совершения преступления, а самым настоящим преступным «ремеслом» для части мошенников, промышленяющих на постоянной основе подобными криминальными «заработками», – будущих преступников-профессионалов.

Цель исследования – анализ проблемы формирования криминального профессионализма в деятельности дореволюционных мошенников в России. Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: определить время зарождения профессионального мошенничества в России; изу-

чить эволюцию отечественного дореволюционного законодательства, предусматривающего ответственность за совершение мошенничества; выявить особенности формирования признаков криминального профессионализма в преступной деятельности дореволюционных мошенников в России.

Методы исследования

В процессе работы над рассматриваемой проблемой использовались методы обобщения, анализа, синтеза, формально-юридический, сравнительно-правовой методы.

Результаты исследования, обсуждения

Впервые в отечественном законодательстве нормативное разграничение разных видов хищений (а именно мошенничества и кражи) произошло в XVIII веке. В указе от 3 апреля 1781 г. «О суде и наказаниях за воровство разных родов и о заведении рабочих домов во всех губерниях» в зависимости от характера совершения антиобщественного деяния выделяются три рода воровства: воровство-грабеж, воровство-мошенничество и воровство-кража. Причем под воровством-мошенничеством законодатель подразумевает совершение воровства на торгу или в ином многолюдном месте. Особо в законе подчеркивалось, что таким образом можно совершить не только карманную кражу, но и хищение «обманом или вымыслом», что сближает конструкцию данного состава преступления с современным уголовно-правовым пониманием мошенничества².

Примечательно, что именно с XVIII веком связаны письменные упоминания о деятельности первых профессиональных мошенников в России. Так, например, известного преступника-профессионала XVIII века Ваньку Каина в криминальных кругах именовали не просто вором, а вором и мошенником [5, с. 7]. В описаниях жизни Ваньки Каина замечалось, что территории совершения хищений между преступниками были поделены, и у каждого было «свое место» для мошенничества.

² О суде и наказаниях за воровство разных родов и о заведении рабочих домов во всех губерниях: Именной указ от 3.04.1781, данный сенату. URL: <http://base.garant.ru/58105240/#friends> (дата обращения: 30.01.2024).

Также у профессиональных мошенников в это время создается и активно развивается свой собственный язык [6], который впоследствии исследователи станут именовать «арго», или криминальный жаргон (неотъемлемый атрибут криминальной субкультуры). По замечанию современников, в это время мошенниками использовались «многие выдуманные ими слова, которых, кроме них, никто не разумел» [7, с. 93]. Например, «вора» в XVIII веке преступники именовали «брат нашего сукна», мошенничать означало «подавать милостыню». Жертвы преступления именовались «сырыми», а вместо слова «тревога» преступники употребляли выражение «мелкая раструска». Тюрьма называлась «каменным мешком», а застенки – «немошной баней». Интересно, что в стандартных для мошенника ситуациях преступники также использовали типичные выражения. К примеру, если преступник попадал в тюрьму, то «коллеги» по криминальному «ремеслу» нередко давали взятку сотруднику исправительного учреждения, для того чтобы освободить осужденного. В этом случае полагалось говорить: «овин горит, а молотильщики обедать просят» [8].

Кроме того, важно отметить, что внутри преступных групп мошенников уже существовало некое разделение профессиональных функций (в зависимости от криминальной квалификации): кто-то специализировался на непосредственном совершении преступления, кто-то отвлекал жертву и делил «добычу», а кто-то сбывал похищенное имущество. В расспросных листах по делу известного мошенника и вора Ваньки Каина значилось, что почти все преступники были так или иначе связаны друг с другом. При этом преступным промыслом лица занимались, как правило, в составе небольших групп (от 2 до 5 человек) [9], что, в свою очередь, указывает на формирование такого признака криминального профессионализма, как наличие преступных связей.

Как видим, в обозначенный период мошенничество не только выделяется в самостоятельную юридическую конструкцию, схожую с современным уголовно-правовым толкованием, но и в деятельности мошенников обнаруживаются отдельные признаки профессиональной преступности. Например, от-

мечается формирование криминальной субкультуры, укрепляются связи в преступной среде, а само криминальное «ремесло» воспринимается как постоянный источник дохода (мошенники занимались хищениями не от случая к случаю, а постоянно).

В XIX век, по справедливому замечанию С.Я. Лебедева, «криминальный мир вступил сплоченным, окрепшим и монолитным, имеющим возможности и силы противопоставлять себя закону и общественному порядку» [7, с. 96]. И очень важной частью этого сплоченного и монолитного мира становятся профессиональные мошенники. В общей структуре имущественной преступности в исследуемый период мошенничество имело значительный удельный вес. По замечанию известного российского правоведа дореволюционной России Е.Н. Анучина, в XIX веке больше половины осужденных – за мошенничество и кражи. По данным судебных приговоров в Сибирь в 1827–1846 гг. было сослано более 79 тыс. человек, 60 % из которых составляли имущественные преступники, 4/5 которых, в свою очередь, воры и мошенники [10, с. 20-25]. При этом 14 % рецидивистов от общего числа осужденных (в 1889–1893 гг.) составляли лица, привлеченные к уголовной ответственности за подлог, присвоение и мошенничество [11], что также указывает на систематичность преступной деятельности данной категории лиц, а значит, и на ее профессиональный характер.

Анализ положений действующего в данный период уголовного законодательства дает основание полагать, что именно в XIX веке впервые закон устанавливает при формулировании состава рассматриваемого преступления более строгую юридическую конструкцию. Несмотря на то, что проект Уголовного уложения 1813 г. не содержал понятия мошенничества [12, с. 51], под данным общественно опасным деянием нормы Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (первого полноценного сборника уголовно-правовых норм) понимали похищение чужих вещей, денег, иного движимого имущества посредством обмана³. В Уголовном Уложении 1903 г. этот состав пре-

³ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. Т. 15. Спб.: Деятель, 1912. С. 190.

ступления определялся несколько иначе. Объективная сторона основного состава этого преступления включала в себя несколько альтернативных действий, что позволяло более детально раскрыть сущность данного общественно опасного деяния.

Так, мошенничеством в начале XX века в России признавали: похищение, посредством обмана в количестве или качестве предметов при купле-продаже или иной возмездной сделке, а также с целью присвоения чужого движимого имущества; побуждение посредством обмана с целью доставить себе или иному лицу имущественную выгоду, к уступке права по имуществу или к вступлению в иную невыгодную сделку по имуществу⁴. Представленная диспозиция наиболее удачно описывала некоторые разновидности деятельности не только «рядовых», но и профессиональных мошенников.

Особо примечательно, что в рассматриваемый период отечественное законодательство впервые определяет более высокую степень уголовной ответственности за повторность мошенничества, что прямо указывает на значительную распространенность в обществе данного общественно опасного деяния, совершаемого систематически, или, другими словами, профессиональной основе. Закон предусматривал назначение соответствующих суровых наказаний за совершение мошенничества в третий раз и более трех раз (статьи 2182–2183 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., статьи 1672–1673 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г.)⁵. Судебный устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, 1864 г. также различал повторность совершения мошенничества и определял ее, как отягчающее обстоятельство (пункт 1 статьи 175)⁶. В Уголовном Уложении 1903 г. предусматривалось ужесточение наказания за повторное совершение мошенничества по отбытии двух, трех раз наказания за тождественное преступление или за кражу, разбой,

вымогательство (в течение 5 лет)⁷. Обратим особое внимание на то, что в 1903 г. уголовный закон уже не просто выделяет повторность, а уточняет, что к более высокой степени ответственности должны привлекаться лица, которые ранее были привлечены к ответственности именно за совершение преступлений корыстной и корыстно-насильственной направленности (кражу, разбой или вымогательство), либо за тождественное преступление. Полагаем, так законодатель пытался особо «выделить» лиц, которые занимаются преступной деятельностью с целью получения дохода, а это, в свою очередь, указывает на профессиональный характер такой общественно опасной деятельности.

Так, помимо уточнения признаков состава данного преступления в отечественном уголовном законодательстве XIX – начала XX века, дальнейшее развитие получает институт повторности мошенничества, что свидетельствует о борьбе с помощью правовых мер с деятельностью мошенников-профессионалов.

Отдельно укажем на то, что мошенники в обозначенный период уже имели свои криминальные специализации и необходимую преступную квалификацию. Юрист А.В. Лохвицкий в «Курсе русского уголовного права» утверждал, что мошенничество в это время разделялось на множество групп, каждая из которых характеризовалась особым способом хищения. Ученый подчеркивал: «Мошенники и воры в больших центрах разделяются на классы, каждый из них занимается обыкновенно одним видом кражи или мошенничества, который он изучил...» [13, с. 647]. Однако разделение профессиональных мошенников на соответствующие «классы» по признаку специализации произошло только в настоящее время.

Современные исследователи мошенников дореволюционного периода России разделяют на: «басманщиков», занимающихся «обманными» хищениями посредством использования вещевых, денежных «кукол»; «фармазовщиков», совершающих преступления с помощью поддельных драгоценностей; «менял» или «вздержчиков», использующих для совершения мошеннических дей-

⁴ Уголовное Уложение 1903 года. Спб.: Сенатская тип., 1903. С. 120.

⁵ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. Т. 15. Спб.: Деятель, 1912. С. 190.

⁶ Судебные уставы с изложением рассуждений, на коих они основаны. Второе дополнительное издание. Часть четвертая. Спб., 1867. С. 79.

⁷ Уголовное Уложение 1903 года. Спб.: Сенатская тип., 1903. С. 121.

ствий разменные крупные денежные купюры, а также некоторые иные «категории» преступников [14].

Особо уважаемым промыслом в среде профессиональных мошенников было карточное мошенничество. Распространение этой разновидности преступной деятельности было связано с увеличением в российском обществе маргинальных социальных групп, времяпрепровождение которых зачастую сводилось к азартным играм и пьянству [15]. А.И. Гуров справедливо отмечает, что в данный период среди профессиональных мошенников особо выделилась такая «категория» преступников, как «игроки» – «каста» карточных шулеров, которая занимала привилегированное положение в криминальном мире. Они имели межгубернские преступные связи, устойчивые вековые криминальные традиции и свои характерные способы совершения преступлений (например, обман жертвы при игре в карты с помощью подрезания краев карт, их крапления, наколок и т. д.) [14].

Указание на особо опасный характер деятельности профессиональных шулеров присутствует и в нормах уголовного законодательства представленного периода. Того, кто «в игре запрещенной или не запрещенной будет заведомо употреблять поддельные карты, кости и т. п., или давать играющим упоительные напитки или зелья, или перевернет или подменит карту или служащие для игры кости, или же вообще будет изобличен в каком-либо другом, для обыграния обмане», надлежало лишать всех особенных прав и преимуществ, ссылать на жительство в Сибирь, в отдаленные губернии, отдавать в исправительные арестантские отделения, заключать в тюрьму⁸. Отечественный дореволюционный правовед Л.С. Белгориц-Котляревский отмечал, что рассматриваемый состав преступления относился к квалифицированным, подчеркивая, что так называемый игорный обман происходил посредством подделки орудий игры (например, костей и карт), а равно и посредством их «шулерского употребления». Особо ученый выделял так называемых «шулеров по ремеслу» [16, с. 437], деятельность которых характеризо-

валась не иначе, как профессиональная преступная.

Отдельно подчеркнем, что вектор развития профессионального мошенничества значительно отличался от общего направления движения профессиональной преступности в дореволюционной России. По справедливому замечанию современников, мошенников-профессионалов в это время можно было отнести к элите преступного мира, высшей «аристократии». Как отмечал русский этнограф-беллетрист XIX века С.В. Максимов: «Если воровство преимущественно вербовало своих адептов в низших классах, то мошенничество зачастую отыскивало деятелей в высших сферах общества. Известного рода утонченность, ловкость, сноровка и прочие качества <...> всегда обязательны для мошенничества, которое тем неожиданнее, находчивее и поразительнее, чем чище вымыты руки, чем более развита и завита голова...» [17, с. 153]. Мошенники так же, как и фальшивомонетчики относились в это время к так называемой «интеллигенции» преступного мира [15]. Поскольку криминальная квалификация у профессиональных мошенников была достаточно высокая, а их преступное «ремесло» отличалось более интеллектуальным характером, их общественно опасная деятельность значительно отличалась от промысла традиционных дореволюционных преступников-профессионалов (например, профессиональных разбойников или воров), что, в свою очередь, делало рассматриваемую «касту» преступников более устойчивой.

Заключение

Таким образом, профессиональное мошенничество, как опасный криминальный промысел, в дореволюционной России имело свою собственную траекторию развития. Первоначально данный состав преступления отечественным законодателем не выделялся в самостоятельную юридическую конструкцию, и его отождествляли исключительно с кражей. Однако начиная с XVIII века в России мошенничество в уголовном законодательстве не просто становится самостоятельным составом преступления, но и выделяется в особую разновидность преступной деятельности, активно развивающуюся в формирующемся отечественном профессиональном

⁸ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. Т. 15. Спб.: Деятель, 1912. С. 190.

преступном мире. В XIX – начале XX века в деятельности мошенников все более четко обнаруживаются признаки криминального профессионализма. Профессиональные мошенники занимают «почетное» место в криминальной иерархии, становятся «элитой» отечественного криминалитета, приобретают узкие специализации и соответствующую квалификацию, необходимую для совершения преступлений и обеспечения собственной безопасности, неуязвимости от уго-

ловного преследования, а также значительно укрепляют связи в преступном мире, в том числе активно поддерживая и преумножая ценности криминальной субкультуры. Вследствие этого можно заключить, что профессиональное мошенничество, как разновидность профессиональной преступной деятельности, в России окончательно сложилось к началу XX века, влияя на вектор развития отечественного криминального мира в условиях новой советской действительности.

Список источников

1. Фойницкий И.Я. Мошенничество по русскому праву. М.: Рипол Классик, 1871. 289 с.
2. Калюжная А.П. Эволюция норм, предусматривающих ответственность за мошенничество // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2009. № 6. С. 104-107. <https://elibrary.ru/kzsioj>
3. Владимирский-Буданов М.Ф. Хрестоматия по истории русского права: в 3 т. Киев, 1887. Т. 2. 236 с.
4. Еришов В.В., Сырых В.М. История суда и правосудия в России: в 9 т. М.: Норма, 2017. Т. 1. 688 с.
5. Матвиенко А.Е. История уголовного розыска. М.: Эксмо, 2021. 240 с.
6. Даль В.И. Условный язык петербургских мошенников, известный под именем музыки или байкового языка // Вопросы языкознания. 1990. № 1. С. 134-137. <https://elibrary.ru/sfsxzz>
7. Лебедев С.Я. Традиции, обычаи и преступность. Теория, методология, опыт криминологического анализа. М.: Межрегиональный центр коммерческой безопасности, 1995. 167 с. <https://elibrary.ru/yvotyl>
8. Акельев Е.В. Московские мошенники XVIII в.: клички, язык и развлечения // Живая старина. 2007. № 1. С. 46-48. <https://elibrary.ru/jxkczz>
9. Акельев Е.В. Московские карманники: организация преступных групп в середине XVIII в. // Новый исторический вестник. 2008. № 1 (17). С. 161-167. <https://elibrary.ru/kxzcgd>
10. Анучин Е.Н. Исследования о проценте сосланных в Сибирь в период 1827–1846 годов. Материалы для уголовной статистики России. Спб., 1873. 508 с.
11. Елисеев С.А. Общие черты имущественных преступлений в царской России // Вестник ТГПУ. 2006. № 11 (62). С. 37-40. <https://elibrary.ru/judftd>
12. Безверхов А.Г., Коростелев В.С. Проект Уголовного уложения Российской империи 1813 года. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2013. 192 с. <https://elibrary.ru/ubcjxt>
13. Лохвицкий А.В. Курс русского уголовного права. Спб.: Издание журнала Министерства юстиции, 1867. 671 с.
14. Гуров А.И. Профессиональная преступность: Прошлое и современность. М.: Юрид. лит., 1990. 301 с.
15. Калпинская О.Е. Особенности возникновения и развития организованной преступности в дореволюционной России // Юриспруденция. 2010. Т. 20. № 4. С. 103-108. <https://elibrary.ru/necbkt>
16. Белогриц-Котляревский Л.С. Учебник русского уголовного права. Общая и особенная части. Киев: Южно-Русское книгоиздательство, 1903. 618 с.
17. Максимов С.В. Сибирь и каторга: в 3 ч. Спб.: Тип. А. Траншеля, 1871. Ч. 2. 353 с.

References

1. Foinitskii I.Ya. (1871). *Moshennichestvo po russkomu pravu* [Fraud under Russian Law]. Moscow, Ripol Klassik Publ., 289 p. (In Russ.)
2. Kalyuzhnaya A.P. (2009). The evolution of norms providing for liability for fraud. *Izvestiya vuzov. Severo-Kavkazskii region. Seriya: Obshchestvennye nauki = Bulletin of Higher Education Institutes. Northern-Caucasus Region. Social Sciences*, no. 6, pp. 104-107. (In Russ.) <https://elibrary.ru/kzsioj>
3. Vladimirskii-Budanov M.F. (1887). *Khrestomatiya po istorii russkogo prava: v 3 t.* [Anthology on the History of Russian Law: in 3 vols.]. Kiev, vol. 2, 236 p. (In Russ.)
4. Ershov V.V., Syrykh V.M. (2017). *Istoriya suda i pravosudiya v Rossii: v 9 t.* [History of the Court and Justice in Russia: in 9 vols.]. Moscow, Norma Publ., vol. 1, 688 p. (In Russ.)

5. Matvienko A.E. (2021). *Istoriya ugovnogo rozyska* [History of Criminal Investigation]. Moscow, Eksmo Publ., 240 p. (In Russ.)
6. Dal' V.I. (1990). Usloynyi yazyk peterburgskikh moshennikov, izvestnyi pod imenem muzyki ili baikovogo yazyka [The conventional language of St. Petersburg swindlers, known under the name of music or fable language]. *Voprosy Jazykoznanija*, no. 1, pp. 134-137. (In Russ.) <https://elibrary.ru/sfsxzzr>
7. Lebedev S.Ya. (1995). *Traditsii, obychai i prestupnost'. Teoriya, metodologiya, opyt kriminologicheskogo analiza* [Traditions, Customs and Crime. Theory, Methodology, Experience of Criminological Analysis]. Moscow, Mezhhregional'nyi tsentr kommercheskoi bezopasnosti Publ., 167 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/yvoty1>
8. Akel'ev E.V. (2007). Moskovskie moshenniki XVIII v.: klichki, yazyk i razvlecheniya [Moscow swindlers of the 18th century: nicknames, language and entertainment]. *Zhivaya starina*, no. 1, pp. 46-48. (In Russ.) <https://elibrary.ru/jxkczz>
9. Akel'ev E.V. (2008). Moskovskie karmanniki: organizatsiya prestupnykh grupp v seredine XVIII v. [Moscow pickpockets: the organization of criminal groups in the mid-18th century]. *Novyi istoricheskii vestnik = New Historical Bulletin*, no. 1 (17), pp. 161-167. (In Russ.) <https://elibrary.ru/kxzcgd>
10. Anuchin E.N. (1873). *Issledovaniya o protsente soslannykh v Sibir' v period 1827–1846 godov. Materialy dlya ugovnoi statistiki Rossii* [Research on the Percentage of People Exiled to Siberia in the Period 1827–1846. Materials for Criminal Statistics of Russia]. St. Petersburg, 508 p. (In Russ.)
11. Eliseev S.A. (2006). Obshchie cherty imushchestvennykh prestuplenii v tsarskoi Rossii [Common features of property crimes in tsarist Russia]. *Vestnik TGPU = Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, no. 11 (62), pp. 37-40. (In Russ.) <https://elibrary.ru/judftd>
12. Bezverkhov A.G., Korostelev V.S. (2013). *Proekt Ugolovnogo ulozheniya Rossiiskoi imperii 1813 goda* [The draft Criminal Code of the Russian Empire of 1813]. Samara, "Samara State University" Publ., 192 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ubcjxt>
13. Lokhvitskii A.V. (1867). *Kurs russkogo ugovnogo prava* [Course of Russian Criminal Law]. St. Petersburg, Izdanie zhurnala Ministerstva yustitsii Publ., 671 p. (In Russ.)
14. Gurov A.I. (1990). *Professional'naya prestupnost': Proshloe i sovremennost'* [Professional Crime: Past and Present]. Moscow, Yuridicheskaya Literatura Publ., 301 p. (In Russ.)
15. Kalpinskaya O.E. (2010). Osobennosti vzniknoveniya i razvitiya organizovannoi prestupnosti v dorevol'yutsionnoi Rossii [Peculiarities of the emergence and development of organized crime in pre-revolutionary Russia]. *Yurisprudentsiya*, vol. 20, no. 4, pp. 103-108. (In Russ.) <https://elibrary.ru/necbkt>
16. Belogrits-Kotlyarevskii L.S. (1903). *Uchebnik russkogo ugovnogo prava. Obshchaya i osobennaya chasti* [Textbook of Russian Criminal Law. General and Special Parts]. Kiev, South Russian Book Publ., 618 p. (In Russ.)
17. Maksimov S.V. (1871). *Sibir' i katorga: v 3 ch.* [Siberia and Hard Labor: in 3 pts]. St. Petersburg, A. Transhelya Typography, pt 2, 353 p. (In Russ.)

Автор демонстрирует отсутствие конфликта интересов. / Author declare no conflict of interests.

Поступила в редакцию / Received 15.04.2024

Поступила после рецензирования / Revised 21.07.2024

Принята к публикации / Accepted 20.09.2024

Контент доступен под лицензией [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 347.97/.99

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-3-357-365>

Шифр научной специальности 5.1.1

Выборы народных судей в конце 1940-х – начале 1950-х годов: организация, проведение, итоги (на примере Курской области)

© **ИЛЬИНА Татьяна Николаевна**,

кандидат юридических наук, доцент, декан юридического факультета, ФГБОУ ВО «Курский государственный университет», Российская Федерация, 305000, г. Курск, ул. Радищева, 33, <https://orcid.org/0000-0001-9880-2359>, tanayunik@rambler.ru

© **БОГДАНОВА Наталия Андреевна**,

аспирант, юридический факультет, ФГБОУ ВО «Курский государственный университет», Российская Федерация, 305000, г. Курск, ул. Радищева, 33, <https://orcid.org/0009-0002-3200-8990>, n.a.bogdanova96@mail.ru

Аннотация

Рассмотрены основные вопросы, связанные с организацией и порядком проведения выборов народных судей в период с конца 1940-х до начала 1950-х гг. Проведен анализ принимаемых органами советской власти нормативных правовых актов, положения которых посвящены требованиям, предъявляемым к кандидатам на должности народных судей, принципам и порядку проведения выборов народных судей в конце 1940-х – начале 1950-х гг., сделан вывод о степени влияния политической партии на механизм формирования судейского корпуса. Данное влияние происходило в нескольких формах: от организации процедуры выборов, проведения избирательных кампаний до непосредственного участия в отборе и согласовании кандидатов на должности народных судей. Исследование архивных документов позволило сформировать реальное представление о процедуре выбора судей исследуемого периода времени. Многие из документов, хранящихся в архивах Курской области, впервые вводятся в научный оборот. Полагаем, что Курская область в данном случае представляла собой типичный пример процедуры формирования судейского корпуса в РСФСР. Системный анализ нормативных актов, архивных документов и юридической литературы позволил сделать вывод о том, что, несмотря на полную нормативную регламентацию порядка организации и проведения выборов народных судей, механизм формирования судейского корпуса был несовершенен и нуждался в реформировании.

Ключевые слова

народные судьи, выборы народных судей, требования к кандидатам, закон о выборах

Для цитирования

Ильина Т.Н., Богданова Н.А. Выборы народных судей в конце 1940-х – начале 1950-х годов: организация, проведение, итоги (на примере Курской области) // Актуальные проблемы государства и права. 2024. Т. 8. № 3. С. 357-365. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-3-357-365>

Elections of people's judges in the late 1940s – early 1950s: organization, conduct, results (on the example of the Kursk region)

© Tat'yana N. IL'INA,

PhD (Law), Associate Professor, Dean of Law Faculty, Kursk State University, 33 Radishcheva St., Kursk, 305000, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0001-9880-2359>, tanayunik@rambler.ru

© Natalia A. BOGDANOVA,

Post-Graduate Student, Law Faculty, Kursk State University, 33 Radishcheva St., Kursk, 305000, Russian Federation, <https://orcid.org/0009-0002-3200-8990>, n.a.bogdanova96@mail.ru

Abstract

The main issues related to the organization and procedure of elections of people's judges in the period from the late 1940s to the early 1950s are considered. The analysis of normative legal acts adopted by the bodies of Soviet power, the provisions of which are devoted to the requirements for candidates for the positions of people's judges, the principles and procedure for holding elections of people's judges in the late 1940s – early 1950s, is carried out, and a conclusion is made about the degree of influence of a political party on the mechanism of formation of the judicial corps. This influence took place in several forms: from the organization of the election procedure, the conduct of election campaigns to direct participation in the selection and approval of candidates for the positions of people's judges. The study of archival documents allowed us to form a real idea of the procedure for selecting judges of the time period under study. Many of the documents stored in the archives of the Kursk region are being introduced into scientific circulation for the first time. We believe that the Kursk region in this case represented a typical example of the procedure for the formation of the judicial corps in the RSFSR. A systematic analysis of normative acts, archival documents and legal literature allowed us to conclude that, despite the complete regulatory regulation of the procedure for organizing and holding elections of people's judges, the mechanism for forming the judicial corps was imperfect and needed to be reformed.

Keywords

national judge, elections of national judges, requirements for candidates, The Election Law

For citation

Il'ina, T.N., & Bogdanova, N.A. (2024). Elections of people's judges in the late 1940s – early 1950s: organization, conduct, results (on the example of the Kursk region). *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 8, no. 3, pp. 357-365. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-3-357-365>

Введение

Работа судов и судебной системы в целом – это то зеркало, в котором отражается наше общество. От качества работы судов зависит доверие населения к судебной власти и возможности правового разрешения конфликта. Организация судебной власти невозможна без судейского корпуса. Важную роль в его формировании играет избранная в государстве система рекрутирования кандидатов на должность судьи. Целями этого процесса могут быть различные установки: отбор наиболее квалифицированных, занятие судейских должностей представителями конкретной социальной группы, лояльность действующей власти и др. Выбор модели предопределяется историческими условиями

развития государства, традиционными установками, прочно укоренившимися в сознание общества, конкретная политико-правовая ситуация. В целом, в мире известны три модели формирования судейского корпуса: выборная, путем назначения и смешанная, сочетающая в себе признаки выборности и назначения различными ветвями власти.

В России в разные исторические периоды были апробированы все три модели, имевшие как положительные, так и отрицательные эффекты. Сложившийся в настоящее время механизм формирования судейского корпуса не оценивается как идеальный ни со стороны государства, ни со стороны профессионального сообщества. Основными проблемами, которые существуют в этой

сфере, принято считать: длительный характер назначения, усилившуюся роль Администрации Президента РФ в этом процессе, при наличии завышенных и часто «непрозрачных» требований к кандидатам, при отсутствии фактического конкурса между соискателями. Предлагаются различные варианты совершенствования процедуры назначения судейскими полномочиями, вплоть до полного реформирования существующего механизма и замены его прямыми выборами судей населением [1–3].

Цель исследования: проанализировать отечественный опыт формирования судейского корпуса в советский период – период существования выборной модели решения кадрового вопроса. При этом важным является рассмотрение реального порядка формирования судейского корпуса, для которого выборы судей выступали «ширмой» и данью провозглашенных еще в период революционных преобразований лозунгов. Для решения этой задачи были использованы архивные материалы по первым выборам народных судей 1948–1949 гг., хранящиеся в центральных и региональных архивохранилищах нашей страны. Данные источники смогли «пролить свет» на действительный порядок выдвижения кандидатов, организации и проведения выборов, участие в этом процессе различных государственных, партийных и иных общественных структур, а также оценить эффективность института выборов судей в первые послевоенные годы. Для достижения целей исследования были привлечены материалы фондов Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного архива социально-политической истории, Государственного архива Курской области, Государственного архива общественно-политической истории Курской области. Часть использованных архивных материалов впервые вводится в научный оборот.

Результаты исследования, обсуждения

Решение проводить прямые выборы народных судей населением в конце 1940-х – начале 1950-х гг. можно считать одним из индикаторов политической ситуации в стране. После завершения строительства социализма, победы в войне, переходу к мирной жизни было необходимо вернуться к ленин-

ским установкам о выборном характере власти, в том числе и судебной. Важно, что непосредственные выборы были оставлены только для народных судей, судьи вышестоящих инстанций, включая верховные суды союзных республик и Верховного суда СССР, избирались соответствующими советами.

Особое внимание уделялось отбору кандидатов в судьи, их подготовке и профессиональному развитию. Важность правильного выбора кандидатов была неопределима, так как от этого, по сути, зависело дальнейшее развитие судебной системы. Процесс выборов тщательно отслеживался и контролировался различными государственными и партийными органами в целях гарантии высокой степени надежности и должного уровня профессионализма судей. Народные судьи играли важную роль в обеспечении правопорядка, защите законности, прав и интересов граждан, их выборы были одним из механизмов демократизации советской юстиции.

В советской системе правосудия особое внимание уделялось процессу избрания народных судей. Практически каждый советский гражданин имел возможность участвовать в выборах, чтобы стать народным судьей. Процедура формирования судейского корпуса достаточно подробно регламентировалась нормами советского законодательства. Однако большая и ключевая часть этого процесса была вынесена за рамки законодательства и велась внутри кадровых подразделений партийных органов и минюста.

Отдельная Глава IX действующей на тот период времени Конституции СССР 1936 года была посвящена суду и прокуратуре¹. В статьях 102–112 содержались основополагающие принципы советского правосудия и перечень судебных органов, их осуществлявших.

Согласно пункту «х» статьи 14 Конституции СССР 1936 года ведению Союза ССР в лице его высших органов государственной власти и органов государственного управления подлежат установление основ о судостроительстве и судопроизводстве. Основным нор-

¹ Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (утв. Постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов СССР от 05.12.1936) // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1936. № 283.

мативным правовым актом, определявшим задачи и принципы организации и деятельности, структуру и компетенцию судов, в Советском Союзе являлся Закон СССР от 16 августа 1938 г. «О судоустройстве СССР, союзных и автономных республик» (далее – Закон о судоустройстве СССР)², который в соответствии с общими принципами конституции регулировал практически все значимые аспекты организации судебной системы.

С началом Великой Отечественной войны Конституция СССР 1936 года оставалась политико-юридической базой текущего законодательства и государственной практики. Однако выборы судей населением ввиду сложной обстановки, связанной с введением военного положения, массовой эвакуацией населения, оккупацией отдельных территорий, не проводились. С началом послевоенного восстановления страны во второй половине 1940-х гг. и отменой «законов военного времени» вопрос о выборном характере формирования судейского корпуса вновь стал на повестку дня. В этот период была существенно обновлена нормативная база процедуры выборов народных судей и заседателей, началась подготовка к самим выборам.

Как отмечал народный комиссар юстиции СССР Н.М. Рычков в беседе с корреспондентом ТАСС: «Народные судьи и народные заседатели впервые будут избираться на основе всеобщего, прямого и равного избирательного права при тайном голосовании. Предстоит избрать около 9 тысяч народных судей и более полумиллиона народных заседателей. Они будут избираться по одному общему избирательному округу. В каждом округе будет избран народный судья и от 50 до 75 народных заседателей. Избирательным округом по выборам народных судей и народных заседателей является территория деятельности народного суда. Организация выборов народных судов возлагается на Верховные Советы союзных и автономных республик, исполнительные комитеты краевых и областных Советов депутатов трудящихся через районные и городские советы». По его мнению, успех выборов зависит от

² О судоустройстве СССР, союзных и автономных республик: Закон СССР от 16.08.1938. URL: <https://pravda38.wordpress.com/wp-content/uploads/2018/08/pravda-1938-233.pdf> (дата обращения: 10.04.2024)

тщательной и всесторонней подготовительной работы. Все вопросы, связанные с организацией выборов народных судов, должны занять значительное внимание партийных, советских и других общественных организаций³.

Работа по подготовке нормативной базы, связанной с выборами народных судей в послевоенное время, проводилась на протяжении нескольких лет. Только в июле 1948 г. проект Положения о выборах народных судей и народных заседателей в РСФСР был внесен в Секретариат ЦК, который впоследствии был утвержден Верховным Советом РСФСР 25 сентября 1948 г. [4, с. 81]. Указанный акт закреплял порядок выборов и основные квалификационные требования к кандидатам.

Исследуя вопрос, как именно проходили выборы народных судей, важно подчеркнуть, что в Главе I «Избирательная система» также содержались требования, предъявляемые к кандидатам на должность народного судьи. Народным судьей мог быть избран каждый гражданин РСФСР, пользующийся избирательным правом, достигший ко дню выборов 23 лет и не имеющий судимости.

В соответствии со статьей 109 Конституции СССР 1936 г. народные судьи районных (городских) народных судов избирались гражданами района (города) на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании сроком на пять лет. Позднее Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 25 сентября 1948 г. Об утверждении Положения «О выборах народных судов РСФСР» был установлен срок три года. Примечательно, что образовательный уровень будущих судей не был основным критерием для выдвижения кандидата. Однако важно отметить, что такой порядок вещей был более характерен для первых выборов народных судей. Уже в последующие избирательные кампании принималась во внимание сама деятельность в качестве судьи. Отсутствие образовательного ценза нарком юстиции Н.М. Рычков объяснил необязательностью такового ввиду высокой политической сознательности советского народа, который

³ Звезда. 1941. 22 июня. № 145 // Пермский государственный архив социально-политической истории. URL: <https://base.permgaspri.ru> (дата обращения: 15.04.2024)

не изберет недостойного или незнающего кандидата⁴. Согласимся, что классовый характер суда действительно накладывал отпечаток на процесс формирования судейского корпуса.

Однако отсутствие законодательно установленного требования наличия юридического образования для судей и его обязательного характера при отборе кандидатов объяснялось тем, что в довоенный и первый послевоенный периоды в стране отсутствовали такие специалисты [5]. Так, на 1 октября 1937 г. Верховный суд РСФСР был укомплектован на 68 % (46 человек вместо необходимых 67). Наблюдался некомплект председателей краевых и областных судов, Верховных судов автономных республик, областных судов, автономных областей на уровне 54 %. Из членов судов второй инстанции только 470, или 40,5 % были в составе. Народных судей на 1 мая 1938 г. не хватало 243 человек, или 5,4 %⁵. При таком кадровом дефиците законодатель не стал ограничивать дополнительными цензами должность судьи в условиях недостаточного материального обеспечения и финансирования их деятельности.

В анализируемый нами период выборы народных судей в Курской области проходили в соответствии с Положением «О выборах народных судов РСФСР», утвержденным Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 25 сентября 1948 г., а затем Положением «О выборах народных судов РСФСР», утвержденным Указом Президиума ВС РСФСР от 29 октября 1951 г., Постановлением бюро Курского обкома РКП(б) от 31 марта 1950 г. «О работе с кадрами судебных органов Курской области».

Выдвижение кандидатов полностью контролировалось Всесоюзной коммунистической партией (большевиков). Право выдвижения кандидатов принадлежало общественным организациям и обществам трудящихся: коммунистическим партийным орга-

⁴ Рычков Н.М. О проекте «Положения о судостроительстве СССР, союзных и автономных республик»: доклад и заключительные слова народного комиссара юстиции СССР на 2-й сессии Верховного Совета СССР 1-го созыва 15–16 августа 1938 г. М., 1938. С. 17.

⁵ ГА РФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. А-353. Оп. 14. Д. 50. Л. 2-5.

низациям, профессиональным союзам, кооперативным организациям, организациям молодежи, общим собраниям рабочих и служащих, общим собраниям военнослужащих, общим собраниям крестьян, общим собраниям рабочих и служащих совхозов. Важно отметить, что самовыдвижение кандидатов законом предусмотрено не было. Всех кандидатов, претендующих на должности народных судей, исполком был обязан зарегистрировать в соответствии с соблюдением требований действующего законодательства. Списки избирателей составляли органы исполнительной власти: в городах – исполнительные комитеты районных Советов, в поселках – исполнительными комитетами поселковых Советов, в сельских местностях – исполнительными комитетами сельских Советов депутатов трудящихся [6, с. 268-269].

Так, в докладной о ходе подготовки выборов нарсудей и нарзаседателей от 25 ноября 1948 г. № 93, подготовленной секретарем РК ВКП(б) по кадрам тов. Лиманским, содержатся сведения о том, что в соответствии с инструкцией о проведении выборов народных судей и народных заседателей и «Положения о выборах народных судей РСФСР» была проведена подготовительная работа: подобраны и утверждены на заседании бюро РК ВКП(б) кандидатуры народных судей. Материалы об этом были направлены обкому ВКП(б). Также была проведена разбивка района на 23 избирательных пункта, составлены списки избирателей по всем округам, проведено два доклада народного судьи и четыре беседы⁶.

После проведения мероприятий по подбору кандидатов на выдвижение, подготовке к выборам народных судей председатель Курского областного суда направлял информацию в территориальное управление Министерства юстиции, а последнее – в кадровые подразделения обкома КПСС. В отношении кадров для прокуратуры и суда в структуре обкома партии был организован административный отдел. Его заведующий представлял отчет секретарю Областного комитета КПСС о ходе подготовки к выборам народ-

⁶ ГАОПИКО (Государственный архив общественно-политической истории Курской области). Ф. П-1. Оп. 2. Д. 902. Л. 3.

ных судов, тот в свою очередь после проведения этих выборов направлял подробный отчет об их результатах в Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза (г. Москва).

Исходя из анализа архивных документов, можно заключить, что свободных выборов народных судей не было. Примерно за полгода до выборов областной партийной организацией утверждался план мероприятий по подготовке и проведению выборов народных судей. Важнейшей его составляющей была процедура отбора кандидатов из числа уже действующих судей, так и новых. Кандидатуры подбирались совместно кадровым отделом обкома партии и региональным управлением Наркомата (а после – Министерства) юстиции. После потенциальные кандидаты проходили проверку со стороны правоохранительных органов и окончательно утверждались ВКП(б). Также партийные органы совместно с наркомюстом проводили формальное выдвижение кандидатов на предприятиях и организациях. После чего биографии кандидатов с портретами печатались в газете «Курская правда». Указанный порядок формирования списков кандидатов на должность судьи носил общегосударственный масштаб. Так, исследователь судебного корпуса Восточной Сибири послевоенного периода Д.С. Васильев отмечает, что «ни о каком самовыдвижении для конкурсного отбора или избрания населением не могло быть и речи», также не существовало и открытой конкуренции между кандидатами [7, с. 77].

Формальная регистрация списка кандидатов проходила в исполкоме районного или городского Совета депутатов трудящихся не позднее, чем за 25 дней до выборов.

Формирование списка кандидатов в народные судьи шло параллельно с образованием избирательных участков (пунктов), но не позднее 35 дней до выборов. Это задача также была возложена на территориальные органы минюста.

Выборам предшествовала большая агитационная работа, которую проводили также силами партактива. Для такой работы создавали агитпункты, на которых велась разъяснительная работа о процедуре выборов, кан-

дидатах, судебной системе и судебской профессии в целом.

Согласно положению «О выборах народных судов РСФСР» от 25 сентября 1948 г., днем выборов должен был быть нерабочий день. Дата утверждалась Президиумом Верховного Совета автономной республики, исполнительным комитетом краевого, областного Совета депутатов трудящихся. Избирательные пункты работали с шести часов утра до нуля часов по местному времени. Избранным считался кандидат, который набирал более половины голосов от лично пришедших избирателей округа. В случае если кандидат не набирал необходимого количества голосов, то исполком обязан был уведомить Президиум Верховного Совета республики. Подсчетом голосов по каждому избирательному округу занимались окружные счетные комиссии при исполнительных комитетах районных или городских Советов депутатов трудящихся.

Стоит отметить, что в исследуемый период в Курской области не было обнаружено случаев, когда выдвинутые кандидаты на должность народных судей не были избраны.

В целом, первые прямые выборы прошли в СССР с 19 декабря 1948 г. по 20 февраля 1949 г. Явка на них оказалась максимально высокой, в РСФСР – около 99,87 %. Выборы проходили с «большим политическим подъемом», поскольку были подключены формы и методы пропаганды и задействован административный ресурс. Результаты голосования оказались положительными, против по всем союзным республикам проголосовало 0,7 % граждан⁷.

Народный судья в советской системе судопроизводства нес огромную ответственность перед обществом. Он участвовал в рассмотрении уголовных, гражданских и административных дел, принимал участие в вынесении приговоров и решений. Народный судья должен был обладать высоким уровнем правовой грамотности и нравственности.

Анализ советской литературы, архивных документов позволяет сделать вывод, что в исследуемый нами период времени народ-

⁷ РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории). Ф. 17. Оп. 3. Д. 1074. Л. 119.

ные судьи имели средний уровень подготовки. Так, например, согласно докладной записке начальника Управления Министерства юстиции РСФСР по Курской области, адресованной заведующему Административным отделом Курского обкома РКП(б), по состоянию на 01 декабря 1950 г. в Курской области действует 90 судебных участков, из которых 87 участков укомплектовано народными судьями. Из 87 народных судей только 7 человек имеют высшее юридическое образование, среднее образование – 57 человек, остальные 22 человека вовсе не имеют юридического образования. При этом большая часть работающих народных судей, но не имеющих образования, параллельно с осуществлением своих полномочий обучаются в заочной юридической школе или проходят юридические курсы⁸. По сути, низкая квалифицированность судей стала причиной повышения требований к кандидатам, претендующим на должность судей. В дальнейшем это повлекло за собой внесение изменений в республиканское и в союзное законодательство.

Из избранных в ходе выборов 1948–1949 гг. 87 народных судей Курской области 7 человек имели высшее юридическое образование, 58 человек – среднее юридическое (при этом 29 из них обучались в ВЮЗИ), без образования были избраны 22 народных судей, 11 из которых обучались на заочных юридических курсах различной продолжительности⁹. Показатель наличия юридического образования первых избранных судей Курской области был в целом сопоставим по РСФСР [8]. Среди избранных народных судей РСФСР высшее юридическое образование имели 11,2 %, среднее юридическое – 49,4 %¹⁰.

Министерство юстиции РСФСР предпринимало попытки исправить ситуацию и перенаправлять специалистов с высшим юридическим образованием для работы в судах. Еще до первых выборов был разработан план по повышению количества судей с юридическим образованием. Однако, согласно исследованиям А.Я. Кодинцева, в такие сжатые сроки реализовать этот план не удалось. Так,

план предполагал, что к 1950 г. 40 % народных судей будет с высшим юридическим образованием, однако, этот показатель составлял 11 %. Причем для сельской местности он был еще ниже и колебался в районе 7 %. Кроме того, в РСФСР были регионы, в которых не состояло ни одного народного судьи с высшим юридическим образованием [9, с. 473].

Постепенно уровень образованности судей советской эпохи будет расти. Так, например, в 1970 г. 90 % избранных народных судей имели высшее юридическое образование [10, с. 16-17], к концу 1980-х гг. этот показатель будет составлять 100 %, что позволило впервые на законодательном уровне закрепить высшее юридическое образование как обязательное требование ко всем претендентам на судебные должности [11].

Важно, что партийное «руководство» судебским корпусом продолжалось после избрания кандидатов. Административный отдел обкома следил за «правильным» соотношением половозрастного состава народных судей, уровнем его образования и контролировал выполнение других показателей, связанных с профессиональной работой.

На основе этой работы административного отдела обкома ВКП(б) определялись дальнейшие перспективы каждого конкретного судьи. Еще до объявления следующих выборов в Курском областном суде проводилась беседа с ранее избранными судьями, которые по результатам своей работы могли бы быть рекомендованы на повторное избрание. Более чем в половине случаев уже избранный и проработавший какое-то время судья рекомендовался к дальнейшему избранию. Также чуть менее половины судей не получали партийного одобрения на дальнейшее переизбрание. Основания не выдвижения народного судьи на новый срок часто были связаны с объективными причинами: состояние здоровья, предельный возраст, семейные обстоятельства, а также невозможность осуществлять правосудие по своим профессиональным и личностным качествам. Несоответствие судьи деловым и профессиональным качествам определялось, в первую очередь, по кассационной практике, учитывалось количество отмененных

⁸ ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1396. Л. 7-20.

⁹ ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 1396. Л. 2.

¹⁰ ГА РФ. Ф. А-385. Оп. 25. Д. 93. Л. 5-23.

решений конкретного судьи¹¹. Также встречались случаи, когда судьи не допускались к выборам за несоответствие морального облика и поступков статусу судьи [12, с. 139]. Важным фактором несоответствия кандидатуры на выборы в народные судьи было нахождение в период Великой Отечественной войны на оккупированных территориях. При наличии такой информации в отношении потенциального судьи его кандидатуру не согласовывали партийные органы¹².

Заключение

Подводя итог, можно сделать вывод, что выборы народных судей в СССР были важным этапом формирования судебной системы и обеспечения справедливости. Участие граждан в этом процессе позволяло создать атмосферу доверия к судебной системе и

обеспечивать защиту прав и интересов всех членов общества. Действующее в тот период времени советское законодательство не было совершенным и требовало постоянного реформирования. Часто несовершенство законодательной процедуры выборов народных судей нивелировалось практикой на местах. Ключевую роль в организации выборов судей, отборе кандидатов несли территориальные органы компартии. Это влияние имело двоякую природу: с одной стороны, это препятствовало формированию независимого судейского корпуса и судебной власти в целом. Но с другой стороны – в условиях нехватки квалифицированных юридических кадров именно партийные органы совместно с управлениями минюста должны были сформировать качественный состав народных судей, отвечающих представлениям о судье того времени и способных проводить государственно-партийную политику.

¹¹ ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 1654. Л. 19.

¹² См., например: ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 1651. Л. 50.

Список источников

1. *Вражнов А.С.* К вопросу об избрании мировых судей // *Мировой судья*. 2017. № 9. С. 16-19. <https://elibrary.ru/zeneqh>
2. *Клеандров М.И.* О суде уровня звенности ниже мировой юстиции // *Мировой судья*. 2018. № 5. С. 10-21. <https://elibrary.ru/yxjrwo>
3. *Колоколов Н.А.* Мировая юстиция – важная форма стабилизации человеческих отношений в гражданском обществе // *Мировой судья*. 2003. № 1. С. 2-11. <https://elibrary.ru/ogjhmb>
4. *Севрюков Д.С.* Организационно-правовой механизм наделения полномочиями народных судей в РСФСР во второй половине 40-х – начале 50-х гг. XX в. // *Право и политика*. 2014. № 1. С. 80-85. <https://elibrary.ru/ruelwf>
5. *Егоров С.Г., Трушков С.А., Цеглеев Э.А.* Выборы народных судей и народных заседателей в Кировской области в 1948 г. // *Вопросы истории*. 2021. № 8-1. С. 244-250. <https://doi.org/10.31166/VoprosyIstorii202108Statyi20>, <https://elibrary.ru/bgbhlw>
6. *Ильина Т.Н.* Номенклатурный принцип формирования судейского корпуса в РСФСР: понятие, содержание, итоги // *Образование и право*. 2021. № 9. С. 266-274. <https://doi.org/10.24412/2076-1503-2021-9-266-274>, <https://elibrary.ru/wcbtrt>
7. *Васильев Д.С.* Народный суд в послевоенное десятилетие: структура, организация, кадры, повседневность (на материалах Ленинского района г. Новосибирска // *Серовские чтения: сб. науч. тр. Всерос. науч. конф., посвящ. памяти выдающегося ученого Дмитрия Олеговича Серова (1963–2019 гг.) / отв. ред. Д.А. Савченко, М.С. Саламатова, Д.С. Васильев*. Новосибирск: НГУЭУ, 2021. С. 54-99. <https://elibrary.ru/oodkxf>
8. *Кодинцев А.Я.* Кадровый состав советский судов в послевоенные годы // *Администратор суда*. 2011. № 3. С. 36-40. <https://elibrary.ru/oipgor>
9. *Кодинцев А.Я.* Государственная политика в СССР в 30–50-е годы XX века в сфере юстиции. Куртамыш: Куртамышская типография, 2008. 600 с. <https://elibrary.ru/sdelfx>
10. *Паишевич П.Ф.* Демократические принципы советского правосудия. Методический материал в помощь лектору в связи с выборами народных судей г. Москвы. М., 1975. 47 с.
11. *Ильина Т.Н.* Основные направления реформирования механизма формирования судейского корпуса в России в конце 1980 – начале 1990-х годов // *Историко-правовые проблемы: Новый ракурс*. 2019. № 4. С. 176-182. <https://elibrary.ru/jxgjgy>
12. *Труфанов С.В.* Кадровая политика в отношении судейского корпуса в Курской области в 50–70 годы XX века // *Наука и современность*. 2011. № 13-1. С. 136-141. <https://elibrary.ru/rnedyd>

References

1. Vrazhnov A.S. (2017). On election (appointment) of justice of the peace. *Mirovoi sud'ya = Magistrate Judge*, no. 9, pp. 16-19. <https://elibrary.ru/zeneqh>
2. Kleandrov M.I. (2018). On a court inferior to a justice of the peace. *Mirovoi sud'ya = Magistrate Judge*, no. 5, pp. 10-21. <https://elibrary.ru/yxjrwo>
3. Kolokolov N.A. (2003). Global justice is an important form of stabilization of human relations in civil society. *Mirovoi sud'ya = Magistrate Judge*, no. 1, pp. 2-11. <https://elibrary.ru/ogjhmb>
4. Sevryukov D.S. (2014). The organizational and legal mechanism for vesting powers in people's judges in the RSFSR in the second half of the 40s – early 50s of the 20th century. *Pravo i politika = Law and Politics*, no. 1, pp. 80-85. <https://elibrary.ru/ruelwf>
5. Egorov S.G., Trushkov S.A., Tsegileev E.A. (2021). Elections of people's courts in the Kirov region in 1948. *Voprosy Istorii*, no. 8-1, pp. 244-250. <https://doi.org/10.31166/VoprosyIstorii202108Statyi20>, <https://elibrary.ru/bgbhlw>
6. Il'ina T.N. (2021). Nomenclature principle of the formation of the judiciary in the RSFSR: concept, content, results. *Obrazovanie i pravo = Education and Law*, no. 9, pp. 266-274. <https://doi.org/10.24412/2076-1503-2021-9-266-274>, <https://elibrary.ru/wcbtrt>
7. Vasil'ev D.S. (2021). People's court in the post-war decade: structure, organization, staff, daily (on the materials of the Leninsky district of Novosibirsk). *Sbornik nauchnykh trudov Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi pamyati vydayushchegosya uchenogo Dmitriya Olegovicha Serova (1963–2019 gg.) «Serovskie chteniya» = Collection of Scientific Works of the All-Russian Scientific Conference Dedicated to the Memory of the Outstanding Scientist Dmitry Olegovich Serov (1963–2019) “Serov Readings”*. Novosibirsk, NSUEM Publ., pp. 54-99. <https://elibrary.ru/oodkxf>
8. Kodintsev A.Ya. (2011). Personnel of Soviet courts in the post-war years. *Administrator suda = Court's Administrator*, no. 3, pp. 36-40. <https://elibrary.ru/oipgor>
9. Kodintsev A.Ya. (2008). *Gosudarstvennaya politika v SSSR v 30–50-e gody XX veka v sfere yustitsii*. Kurtamysh, Kurtamyshskaya Typography, 600 s. <https://elibrary.ru/sdelfx>
10. Pashkevich P.F. (1975). *Demokraticheskie printsipy sovetskogo pravosudiya. Metodicheskii material v pomoshch' lektoru v svyazi s vyborami narodnykh sudei g. Moskvy*. Moscow, 47 p.
11. Il'ina T.N. (2019). The main directions of reforming the mechanism for forming the judicial corps in Russia in the late 1980s – early 1990s. *Istoriko-pravovyye problemy: Novyi rakurs = Historical-Legal Problems: the New Viewpoint*, no. 4, pp. 176-182. <https://elibrary.ru/jxgjgy>
12. Trufanov S.V. (2011). Kadrovaya politika v otnoshenii sudeiskogo korpusa v Kurskoi oblasti v 50–70 gody XX veka. *Nauka i sovremennost' = Science and Modernity*, no. 13-1, pp. 136-141. <https://elibrary.ru/rmedyd>

Автор демонстрирует отсутствие конфликта интересов. / Author declare no conflict of interests.

Поступила в редакцию / Received 09.07.2024

Поступила после рецензирования / Revised 12.09.2024

Принята к публикации / Accepted 20.09.2024

Контент доступен под лицензией [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 340.1

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-3-366-377>

Шифр научной специальности 5.1.1

Принципы права в интегративном правопонимании (концепция Янаки Стоилова)

© ИЛЮХИНА Вера Александровна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории государства и права, международного и европейского права, ФГКОУ ВО «Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний», Российская Федерация, 390000, Рязань, ул. Сенная, 1; старший научный сотрудник Научного центра, Нижегородский институт управления – филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Российская Федерация, 603950, г. Нижний Новгород, просп. Гагарина, 46, <https://orcid.org/0000-0001-7049-4593>, ResearcherID AAR-5203-2021, eva3011@bk.ru

Аннотация

Охарактеризованы общие представления о принципах права в концепции интегративного правопонимания. Проанализирована концепция принципов права, сформулированная болгарским ученым Янаки Стоиловым. Обосновано положение, что концепция Я. Стоилова укладывается в интегративное правопонимание. Охарактеризованы взгляды Я. Стоилова на понятие и сущность принципов права, функции и формы принципов права. Выделены «сильные» и «слабые» стороны рассматриваемой теории. Сделан вывод, что наиболее оригинальным элементом концепции Я. Стоилова является введение в научный оборот и разработка категории «форма принципов права». С одной стороны, это является достоинством работы ученого и позволяет отнести его концепцию принципов права к числу интегративных. С другой стороны, представления о форме принципов права являются и «слабым звеном» в исследовании Я. Стоилова за счет включения правовых и неправовых элементов, что стало как раз следствием «интегративности» его подхода к изучаемому проблемному полю. Отмечается, что к настоящему времени концепция Я. Стоилова является единственным целостным учением о принципах права с позиции интегративного правопонимания.

Ключевые слова

интегративное правопонимание, принципы права, законодательство, правоприменение

Для цитирования

Илюхина В.А. Принципы права в интегративном правопонимании (концепция Янаки Стоилова) // Актуальные проблемы государства и права. 2024. Т. 8. № 3. С. 366-377. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-3-366-377>

Principles of law in an integrative legal understanding (Yanaka Stoilov's concept)

© Vera A. ILYUKHINA,

PhD (Law), Associate Professor, Associate Professor of Theory of State and Law, International and European Law Department, Academy of Law and Administration of the Federal Penitentiary Service, 1 Sennaya St., Ryazan, 390000, Russian Federation; Senior Research Scholar of Research Center, Nizhny Novgorod Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 46 Gagarin Ave., Nizhny Novgorod, 603950, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0001-7049-4593>, ResearcherID [AAR-5203-2021](https://orcid.org/0000-0001-7049-4593), eva3011@bk.ru

Abstract

General ideas about the principles of law in the concept of integrative legal understanding are characterized. The concept of principles of law developed by the Bulgarian scientist Yanaki Stoilov is analyzed. The position is substantiated that Ya. Stoilov's concept fits into the integrative legal understanding. The views of Ya. Stoilov on the concept and essence of the principles of law, the functions and forms of the principles of law are characterized. It is concluded that the most original element of Ya. Stoilov's concept is the introduction into scientific circulation and development of the category "form of principles of law". On the one hand, this is an advantage of the scientist's work and allows us to classify his concept of the principles of law as integrative. On the other hand, ideas about the form of principles of law are also a "weak link" in Ya. Stoilov's research due to the inclusion of legal and non-legal elements, which was precisely a consequence of the "integrativeness" of his approach to the problem field being studied. It is noted that to date, the concept of Ya. Stoilov is the only holistic doctrine of the principles of law from the position of integrative legal understanding.

Keywords

integrative legal understanding, principles of law, legislation, law enforcement

For citation

Ilyukhina, V.A. (2024). Principles of Law in an integrative Legal Understanding (Yanaka Stoilov's concept). *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 8, no. 3, pp. 366-377. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-3-366-377>

Введение

В настоящее время накопился значительный массив научной литературы, посвященной принципам права. В этих условиях исследовать принципы права «вообще», не имея четкой методологической позиции, не придерживаясь какого-либо типа правопонимания, непродуктивно и нецелесообразно. Принципы права совершенно по-разному воспринимаются в естественно-правовом, либертарном, позитивистском и интегративном типах правопонимания. В прочих типах правопонимания (социологическом, психологическом и пр.), конечно, тоже имеются определенные представления о принципах права, однако они носят спорадический, ситуативный характер и в них не сформулировано целостной теории принципов права.

В данном исследовании мы рассмотрим концепцию принципов права болгарского

ученого Янаки Стоилова, сформулированную в рамках интегративного правопонимания.

Монография Я. Стоилова «Принципы права: понятие и правоприменение» вышла в 2018 г. в Софии, а в русском переводе была опубликована в 2023 г. [1].

Научный редактор перевода этой книги Е.А. Фролова называет концепцию принципов права Я. Стоилова «синтетической» [1, с. 5]. Сам Я. Стоилов не использует в тексте своей работы сочетание «интегративное правопонимание» и «синтетическая теория» и считает свою концепцию неким «четвертым путем» в исследовании принципов права. В качестве первых трех путей рассматривается «естественно-правовой», «позитивистский» и «интегральный», объединяющий теорию права и судебные правовые позиции, и отвергающий правовой конвенционализм и прагматизм. Здесь автор монографии имеет

в виду исследования Р. Дворкина, не относя, вслед за Дж. Мэки, его взгляды к естественно-правовым [2]. Я. Стоилов заявляет, что пытается придерживаться классической неопозитивистской нормативной социальной концепции права и его принципов, которая является синтезом между теорией права и социальной философией [1, с. 29]. При этом ученый четко обозначает свою позицию относительно объективности принципов права, характерной для естественно-правового подхода, полагая «неуместным» приписывать принципам права чисто объективный характер и считать их существующими независимо от юридического признания [1, с. 45].

Общая характеристика представлений о принципах права в интегративном правопонимании

Прежде чем перейти непосредственно к анализу концепции принципов права Я. Стоилова, охарактеризуем представления о принципах права в интегративном правопонимании.

Спецификой восприятия принципов права в интегративном правопонимании является двойственность их происхождения, объединение нормативных и когнитивных составляющих. Под принципами права одновременно понимаются и нормы-принципы, и руководящие идеи, закрепленные в законодательстве, и форма права, и стандарты, на которых основываются правовые нормы, и некие универсальные правовые ценности.

Например, албанский ученый Дж. Даци, признавая существование принципов-норм, выделяет правовые принципы, которые практически одинаковы во всех правовых системах и, по сути, являются правовой максимой, правовыми ценностями [3, с. 111, 115]. Основное внимание французского ученого Ж.-Л. Берজেля в вопросах принципов права сконцентрировано на общих принципах. По его мнению, это такие принципы, которые действуют во всех правовых системах [4, с. 157], распространяются за пределы различных отраслей права [4, с. 170], «это положения (правила) объективного права (а не естественного или идеального права), которые могут выражаться, а могут и не выражаться в текстах, но (обязательно) применяются в судебной практике и обладают достаточно общим характером» [4, с. 168].

Говоря о французском праве, Ж.-Л. Бержезь подразделяет общие принципы права на две группы: фундаментальные принципы (которые закреплены на конституционном уровне) и простые общие принципы (которые закреплены в других нормативных правовых актах или не закреплены в них). Фундаментальные принципы определяют деятельность самого законодателя, простые общие принципы влияют только на регламентирующую власть и на деятельность судов [4, с. 191, 193]. Независимо от того, закреплены общие принципы в позитивном праве или нет, они являются основной судебной практики – «в случае, когда закон молчит или недостаточно четко высказывается по данному вопросу, суд должен находить решение в свете общих принципов» [4, с. 181].

В.В. Ершов, являясь сторонником интегративного правопонимания, выделяет два его вида: научно дискуссионное и научно обоснованное. Дискуссионное интегративное правопонимание характеризуется смешением права и неправа. Кроме принципов и собственно норм права в систему права включают и онтологически разнородные правовые и неправовые явления (например, позиции судов, нормы морали, «судебное усмотрение» и пр.). Критикуя научно дискуссионные концепции интегративного правопонимания, В.В. Ершов пытается сформулировать так называемую научно обоснованную концепцию интегративного правопонимания и утверждает, что она «характеризуется ограничением права, прежде всего принципами и нормами только права, содержащимися в единой, развивающейся и многоуровневой системе форм национального и международного права, реализующимися в данном государстве, то есть интеграцией лишь права и права в различном его внешнем выражении» [5, с. 58]. основополагающие (или общие) принципы национального и (или) международного права рассматриваются В.В. Ершовым в качестве фундаментальных форм права [5, с. 306-307]. В качестве формы права принципы права рассматривают и другие сторонники научно обоснованного интегративного правопонимания [6; 7, с. 48; 8, с. 30; 9, с. 51].

Однако, на наш взгляд, в интегративной концепции права В.В. Ершова имеется серь-

езное противоречие. При классифицировании принципов права по сферам правового регулирования общественных отношений названный автор выделяет основополагающие (общие) принципы, специальные межотраслевые принципы, специальные отраслевые принципы и принципы отдельных институтов [5, с. 320]. При этом он утверждает, что основополагающие (общие) принципы вырабатываются в первую очередь в правореализационной практике (вырабатываются и поддерживаются судами), могут быть как «писанными», так и «неписанными» [5, с. 322-323]. Очевидно, что в данном случае имеет место смешение принципов позитивного права и доктринальных принципов, находящихся, соответственно, в сфере права и в сфере правосознания, относящихся к разным социальным материям. И то, что следование правовым позициям высших судов и сложившейся судебной практике для нижестоящих судов становится обязательным, не трансформирует идеи общего характера, сформулированные в судебных решениях и служащие для их аргументации, в принципы права. Кроме того, в силу тех или иных обстоятельств правовые позиции судов могут противоречить друг другу, а также достаточно быстро меняться в отличие от нормативных правовых актов (в первую очередь, кодифицированных актов, в которых и закреплены принципы права), для изменения которых предусмотрены специальные процедуры.

Интегративное правопонимание не является на самом деле чем-то единым и устойчивым. И это прекрасно осознается его сторонниками. Отсюда и попытки выделить концепции научно дискуссионного и научно обоснованного интегративного правопонимания. По сути, ни тот, ни другой вариант интегративного правопонимания не дает именно интегративного, целостного понимания принципов права – имеет место обычная эклектика. Заходя в теоретические дебри и усложняя терминологию, пренебрегая «бритвой Оккама», ученые просто механически объединяют разные подходы. Попытки в этой ситуации выйти на практическую пользу принципов права тоже ничего нового по сравнению с другими подходами к пониманию принципов права не дают.

Так, С.М. Амосов и С.Ю. Некрасов утверждают, что «Концепция научно-обоснованного интегративного правопонимания в отношении принципов гражданского процессуального права как формы права обоснованно может использоваться судами в правоприменительной деятельности» [7, с. 51]. Данное утверждение справедливо, однако, в нем нет ничего нового по сравнению с позитивистским пониманием принципов права. Несомненно, принципы гражданского процессуального права как особый вид правовых норм, как нормативно закрепленные идеи не просто могут, а должны использоваться судами в правоприменительной деятельности. Более того, если судебное решение принято в нарушение принципов гражданского процессуального права, оно должно быть в обязательном порядке отменено вышестоящей судебной инстанцией.

С.В. Мазуренко предприняла попытку проанализировать природу и сформулировать классификацию принципов российского трудового права «с позиции научно обоснованной концепции интегративного правопонимания» [9]. Следует согласиться с автором, что принципы трудового права по своей природе выступают «первоосновой», первичными регуляторами трудовых и непосредственно связанных с ними отношений, относятся к «основополагающим элементам российского трудового права, характеризующим его сущность, целостность, внутреннее единство, объективный процесс достижения определенности национального трудового права», однако остается необоснованным утверждение, что «принципы российского трудового права не подлежат отождествлению с неопределенными «началами», «положениями», «идеями», «правовыми идеями», трудовыми правами и обязанностями сторон трудового правоотношения» [8, с. 7]. Кроме этого надуманного противоречия, новизна здесь, к сожалению, отсутствует.

«Интегративность» подхода С.В. Мазуренко к изучаемой проблематике проявилась в том, что она по форме выражения разделила принципы трудового права на те, которые выражены в письменной форме, и те, которые установлены «в результате реализации в фактических общественных отношениях субъектами права» [9, с. 8]. По сути, автор меха-

нически совместила разнопорядковые явления социальной жизни, первое из которых относится к сфере права, а второй – к сфере правосознания. Явления, которые обладают разным происхождением и сущностью и играют различную роль в правовой системе. Что касается авторской классификации принципов трудового права по уровню правового регулирования, в рамках которой они делятся на основополагающие, общие и специальные принципы отдельных институтов [8, с. 8, 56, 57], если отбросить в сторону камуфляж интегративного правопонимания, то мы увидим вариант традиционного деления принципов права, характерного для позитивистского правопонимания и свойственного еще советской правовой науке. Ради справедливости следует отметить, что проведенный С.В. Мазуренко анализ принципов трудового права, закрепленных в ТК РФ, и вытекающие из него практические рекомендации по совершенствованию действующего законодательства [9, с. 185-186] обоснованы и представляют определенный интерес.

Понятие и сущность принципов права в концепции Я. Стоилова

Интерес Я. Стоилова к проблематике принципов права обусловлен тем, что они, по его мнению, закладывают основу права и являются связующим звеном в правовой системе, обеспечивая как преемственность, так и глубокие изменения права [1, с. 13]. При этом ученый делает акцент на том, что принципы права (за исключением принципов международного права и права Европейского союза) – национальное явление, определяющее национальный правовой порядок [1, с. 16-17]. Здесь мы видим явное противоречие с естественно-правовой концепцией, проявляющееся в отрицании предопределенности принципов права и их универсального наднационального характера.

Принципы права – это культурно-историческое эволюционировавшее явление. Формируются принципы как результат общественных отношений, процессов и противоречий в разных сферах жизни (в первую очередь, экономической и политической), поэтому в их основе лежат объективные предпосылки. Тем не менее, в своем непосредственном бытии – «это идеальный, духовный феномен, существование которого обуслов-

лено определенными культурными, этическими и иными взглядами», «это предельная степень синтеза моральных, религиозных и прочих требований в правовой форме» [1, с. 111]. Установление, институирование принципов представляет собой не только интеллектуальный, но, скорее, волевой акт, преобразующий их в нечто должное.

Другой исходной посылкой болгарского ученого является тезис о том, что «принципы права занимают свое собственное место в праве и имеют значение для юридической практики» [1, с. 20]. Отсюда вытекает и практикоориентированный подход в исследовании, вылившийся, в конечном итоге, в составление Каталога общих принципов права, характерных, по мнению Я. Стоилова, для всей континентальной правовой системы [1, с. 279-286].

У нас вызывает некоторые сомнения как выделение тех или иных конкретных принципов, так и сам подход к их выделению и формулированию. Тем не менее, попытку такого рода можно лишь приветствовать. Наличие каталога принципов может играть и практическую роль, проявляющуюся в возможности национальных законодателей ориентироваться на обобщенный опыт стран романо-германской правовой семьи, и быть полезным в когнитивном плане в компаративистском исследовании принципов права, соотношении национальных систем принципов права с неким усредненным модельным перечнем.

Следует отметить качественную теоретическую подготовку Я. Стоилова – его исследование основывается на глубокой проработке как теоретического, в том числе концептуального материала, так и законодательства, и судебной практики (в первую очередь, что вполне оправданно, своего национального – болгарского). Исследуя болгарское законодательство, ученый приходит к совершенно верному для любой страны континентального права, на наш взгляд, выводу, что встречающиеся в текстах нормативных правовых актов термины «принципы» и «основные начала» являются синонимичными [1, с. 37].

В болгарском законодательстве принципы права закрепляются на конституционном уровне, в кодексах, многочисленных «обыч-

ных» законах и даже в подзаконных актах. Несомненно, такая излишняя «заурегулированность» вкупе с указанием большого количества принципов приводит к снижению уровня осознания ценности принципов права. Я. Стоилов оправданно полагает, что принципы права должны закрепляться в национальном праве на уровне законов (в Конституции, кодексах и собственно законах). Если же в исключительном случае принципы права нашли закрепление в подзаконном акте, то для этого необходимы существенные аргументы [1, с. 38]. Однако, по нашему мнению, в подзаконных актах не должно иметь место закрепление принципов права, поскольку подзаконные акты должны конкретизировать тексты законов, а не устанавливать основные начала законодательства. Что касается закрепления принципов права в некодифицированных актах, то мы полагаем, что оно должно проводиться только в тех случаях, когда речь идет об основополагающих законах в некодифицированных отраслях права.

По мнению Я. Стоилова, в принципах права отражается большое количество ценностей и идей. И именно вследствие этого такие идеи приобретают правовое значение и становятся частью права. Являясь носителями ценностей, принципы права представляют собой мост, «по которому ценности попадают в право, приобретают юридическую легитимность и реализуются на практике» [1, с. 44]. Через источники права происходит институализация ценностей, которые превращаются в принципы права, «в конечном счете принципы права – это результат их признания в источниках права» [1, с. 111]. Если же такой институализации не произошло, то ценности остаются вне сферы права, находятся в правосознании, идеологии, носят субъективный характер и, соответственно, не могут быть надежными основаниями для принятия конкретных правовых решений [1, с. 45]. Принципы чаще, чем правила опираются на мораль, и именно они придают праву моральный облик, способствуют оценке и корректировке правовых действий с моральной точки зрения [1, с. 46]. Многие принципы находятся между ценностями и намечаемыми целями, и «с этой точки зрения принципы являются ценностно

определенными и целеориентированными», «принципы права – это территория целей, поставленных в праве» [1, с. 47]. Разграничивая цели и принципы, Я. Стоилов отмечает, что сущностно первые наиболее близки ко вторым, и при этом часть принципов является носителями целей [1, с. 48].

Я. Стоилов справедливо указывает, что принципы права представляют собой юридический феномен только в своем нормативном аспекте и совершенно оправданно полагает, что нет смысла наполнять различным содержанием два синонимичных понятия «принципы права» и «правовые принципы» [1, с. 51]. По мнению болгарского ученого, право использует нормативные стандарты, которые могут выступать либо в качестве правил, либо в качестве принципов. Соответственно нормы права делятся на нормы-правила и нормы-принципы. И те, и другие характеризуются объединяющим их таким свойством, как нормативность [1, с. 54]. Естественно, в этой ситуации важным является вопрос о разграничении правил и принципов права.

Я. Стоилов обращает внимание на то, что многие принципы «конкретизируются в правилах нормативных актов, в которых они содержатся. Кроме этого происходит оптимизация принципов в процессе индивидуального правоприменения», а сами принципы – это «обязательные направляющие ориентиры для сравнения идеального состояния с фактическим или обязательным критерием для поиска решений правовых казусов в случае наличия конкурирующих оснований» [1, с. 56]. Принципы являются «чем-то большим, нежели правила», они представляют собой «связующее звено между правом и социальной средой, из которой они происходят и в которой действуют» [1, с. 205].

Достаточно много внимания Я. Стоилов уделяет проблеме разграничения правил и принципов права. Для этого он предлагает целый комплекс критериев: по проявлению и воздействию на поведение субъектов; как применяются и чему способствует их применение; как решается вопрос конкуренции между ними; как участвуют в правовой аргументации; каким способом вводятся в систему права. В итоге ученый приходит к вы-

воду о валидности (юридической силе, действительности, годности) и тех, и других в правовой системе и юридической защищенности в ней. По мнению исследователя, правовое правило (или норма-правило) – ясное и официально принятое предписание поведения, которое является определяющим и исключительным критерием для установления между должным и осуществленным поведением. А принцип права (или норма-принцип) – это юридически утвержденная идея (ценность) или сентенция, задающая направление поведения, которое является ориентиром для определения соотношения между результатом поведения и идеальным положением посредством оптимизации при ее применении [1, с. 60-64]. Значение юридических правил в правовой системе заключается в том, что они гарантируют системе права безопасность и предсказуемость, а принципов права – в обеспечение преемственности, стабильности и способности реагировать на непредвиденные ситуации [1, с. 90]. Допуская конкуренцию между правилами и принципами, Я. Стоилов формулирует несколько иногда очевидных, а иногда и достаточно спорных требований, которых должны, по его мнению, придерживаться практикующие юристы при разрешении конкуренции принципов и правил [1, с. 94]. Наиболее интересным и практически полезным нам представляется положение, что при возникновении противоречия между правилами одного и того же ранга выбор конкретного применяемого правила определяется принципом права.

Также Я. Стоилов, наряду с ограничением принципов от правил, проводит ограничение принципов от политики (в понимании Р. Дворкина) [1, с. 66-70] и от правовых постулатов [1, с. 71]. Причем его представление о правовых постулатах несколько размытое. В его понимании, «постулаты – ментальные инструменты, которые не имеют самостоятельного юридического действия, и исполняют вспомогательную логически обоснованную роль» [1, с. 72]. По нашему мнению, то, что Я. Стоилов идентифицирует в качестве правовых постулатов, в наибольшей степени соответствует понятию «правовые аксиомы», которое он в своем труде не использует.

Более подробно остановимся на некоторых принципиальных моментах, вытекающих из перечисленного выше.

Во-первых, Я. Стоилов делает акцент на том, что применение принципов представляет собой оценочный процесс, предполагающий зачастую совмещение нескольких принципов. Использование принципов предполагает учет фактических и юридических возможностей, приспособление к конкретным условиям. Принцип не диктует конкретный способ реализации, а предопределяет длительное и постоянное сохранение в нем содержащегося руководящего начала. Отсюда применимость принципов является относительной, а не абсолютной [1, с. 61].

Во-вторых, Я. Стоилов не обошел вниманием чрезвычайно актуальную проблему конкуренции принципов права. Как справедливо и обоснованно отмечает Н.А. Власенко, проблема конкуренции принципов права является в настоящее время одной из наиболее актуальных проблем, связанных с принципами права [10, с. 71-75]. Он полагает, что конкуренция между принципами не ведет к отмене того или иного принципа. Принципы всегда остаются валидными в рамках конкретной системы права. В разных ситуациях один и тот же принцип может иметь разный вес (здесь, по нашему мнению, ощущается концептуальное влияние теории Р. Дворкина). Конкуренция принципов всегда носит ситуационный характер и имеет значение только для разрешения в конкретном случае [1, с. 62]. При наличии конкуренции принципы «взвешиваются», в одном случае один принцип может иметь больший вес относительно другого принципа, а в другом случае ситуация может быть противоположной. Превазирование в конкретной ситуации одного принципа над другим не приводит к упразднению второго, а лишь ограничивает сферу его применения [1, с. 89]. Здесь позиция Я. Стоилова близка к позиции хорватского ученого Л. Буразина, который, рассматривая принципы права как средство юридической аргументации и как способ устранения пробелов в праве, пришел к выводу, что «противоречие между общими принципами права может возникнуть только при конкретных обстоятельствах, когда противоречащие принципы вступают в кон-

фликт друг с другом через правовые нормы, дедуцируемые из этих принципов» [11].

Как опорные элементы правовой системы принципы права обладают, по мнению Я. Стоилова, абсолютной валидностью, но при этом они относительно применимы к конкретным ситуациям. Что касается непосредственно противоречия между принципами права, то оно обуславливается конкуренцией ценностей, которые лежат в их основе, в них воплощены [1, с. 205]. Также Я. Стоилов обращает внимание на то, что принципы права находятся в отношениях конкуренции не только друг с другом, но и с другими ценностями (особенно с такими общественными ценностями, как национальная безопасность, общественное здоровье, общественный порядок) [1, с. 132]. С проблемой конкуренции тесно связана и проблема иерархии принципов. Я. Стоилов считает, что, в отличие от правил, отчетливого соподчинения у принципов права нет. Это обуславливается тем, что в основе каждого принципа лежат определенные ценности, каждая из которых имеет практическое значение и должна приниматься во внимание. Тем не менее, определенная иерархизация принципов существует, так как имеет место иерархия идей [1, с. 88].

В-третьих, по мнению ученого, принципы права, разными способами попадая в систему права, могут быть подразумеваемыми (имплицитными) и сформулированными путем обобщения (индукции). Но, все же, как отмечает Я. Стоилов, в континентальном праве в настоящее время принципы права получают официальное признание через законодательство (особенно в сфере публичного права). И при этом многие принципы попадают в систему права юрисдикционным путем (через судебную практику) и были обоснованы правовой доктриной [1, с. 64]. Полагаем, что здесь прослеживается некая эклектичность, характерная для интегративного правопонимания в целом. По сути, принципы права в таком варианте могут попадать в правовую систему любым путем, в том числе не находя официального признания на государственном уровне в виде нормативного закрепления.

Функции и формы принципов права в концепции Я. Стоилова

Существенное место в исследовании принципов права Я. Стоилов уделяет изуче-

нию их функций. Исходя из роли, которую принципы играют в праве, функции принципов права делятся на две группы: в первую входят принципы, оформляющие облик права, обеспечивающие его целостность и связь с социальной средой; во вторую – нормативные (практические) функции, используемые в процессе правоприменения [1, с. 74].

К первой группе относятся такие функции, как:

- 1) познавательная;
- 2) ценностная;
- 3) системная (обеспечивающая организационную связь права с обществом);
- 4) толковательная (осуществляющая подготовку и обслуживание реализации права, служащая для аргументации и юридического обоснования).

Ко второй группе функций (к нормативным функциям) Я. Стоилов относит следующие:

- 1) направление правового регулирования и постановка его в рамки, включающая ориентацию на направление правового регулирования и очерчивание юридической рамки регулирования;
- 2) решение вопросов, связанных с конкуренцией между различными ценностями и правами, включая оптимизацию отношений между различными принципами и правами и расширение конкуренции принципов и правил;
- 3) установление правил, подлежащих применению, включая разрешение противоречий между правилами и восполнение пробелов в законодательстве;
- 4) обоснование правоприменения;
- 5) определение границы дискреции (то есть свободной оценки, которая предоставляется государственным органам в рамках их компетенции при осуществлении ими их полномочий) в праве, включая дискрецию в сфере законодательства и сфере правоприменения.

Новым по сравнению с другими исследованиями принципов права в концепции Я. Стоилова является разработка проблемы форм принципов права. Именно это он считает главным новшеством и «изюминкой» своего исследования. Категорию «форма принципов права» ученый располагает между понятием принципа права и видами прин-

ципов права. Она является центральной в его концепции, когнитивная последовательность которой определяется следующим образом: понятие «принцип права» – функции принципов права – форма принципов права – виды принципов права. По мнению ученого, форма принципа права выражает способ существования, особенности его действия и применения и включает три элемента (или стороны): 1) форму становления; 2) способ выражения и 3) форму существования. В отличие от видов принципов права, перечень которых, как полагает Я. Стоилов, является открытым, количество форм принципов конечное и закрытое [1, с. 110].

Я. Стоилов обоснованно полагает, что в право принципы попадают через его источники, которые зависят от исторической эпохи и системы права. При этом он придерживается позиции, что это происходит через законодательство, судебную практику и через теорию права и в зависимости от этого подразделяет принципы права на законные (принципы закона), юрисдикционные (или судебные) и юриспруденциальные (теоретико-правовые, теоретико-догматические) [1, с. 112-117].

Принципы закона более характерны для стран континентальной правовой семьи. Я. Стоилов последовательно придерживается мнения, что принципами права являются не только такие нормативные положения, которые прямо названы законодателем принципами права (эксплицитно выраженные принципы), но и имплицитные (подразумевающиеся), которые выводятся из содержания одной или нескольких норм путем индукции, а также толкования [1, с. 57, 58, 63, 113, 118, 119 и др.]. Более того, ученый допускает существование неписанных принципов и считает, что «сам по себе факт переноса принципа в правовое положение не изменяет его природу» [1, с. 119].

Я. Стоилов критикует четко сформулированную А.А. Демичевым [12; 13] и разделяемую нами и рядом других ученых позицию [14], заключающуюся в том, что если какая-то идея прямо не закреплена в качестве принципа (основного начала) в тексте нормативного правового акта, то мы имеем дело не с принципом позитивного права, а с так называемым доктринальным принципом. По-

лагаем, что если принципы права – это основополагающие идеи отрасли, нескольких отраслей или всего правового регулирования, то они не могут и не должны выводиться из разных норм (да еще и расположенных в различных частях нормативного правового акта). Основополагающая идея должна быть четко сформулирована законодателем в специальном структурном элементе нормативного правового акта и понятна всем субъектам права без какого-либо неаутентичного толкования, особенно проведенного представителями научного сообщества. Никто не должен (по крайней мере, в рамках семьи континентального права) подменять собой законодателя и вместо него указывать, какие положения считать основополагающими, а какие – нет. Таким образом, расширительное понимание Я. Стоиловым того, какие идеи могут быть отнесены к принципам права, представляется неаргументированным и ошибочным.

Юрисдикционные принципы более характерны для стран англосаксонской правовой семьи, однако они играют определенную роль и в странах семьи континентального права. По нашему мнению, идеи, сформулированные в судебной практике и претендующие на роль основополагающих, не являются и не могут являться принципами права. Они представляют собой разновидность доктринальных принципов. Несомненно, идеи, выработанные и апробированные судебной практикой, представляют собой один из источников формирования норм позитивного права. Однако принципами права они станут только в том случае, если будут закреплены законодателем в тексте нормативного правового акта именно в качестве таких.

Что касается теоретико-догматических принципов, то Я. Стоилов верно указывает, что в историческом смысле принципы как раз и формируются изначально юридической мыслью, но при этом в современности юридическая доктрина – это лишь косвенный источник принципов права (в тех случаях, когда разработки ученых используются в законотворчестве или при обосновании судебных решений) [1, с. 116-117]. При таком подходе непонятным остается, почему тогда автор монографии вообще относит юриспруден-

денциальные принципы к принципам права. На наш взгляд, эта разновидность идей (которую следует относить к доктринальным принципам) является одним из идейных источников принципов позитивного права, но не является формой принципов права.

Отдельное внимание Я. Стоилов уделяет вопросу форм существования принципов права. По его мнению, они охватывают все многообразие принципов, каждый из которых может быть квалифицирован либо как принцип-декларация, либо как принцип-сентенция (или принцип-максима), либо как принцип-право [1, с. 123-124]. Если принимать в целом такой весьма спорный подход, то наиболее дискуссионным моментом является выделение принципов-прав. В научной литературе идет оживленная дискуссия, можно ли считать основные права (и иногда обязанности) принципами права. Так, Р. Пошер полагает, что и с логической, и с методологической точки зрения неверно смешивать основные права и принципы права [15, с. 449]. Р. Алекси, напротив, допускает, ссылаясь на практику Федерального конституционного суда Германии, что конституционные права в ряде случаев могут быть как правилами, так и принципами [16, с. 69, 80, 84]. Еще более четкую позицию занимает Х. Авила, придя к выводу, что основные (конституционные) права представляют собой принципы, хотя все остальные права – это правила [17, с. 36]. В рамках либертарного правовопонимания Н.В. Варламова обосновывает позицию, что права человека – это принципы права [18]. Наконец, А.С. Гамбарян отмечает, что «принципы права часто устанавливаются либо как основные права человека и гражданина, либо как гарантии реализации прав человека и гражданина» [19, с. 242].

Я. Стоилов считает, основные права – это не только принципы права, специфической чертой которых является сочетание декларативности и уполномочивания, но и одна из форм их существования [1, с. 130, 131]. При этом ученый, рассматривая сходства и различия между основными правами и принципами права, в итоге приходит к выводу, что «двойственное предназначение, которое могут иметь основные права – по своей сути и предмету, с одной стороны, и по образу действия, с другой стороны, дает основания

рассматривать их как принципы права. Подобно товарам двойного назначения, которые могут использоваться и в гражданских и военных целях, основные права могут служить как права и действовать как принципы» [1, с. 145].

Действительно, в содержательном плане права человека на конституционном уровне (например, в Конституциях Российской Федерации и Республики Армения) закреплены как идеи, обладающие наивысшей ценностью и лежащие в основе всего правового регулирования. При этом российский законодатель не использует в тексте Основного закона слово «принцип» в значении «принцип права» (кроме принципов международного права), а армянский законодатель делает это в очень небольшом количестве случаев. По этой причине всегда имеет дискуссионность в идентификации того или иного конституционного положения в качестве принципа права. Все же, учитывая, что конституционные права – это определенные идеи, закрепленные на соответствующем уровне, мы полагаем, что в ряде случаев их можно рассматривать в качестве принципов права.

Любое комплексное исследование принципов права не может обойтись без рассмотрения вопроса о классификации принципов права. Естественно, Я. Стоилов не мог проигнорировать эту проблему. Он, что вполне оправдано, не пытается создать какую-то всеохватывающую универсальную классификацию принципов права, основанную на целом ряде критериев, а предлагает несколько классификаций, каждая из которых основана на одном–двух критериях. Так, по происхождению и назначению выделяются общественно-политические и присущие праву принципы; по отношению принципов ко всему праву или к отдельным его отраслям – общие (основные) и специальные; на основе деления права на частное и публичное – принципы частного и публичного права; по сфере действия на национальном и международном уровне – принципы национального и международного права и, наконец, по степени юридической обязательности – *hard law* принципы и *soft law* принципы [1, с. 149-190].

Заключение

Таким образом, Я. Стоиловым сформировано комплексное оригинальное учение о принципах права в рамках интегративного правопонимания. Видимо, с позиции В.В. Ершова оно должно быть отнесено к так называемым научно дискуссионным концепциям интегративного правопонимания [5, с. 58], поскольку в нем имеет место сочетание правовых и неправовых компонентов применительно к пониманию принципов права.

Наиболее оригинальным элементом концепции Я. Стоилова является введение в научный оборот и разработка категории «форма принципов права». Это, с одной стороны,

является несомненным достоинством работы ученого и позволяет отнести его концепцию принципов права к числу интегративных. Однако, с другой стороны, представления о форме принципов права являются и «слабым звеном» в исследовании Я. Стоилова за счет включения правовых и неправовых элементов, что стало как раз следствием «интегративности» его подхода к изучаемому проблемному полю.

В целом же следует отметить, что к настоящему времени концепция Я. Стоилова является единственным целостным учением о принципах права с позиции интегративного правопонимания.

Список источников

1. *Стоилов Я.* Принципы права: понятие и правоприменение / вступ. ст., научн. ред. пер. Е.А. Фроловой. М.: Проспект, 2023. 312 с.
2. *Mackie J.* The Third theory philosophy // *Public Affairs*. 1977. Vol. 7. № 1. P. 3-16.
3. *Daci J.* Legal Principles, Legal Values and Legal Norms: are they the same or different? // *Academicus International Scientific Journal*. 2010. № 2. P. 109-115.
4. *Бержель Ж.-Л.* Общая теория права / под. общ. ред. В.И. Даниленко / пер. с фр. М.: Изд. дом NOTA BENE, 2000. 576 с.
5. *Ершов В.В.* Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений. М.: РГУП, 2018. 628 с. <https://elibrary.ru/kfbqni>
6. *Ершова Е.А.* Основополагающие принципы российского трудового права // *Трудовое право*. 2008. № 2. С. 6-10. <https://elibrary.ru/kazigf>
7. *Амосов С.М., Некрасов С.Ю.* Современные типы правопонимания и правореализация принципов гражданского процессуального права // *Академический юридический журнал*. 2020. № 4 (82). С. 48-52. <https://elibrary.ru/pxefsq>
8. *Воронов И.Ю.* Основополагающие принципы российского права и российского трудового права: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 215 с. <https://elibrary.ru/qfwpk1>
9. *Мазуренко С.В.* Природа и классификация принципов российского трудового права: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020. 186 с. <https://elibrary.ru/btmytx>
10. *Власенко Н.А.* Методологические основания исследования правовых ценностей. М.: Норма, 2023. 200 с.
11. *Буразин Л.* Критерий специальности как способ разрешения противоречий между основными принципами права (дело «О городском кладбище») // *Известия высших учебных заведений. Правоведение*. 2011. № 4 (297). С. 70-83. <https://elibrary.ru/ooohyp>
12. *Демичев А.А.* Принципы гражданского процессуального права Российской Федерации: проблемы сущности и классификации // *Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета*. 2005. № 10. С. 130-133. <https://elibrary.ru/kzczqy>
13. *Демичев А.А.* Позитивистская классификация принципов современного российского права // *Государство и право*. 2014. № 5. С. 5-13. <https://elibrary.ru/sgnrrx>
14. *Demichev A., Iliukhina V., Demichev K., Paramonov A.* Principles of law in the continental legal family (problematic aspects of determining the essence and classification) // *Laplace em Revista*. 2021. Vol. 7. № 1. P. 609-616. <https://doi.org/10.24115/S2446-6220202171875p.609-616>, <https://elibrary.ru/zsjxye>
15. *Posher R.* Insights, Errors and Self-Misconception of the Theory of Principles // *Ratio Juris*. 2009. Vol. 22. № 4. P. 425-454. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9337.2009.00434.x>
16. *Alexy R.* A Theory of Constitutional Rights. Oxford: Oxford University Press, 2010. 506 p.
17. *Avila H.* Theory of Legal Principles. Berlin: Springer, 2007. 168 p.
18. *Варламова Н.* Права человека как принципы права // *Сравнительное конституционное обозрение*. 2023. № 6 (157). С. 146-171. <https://doi.org/10.21128/1812-7126-2023-6-146-171>, <https://elibrary.ru/dfnxuo>
19. *Теория государства и права / под ред. А. Гамбаряна, М. Мурадяна.* Ереван: Изд-во «Лусабац», 2018. 688 с. (На армянском)

References

1. Stoilov Ya. (2023). Printsipy prava: ponyatie i pravoprimerenie. Moscow, Prospekt Publ., 312 p. (In Russ.)
2. Mackie J. (1977). The Third theory philosophy. *Public Affairs*, vol. 7, no. 1, pp. 3-16.
3. Daci J. (2010). Legal Principles, Legal Values and Legal Norms: are they the same or different? *Academicus International Scientific Journal*, no. 2, pp. 109-115.
4. Berzhel' Zh.-L. (2000). *Obshchaya teoriya prava*. Moscow, NOTA BENE Publishing House, 576 p. (In Russ.)
5. Ershov V.V. (2018). *Pravovoe i individual'noe regulirovanie obshchestvennykh otnoshenii*. Moscow, RSUJ Publ., 628 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/kfbqni>
6. Ershova E.A. (2008). Fundamental principles of Russian labor law. *Trudovoe pravo*, no. 2, pp. 6-10. (In Russ.) <https://elibrary.ru/kazigf>
7. Amosov S.M., Nekrasov S.Yu. (2020). Modern types of legal understanding and legal realization of the principles of civil procedure law. *Akademicheskii juridicheskii zhurnal = Academic Law Journal*, no. 4 (82), pp. 48-52. (In Russ.) <https://elibrary.ru/pxefsq>
8. Voronov I.Yu. (2012). *Osnovopolagayushchie printsipy rossiiskogo prava i rossiiskogo trudovogo prava. PhD (Law) diss.* Moscow, 215 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qfwpk1>
9. Mazurenko S.V. (2020). Priroda i klassifikatsiya printsipov rossiiskogo trudovogo prava. PhD (Law) diss. Moscow, 186 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/btmytx>
10. Vlasenko N.A. (2023). *Metodologicheskie osnovaniya issledovaniya pravovykh tsennostei*. Moscow, Norma Publ., 200 p. (In Russ.)
11. Burazin L. (2011). Criterion of specialty as a means to solve antinomies between the general principles of law (the “city cemetery” case). *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie = Proceedings of Higher Educational Institutions. Pravovedenie*, no. 4 (297), pp. 70-83. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ooxyp>
12. Demichev A.A. (2005). Principles of civil procedural law of the Russian Federation: problems of essence and classification. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo sotsial'no-ehkonomicheskogo universiteta = Vestnik of Saratov State Socio-Economic University*, no. 10, pp. 130-133. (In Russ.) <https://elibrary.ru/kzczqz>
13. Demichev A.A. (2014). Positivist classification of principles of modern russian law. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, no. 5, pp. 5-13. (In Russ.) <https://elibrary.ru/sgnrxx>
14. Demichev A., Ilyukhina V., Demichev K., Paramonov A. (2021). Principles of law in the continental legal family (problematic aspects of determining the essence and classification). *Laplage em Revista*, vol. 7, no. 1, pp. 609-616. <https://doi.org/10.24115/S2446-6220202171875p.609-616>, <https://elibrary.ru/zsjxyc>
15. Posher R. (2009). Insights, Errors and Self-Misconception of the Theory of Principles. *Ratio Juris*, vol. 22, no. 4, pp. 425-454. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9337.2009.00434.x>
16. Alexy R. (2010). *A Theory of Constitutional Rights*. Oxford, Oxford University Press, 506 p.
17. Avila H. (2007). *Theory of Legal Principles*. Berlin, Springer Publ., 168 p.
18. Varlamova N. (2023). Human rights as principles of law. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie = Comparative Constitutional Review*, no. 6 (157), pp. 146-171. (In Russ.) <https://doi.org/10.21128/1812-7126-2023-6-146-171>, <https://elibrary.ru/dfnxuo>
19. Gambaryana A., Muradyana M. (eds.). (2018). *Theory of the State and Law*. Erevan, “Lusabats” Publ., 688 p. (In Armenian)

Автор демонстрирует отсутствие конфликта интересов. / Author declares no conflict of interests.

Поступила в редакцию / Received 15.08.2024

Поступила после рецензирования / Revised 16.09.2024

Принята к публикации / Accepted 20.09.2024

Контент доступен под лицензией [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 340.1

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-3-378-383>

Шифр научной специальности 5.1.1

Концепция понимания источников (форм) права в материальном, идеологическом и юридическом смысле

© МАКСИМОВА Ирина Михайловна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права Института права и национальной безопасности, ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина», Российская Федерация, 392000, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33, <https://orcid.org/0000-0002-2755-0024>, irma_tmb@mail.ru

Аннотация

Рассмотрены актуальные вопросы, связанные с источниками (формой) права. Отмечено, что право, как юридический и социальный феномен, представляет собой сложное, многоаспектное явление, отражающее уровень развития общества и государства на определенном историческом этапе. Исследован вопрос о том, что в современных условиях возрастает роль права как универсального регулятора общественных отношений, инструмента обеспечения законности и правопорядка, гарантии защиты прав и свобод личности, а эффективность правового регулирования во многом зависит от того, насколько объективно законодательство отражает потребности общественного развития. Концепция понимания источников (форм) права рассмотрена с позиции трех подходов (смыслов), а именно: материального, идеологического и юридического. Сделан вывод о том, что различие между материальными, идеологическими и юридическими источниками (формами) права состоит в том, что первые две группы порождают необходимость правового регулирования, создают его предпосылки и определяют общую направленность, тогда как юридические источники представляют собой уже сами формы официального выражения правовых норм, придающие им общеобязательный характер. Однако все эти виды источников находятся в диалектическом единстве и взаимосвязи, образуя целостную систему факторов правового образования.

Ключевые слова

право, источники и формы права, материальный аспект, идеологический аспект, юридический аспект

Для цитирования

Максимова И.М. Концепция понимания источников (форм) права в материальном, идеологическом и юридическом смысле // Актуальные проблемы государства и права. 2024. Т. 8. № 3. С. 378-383. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-3-378-383>

The concept of understanding the sources (forms) of law in the material, ideological and legal perspective

© Irina M. MAKSIMOVA,

PhD (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Theory and History of State and Law Department, Institute of Law and National Security, Derzhavin Tambov State University, 33 Internatsionalnaya St., Tambov, 392000, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-2755-0024>, irma_tmb@mail.ru

Abstract

Issues related to the origins (forms) of law are discussed. It is noted that law, as a legal and social phenomenon, is a complex, multidimensional phenomenon reflecting the level of society and the state development at a certain historical stage. In modern times, the role of law as social relations' universal regulator, an instrument for maintaining order, and individual rights guarantor is increasing. The legal regulation effectiveness depends largely on how accurately legislation reflects the society development needs. The concept of law understanding sources (forms) can be approached from three perspectives: material, ideological, and legal. It can be concluded that the distinction between the material, ideational, and legal law sources lies in the fact that the former two categories give rise to the need for legal regulation, creating its prerequisites and determining the general direction, while legal sources themselves constitute the formal expression of legal norms, imbuing them with a generally binding quality. Nonetheless, all these categories of sources exist in a dialectical unity and interrelation, forming an integrated system of elements that contribute to the formation of law.

Keywords

law, law sources and forms, material aspect, ideological aspect, legal aspect

For citation

Maksimova, I.M. (2024). The concept of understanding the sources (forms) of law in the material, ideological and legal perspective. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 8, no. 3, pp. 378-383. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-3-378-383>

Введение

Одним из ключевых вопросов теории права является проблема источников (форм) права, которые представляют собой способы официального выражения и существования правовых норм, придающие им общеобязательную юридическую силу. Многообразие форм права обусловлено исторической эволюцией правовых систем, спецификой правовых традиций различных стран, а также процессами глобализации и интеграции, ведущими к взаимному влиянию и заимствованию правовых институтов.

В Российской Федерации, как и в большинстве стран романо-германской правовой системы, центральное место среди источников права занимает нормативный правовой акт, в котором объективируются общеобязательные правила поведения, обеспеченные мерами государственного принуждения. Наряду с этим в последние десятилетия заметно возрастает роль судебных precedентов,

особенно решений высших судебных инстанций, фактически приобретающих нормативный характер. Традиционные для отечественной правовой системы источники, такие как правовой обычай и нормативный договор, также сохраняют свое значение, дополняя систему писаного права.

Изучение многообразия форм права и специфики их функционирования в российском правопорядке представляет большой научный и практический интерес. Анализ данной проблематики способствует более глубокому пониманию природы и сущности права, выявлению основных тенденций его развития, а также совершенствованию правотворческой и правоприменительной деятельности.

Отдельные аспекты проблематики, связанной с исследованием источников (форм) права, были рассмотрены в трудах ученых С.С. Алексеева, В.Ф. Анисимова, Т.А. Васильевой, А.М. Витер, Р. Давида, А.В. Зло-

бина, С.И. Кобзева, М.Н. Марченко, Ж.И. Овсепян, М.Ю. Спирина, И.А. Федоренко, А.Н. Чашина и др.

Методы исследования

Исследование источников (форм) права предполагает использование общеправовых и мировоззренческих методов, которые служат фундаментальной основой для изучения права и его источниковой базы; формально-логический и системный методы познания направлены на исследование концепции понимания источников (форм) права с позиции трех подходов (смыслов), а именно: юридического (концептуального), материального и идеологического; сравнительно-правовой метод позволил провести сравнительную характеристику отдельных подходов к изучению источников права и правовых явлений.

Обсуждение

В юридической литературе термины «источник права» и «форма права» зачастую отождествляются или используются как синонимы. Тем не менее, некоторые ученые проводят различие между этими понятиями [1, с. 23]. Источники права рассматриваются как факторы, обуславливающие возникновение, развитие и функционирование права (материальные условия жизни общества, правосознание, воля законодателя и т. д.). В то время как формы права понимаются, как способы выражения и существования правовых норм, придающие им общеобязательную силу. Однако различия между двумя данными понятиями, на наш взгляд, не имеют столь серьезного значения, поскольку, в конечном счете, взаимно обуславливают друг друга. Поэтому в рамках данного исследования такие юридические категории, как «источники права» и «формы права», предлагается рассматривать как тождественные понятия.

Для всестороннего и глубокого понимания источников (форм) права предлагается рассмотреть с позиции концепции трех сфер (смыслов): материального, идеологического и юридического.

В материальном смысле под источниками (формами) права представляют собой ту реальную почву (фундаментальную основу), на которой зарождается и функционирует право, то есть рассматриваются объективные факторы и условия, обуславливающие

возникновение, изменение и развитие права как особого социального регулятора общественных отношений.

К источникам (формам) права в материальном смысле следует отнести:

1) экономические отношения и уровень развития производительных сил общества. Именно состояние экономического базиса, господствующий способ производства во многом определяют характер правовой надстройки, содержание и направленность правового регулирования;

2) политические отношения, существующий в обществе политический строй, расстановку политических сил, господствующую идеологию. Они задают общие контуры и вектор развития правовой системы;

3) национальные, исторические, религиозные и иные традиции, культурные особенности конкретного общества. Право не может игнорировать эти факторы и вынуждено их учитывать;

4) уровень развития правовой культуры, правосознания общества, степень уважения к праву и закону. Низкий уровень правовой культуры делает право малоэффективным регулятором;

5) природные, географические, климатические условия жизни общества. Эти факторы также накладывают свой отпечаток на специфику правового регулирования в той или иной стране [2, с. 42].

Таким образом, материальные источники права – это та объективная реальность, которая порождает право, определяет его содержание, сферы действия, методы регулирования и механизмы реализации. Они отражают уровень социально-экономического, политического и культурного развития конкретного общества на данном историческом этапе.

Идеологические, или идеальные [3, с. 11] источники (формы) права представляют собой совокупность идей, теорий, взглядов, концепций, выражающих сущность и предназначение права, его ценностное содержание. К ним относятся:

1) правосознание – совокупность представлений, идей, эмоций, настроений, взглядов, чувств, теорий, оценок права и правовых явлений в обществе. Оно отражает господствующие в обществе ценности, идеалы справедливости, стремление к правопорядку.

Правосознание оказывает непосредственное влияние на законотворческий процесс, определяя приоритеты и направления правового регулирования [4, с. 41];

2) правовая идеология как система концептуальных идей, взглядов, теорий о сущности, назначении и ценностях права, обосновывающих ту или иную правовую политику государства. Причем следует отметить, что правовая идеология может быть как ориентированной на утверждение принципов свободы, равенства, справедливости, то есть прогрессивной, так и оправдывающей произвол и беззаконие, то есть реакционной;

3) юридическая (правовая) доктрина представляет собой объединение взглядов ученых-правоведов, научных трудов, а также теоретических концепций на природу, сущность и основные принципы права, формирующих представления о должном в праве. Научная доктрина предлагает пути развития и совершенствования законодательства и правоприменительной практики [5, с. 23];

4) правовая культура общества как степень прогрессивного развития индивидов и социальных общностей, воплощающих в своем поведении и деятельности правовые принципы, ценности и символы. Высокий уровень правовой культуры способствует утверждению господства права, верховенства закона в обществе [6, с. 88].

Идеологические источники права фактически есть концентрированное выражение правовых идей, ценностей, норм и принципов, которые впоследствии находят свое закрепление в существующей системе законодательства и правоприменительной практике.

Юридические (концептуальные) источники права представляют собой формы, в которых объективируются нормы позитивного права. Это официальные, носящие формально-определенный характер способы выражения и закрепления правовых норм, придающие им общеобязательную юридическую силу [7, с. 43].

К источникам (формам) права в юридическом смысле относятся:

1. Нормативный правовой акт, который не только является официальным письменным документом, принятый уполномоченным государственным органом и обеспеченный мерами государственного принуждения,

но и занимает центральное место среди источников права, объективируя при этом общеобязательные правила поведения. Кроме того, нормативные акты образуют иерархическую систему, в которой высшую юридическую силу занимает Конституция Российской Федерации.

2. Нормативный договор – это соглашение между субъектами права, содержащее общеобязательные правовые нормы. В российской правовой системе примером могут служить договоры о разграничении предметов ведения и полномочий между Российской Федерацией и ее субъектами, международные договоры Российской Федерации.

3. Правовой обычай, который хотя и утратил ведущие позиции в системе источников права, как исторически сложившееся и санкционированное государством правило поведения, но все же продолжает играть определенную роль [8, с. 59]. Он сохраняет значение как гибкий инструмент регулирования тех общественных отношений, которые недостаточно урегулированы нормами писаного права.

4. Проблема судебного прецедента как источника права издавна была и остается одной из дискуссионных в российской доктрине [9, с. 5]. Юридический прецедент – законное предписание, отображенное в решении компетентного органа, имеющее обязательный характер применения для аналогичных ситуаций. Следует отметить, что принцип прецедента имеет вертикальный характер. То есть решение вышестоящих судов имеет большую юридическую силу, чем решение нижестоящих. Вышестоящие суды, по общему правилу, не обязаны в своей деятельности при вынесении решений руководствоваться прецедентами нижестоящих инстанций.

5. Нормативные правовые акты международных организаций, общепризнанные принципы и нормы международного права в той мере, в какой они признаны Российской Федерацией.

6. Религиозные постулаты, такие как Библия, Шастры, Коран и другие тексты, основаны на религиозных правовых системах (семьях) и являются одним из основных источников права в отдельных государствах.

7. Правовая доктрина – совокупность правовых идей, теорий, взглядов и концеп-

ций, которые придают праву внутреннюю логичность, непротиворечивость и целостность. Доктрина оказывает влияние на правотворчество и правоприменение, хотя и не является самостоятельным источником российского права [10, с. 67].

Следует отметить то, что источники (формы) права в юридическом смысле образуют иерархическую систему, в которой акты располагаются по степени их юридической силы. В России высшей юридической силой обладает Конституция Российской Федерации, далее следуют федеральные конституционные законы, федеральные законы и т. д. Эта иерархия обеспечивает согласованность и непротиворечивость правовой системы.

Заключение

Подводя итог, следует отметить, что формы (источники) права образуют целостную систему источников, каждый из которых вносит свой вклад в правовое регулирование общественных отношений. Многообразие форм права отражает богатство правового опыта человечества и способность юридических механизмов адаптироваться к меняющимся условиям социальной действительности.

Важно отметить, что, несмотря на разнообразии форм, все они находятся в тесном взаимодействии и взаимообусловленности. Так, нормативные правовые акты, являясь основной источниковой базой, достаточно часто опираются на судебную практику и правовые обычаи в процессе работы по устранению юридических коллизий или преодолению пробелов в действующем законодательстве. В свою очередь, нормативные договоры, содержащие общие правила поведения, порой приравниваются по юридической силе к законам, обеспечивая комплексное регулирование соответствующих общественных отношений.

Таким образом, именно совокупность различных форм права, их взаимное влияние и дополнение друг друга позволяют правовой системе демонстрировать необходимую гибкость и своевременно реагировать на изменения в социальной, экономической и политической сферах. Уникальность каждого источника права, его специфические черты и особенности правового регулирования обуславливают многообразие правового инструментария, используемого для упорядочения общественных связей.

Список источников

1. *Спирин М.Ю.* Соотношение истока права, источника права и формы права с позиции волевой концепции правообразования // Юридический вестник Самарского университета. 2018. Т. 4. № 1. С. 23-28. <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2018-4-1-23-28>, <https://elibrary.ru/rtrlvv>
2. *Васильева Т.А.* Понятие и значение источника права // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2020. № 73. С. 37-44. <https://elibrary.ru/okcxqj>
3. *Бекасов К.А.* Источники права в материальном, идеальном и специальном юридическом смысле // Актуальные проблемы российского права и законодательства: сб. материалов 16 Всерос. науч.-практ. конф. Красноярск, 2023. С. 9-12. <https://elibrary.ru/yzpjcz>
4. *Ковалева А.М.* Правосознание: понятие и сущность // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 1. С. 41-43. <https://elibrary.ru/yrvskb>
5. *Шумилов Н.В.* Правовая доктрина как нетипичный источник права // Фемида. Science. 2024. № 1 (14). С. 21-28. <https://elibrary.ru/efclay>
6. *Альбов А.П., Цопанова И.Г., Димитров Н.Н., Беспалько В.Г.* Правовая культура как основа и результат правового государства. М.: Русайнс, 2020. 164 с. <https://elibrary.ru/voskkg>
7. *Спирин М.Ю.* Источник и форма права: волевая парадигма // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2018. Т. 1. № 2. С. 42-49. <https://elibrary.ru/lbpkbv>
8. *Максимова И.М.* Правовой обычай как источник права: исторический и теоретический аспекты // Право: история и современность. 2021. № 4 (17). С. 59-64. <https://doi.org/10.17277/pravo.2021.04.pp.059-064>, <https://elibrary.ru/ytocse>
9. *Гицу М.А.* Судебный прецедент как источник права в свете современных тенденций в России // Государство и право. 2017. № 6. С. 5-16. <https://elibrary.ru/ysrzmx>
10. *Чащин А.Н.* Источники и формы современного российского права. М.: Изд-во «Инфра-М», 2023. 452 с. <https://doi.org/10.12737/1856363>, <https://elibrary.ru/jwwnoq>

References

1. Spirin M.Yu. (2018). Relation between initial source of law, source of law and form of law according to willed law-making concept. *Yuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta = Juridical Journal of Samara University*, vol. 4, no. 1, pp. 23-28. (In Russ.) <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2018-4-1-23-28>, <https://elibrary.ru/rtflvv>
2. Vasil'eva T.A. (2020). Notion and sense of the source of law. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva = Vestnik of Volzhsky University named after V.N. Tatishchev*, no. 73, pp. 37-44. (In Russ.) <https://elibrary.ru/okcxqj>
3. Bekasov K.A. (2023). Sources of law in the material, ideal and special legal sense. *Sbornik materialov 16 Vserossijskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Aktual'nye problemy rossiiskogo prava i zakonodatel'stva» = Collection of Materials of the 16th All-Russian Scientific and Practical Conference "Current issues of Russian law and legislation"*, Krasnoyarsk, pp. 9-12. (In Russ.) <https://elibrary.ru/yzpjcjz>
4. Kovaleva A.M. (2018). Legal awareness: the concept and essence. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve = Gaps in Russian Legislation*, no. 1, pp. 41-43. (In Russ.) <https://elibrary.ru/yrvskb>
5. Shumilov N.V. (2024). Legal doctrine as an atypical source of law. *Femida. Science*, no. 1 (14), pp. 21-28. (In Russ.) <https://elibrary.ru/efclay>
6. Al'bov A.P., Tsopanov I.G., Dimitrov N.N., Bepal'ko V.G. (2020). *Pravovaya kul'tura kak osnova i rezul'tat pravovogo gosudarstva*. Moscow, Rusains Publ., 164 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/voskkg>
7. Spirin M.Yu. (2018). Source and form of law: willed paradigm. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva = Vestnik of Volzhsky University named after V.N. Tatishchev*, vol. 1, no. 2, pp. 42-49. (In Russ.) <https://elibrary.ru/lbpkbv>
8. Maksimova I.M. (2021). Legal convention as a source of law: historical and theoretical aspects. *Pravo: istoriya i sovremennost' = Law: History and Modernity*, no. 4 (17), pp. 59-64. (In Russ.) <https://doi.org/10.17277/pravo.2021.04.pp.059-064>, <https://elibrary.ru/ytoese>
9. Gitsu M.A. (2017). Judicial precedent as a source of law in the light of modern trends in Russia. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, no. 6, pp. 5-16. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ysrzmx>
10. Chashin A.N. (2023). *Sources and forms of modern Russian law*. Moscow, "Infra-M" Publ., 452 p. (In Russ.) <https://doi.org/10.12737/1856363>, <https://elibrary.ru/jwwnoq>

Автор демонстрирует отсутствие конфликта интересов. / Author declares no conflict of interests.

Поступила в редакцию / Received 26.08.2024

Поступила после рецензирования / Revised 16.09.2024

Принята к публикации / Accepted 20.09.2024

Контент доступен под лицензией [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

МАТЕРИАЛЬНОЕ ПРАВО SUBSTANTIVE LAW

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 332.8

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-3-384-391>

Шифр научной специальности 5.1.3

Современные вопросы частного жилищного фонда в России и за рубежом

© **БУЛГАКОВ Владимир Викторович**,

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Института права и национальной безопасности, ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина», Российская Федерация, 392000, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33, <https://orcid.org/0000-0002-5223-1527>, bvv30081960@yandex.ru

© **БУЛГАКОВА Дарья Владимировна**,

старший преподаватель кафедры уголовного права и процесса Института права и национальной безопасности, ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина», Российская Федерация, 392000, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33, <https://orcid.org/0000-0003-2847-9431>, dv.bulgakova@mail.ru

Аннотация

На протяжении истории человечества проблема обеспечения населения доступным жильем была и остается одной из наиболее острых. В разных странах мира применялись различные подходы к ее решению в зависимости от социально-экономических условий и уровня развития. В условиях глобализации и перехода к постиндустриальной экономике традиционные методы решения жилищного вопроса перестали быть эффективными. Во многих странах обострилась проблема доступности жилья для молодых семей, мигрантов и других социально уязвимых групп. В России проблема доступного жилья стала особенно острой в постсоветский период. В результате перехода к рыночной экономике резко выросли цены на недвижимость, а платежеспособность населения снизилась. В итоге проведен анализ между жилищной политикой России и зарубежными странами, сделан вывод о том, что на современном этапе имеются пробелы в жилищном законодательстве Российской Федерации. Целью исследования служит определение актуальных проблем жилищного фонда в России и в зарубежных странах, а также предложены варианты решений возникших проблем с учетом роли государства в жилищной политике своей страны. На основании цели исследования формируем следующие задачи: проанализировать роль государств в обеспечении доступным жильем частных лиц; исследовать право на жилище, закрепленное в международно-правовых актах; проанализировать уровень доступности жилья в России и за рубежом; выявить способы решения жилищных проблем.

Ключевые слова

жилье, жилищный фонд, жилищное законодательство, жилищная сфера, социальное жилье, активная и пассивная жилищная политика

Для цитирования

Булгаков В.В., Булгакова Д.В. Современные вопросы частного жилищного фонда в России и за рубежом // Актуальные проблемы государства и права. 2024. Т. 8. № 3. С. 384-391. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-3-384-391>

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-3-384-391>

Contemporary issues of private housing stock in Russia and abroad

© Vladimir V. BULGAKOV,

PhD (Law), Associate Professor of Civil Law Department of Law and National Security Institute, Derzhavin Tambov State University, 33 Internatsionalnaya St., Tambov, 392000, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-5223-1527>, bvv30081960@yandex.ru

© Daria V. BULGAKOVA,

Senior Lecturer of Criminal Law and Procedure Department of Law and National Security Institute, Derzhavin Tambov State University, 33 Internatsionalnaya St., Tambov, 392000, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0003-2847-9431>, dv.bulgakova@mail.ru

Abstract

Throughout human history, the problem of providing the population with affordable housing has been and remains one of the most pressing. Different countries around the world have used different approaches to solving it, depending on socio-economic conditions and level of development. In the context of globalization and the transition to a post-industrial economy, traditional methods of solving the housing problem have ceased to be effective. In many countries, the problem of housing affordability for young families, migrants and other socially vulnerable groups has become more acute. In Russia, the problem of affordable housing has become especially acute in the post-Soviet period. As a result of the transition to a market economy, real estate prices rose sharply, and the solvency of the population decreased. As a result, an analysis is carried out between the housing policy of Russia and foreign countries, and it is concluded that at the present stage there are gaps in the housing legislation of the Russian Federation. The purpose of the study is to identify current problems of the housing stock in Russia and in foreign countries, and also to propose solutions to the problems that have arisen, taking into account the role of the state in the housing policy of their country. Based on the purpose of the study, we formulate the following tasks: analyze the role of states in providing affordable housing to private individuals; explore the right to housing enshrined in international legal instruments; analyze the level of housing affordability in Russia and abroad; identify ways to solve housing problems.

Keywords

housing, housing stock, housing legislation, housing sphere, social housing, active and passive housing policy

For citation

Bulgakov, V.V., & Bulgakova, D.V. (2024). Contemporary issues of private housing stock in Russia and abroad. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 8, no. 3, pp. 384-391. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-3-384-391>

Введение. Постановка проблемы

Жилищный фонд – это общее количество жилых помещений: здания, сооружения, специализированные дома, такие как общежития, детские дома, служебные помещения, а также квартиры и иные жилые помещения, перечисленные в Жилищном кодексе РФ. Стоит отметить, что на современном этапе развития государство старается выделять ресурсы на реформирование и усовершенствование жилищной сферы. В доиндустриаль-

ный период жилье в основном создавалось самостоятельно или с помощью общины. С возникновением городов и развитием капитализма основным способом приобретения жилья стала его покупка на рынке, что привело к резкому росту цен на жилье. В результате в XIX веке во многих странах возникли проблемы с обеспеченностью жильем малоимущих слоев населения.

В качестве реакции на эту ситуацию в начале XX века появились различные госу-

дарственные программы по обеспечению доступным жильем. В СССР жилье предоставлялось бесплатно, а в странах Западной Европы и США были разработаны механизмы субсидирования строительства и покупки жилья для нуждающихся. После Второй мировой войны в развитых странах начался период массового жилищного строительства. В этот период активно применялись такие методы, как индустриальное строительство, использование типовых проектов и привлечение частных инвесторов.

В конце XX века наметились новые тенденции в жилищной политике. В качестве государственной стратегии преодоления жилищного вопроса было выбрано постепенное формирование рынка доступного жилья. Для этого были предприняты следующие меры: принята Стратегия развития жилищного строительства в Российской Федерации до 2025 года¹, государственная программа, направленная на обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан России², создана ипотечная система с государственными субсидиями, введено понятие «социального жилья».

Результаты исследования

Анализируя нормативно-правовое регулирование прав на жилище, следует отметить, что согласно статье 25 Всеобщей декларации прав человека «каждый человек имеет право на такой жизненный уровень, включая пищу, одежду, жилище, медицинский уход и необходимое социальное обслуживание, который необходим для поддержания здоровья и благосостояния его самого и его семьи»³.

Схожий подход применяется в нормативном содержании статьи 11 Международного пакта об экономических, социальных и

культурных правах: «государства признают право каждого на достаточный жизненный уровень для него и его семьи, включающий достаточное питание, одежду и жилище»⁴.

О.Е. Алексикова отмечает, что некоторые страны право на жилище «закрепляют на конституционном уровне либо включают в качестве конструктивного элемента более широкого по содержанию права на достаточный жизненный уровень» [1, с. 24].

В настоящее время в России действуют два основных механизма обеспечения доступности жилья.

1. Рыночное жилье. Государство субсидирует строительство и покупку жилья малоимущим гражданам, а также предоставляет налоговые льготы застройщикам доступного жилья.

2. Социальное жилье. Государство предоставляет в аренду жилье нуждающимся гражданам по ценам, значительно ниже рыночных.

Для решения проблемы доступности жилья для частных лиц в разных странах мира применяются следующие схемы: rent-to-own (аренда жилья с возможностью выкупа), лизинг жилья (аренда жилья с правом выкупа в конце срока договора), кооперативное жилье (совместное строительство жилья группой граждан для их собственного проживания), субсидии для частных застройщиков (государство предоставляет финансовую помощь застройщикам, которые возводят доступное жилье).

Государство играет важную роль в обеспечении доступного жилья и, как отмечает Ю.С. Васильев, государство разрабатывает «государственные стратегии, создает условия для строительства доступного жилья, финансирует строительство доступного жилья»⁵.

Эффективное решение проблемы доступного жилья требует комплексных мер, объединяющих усилия государства, бизнеса

¹ Стратегия развития жилищной сферы Российской Федерации на период до 2025 года. URL: https://static.consultant.ru/obj/file/doc/minstroj_strategia_211217.pdf (дата обращения: 10.05.2024)

² Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации»: Постановление Правительства РФ от 30.12.2017 № 1710 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. 15 янв. № 3. Ст. 546.

³ Всеобщая декларация прав человека: принята 10.12.1948 Генеральной Ассамблеей ООН // Российская газета. 1995. 05 апр. Доступ из СПС КонсультантПлюс.

⁴ Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496 пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН). Доступ из СПС КонсультантПлюс.

⁵ Васильев Ю.С. Совершенствование механизмов обеспечения жильем отдельных категорий граждан в условиях современной России: автореф. дис. ... канд. эконом. наук. М.: Всерос. центр уровня жизни, 2009. 23 с.

и общества. С.А. Кожевников отмечает, что «по уровню обеспеченности населения качественным и доступным жильем можно в целом судить об экономическом развитии страны» [2, с. 71]. Только совместными усилиями можно создать ситуацию, при которой все граждане будут иметь возможность приобрести жилье.

В своем исследовании Н.Б. Косарева и Т.Д. Полиди отмечают, что доступность жилья в России в целом ниже, чем в развитых странах. Доступность жилья различается в зависимости от региона и типа населенного пункта. Наиболее доступным жильем оказалось в городах с населением менее 500 тысяч человек, а наименее доступным – в мегаполисах с населением более миллиона человек [3].

К.И. Старостина и О.М. Демидова, проводя сравнение с зарубежными исследованиями, подчеркивают, что уровень доступности жилья в России ниже, чем в большинстве развитых стран, но выше, чем в некоторых развивающихся странах. Например, в 2023 г. в США доля дохода семьи, необходимая для приобретения жилья, составляла 24 %, а в Германии – 31 %. В то же время в Мексике и Бразилии этот показатель превышал 67 % [4].

Жилищная сфера, включающая жилищное строительство и жилищное хозяйство, играет важную роль в обеспечении комфортных условий жизни населения. Однако в России эта отрасль сталкивается с рядом проблем, снижающих ее эффективность, а именно:

- старение и износ жилищного фонда (значительная часть жилого фонда страны устарела и требует капитального ремонта. Изношенность инженерных коммуникаций и интенсивное выветывание жилья усугубляют ситуацию);

- недостаточное жилищное строительство (темпы ввода нового жилья не соответствуют потребности населения. Дефицит доступного и качественного жилья приводит к росту цен и снижению доступности жилья для большинства граждан);

- нехватка инвестиций (отрасль испытывает нехватку инвестиций, что замедляет темпы строительства и реконструкции жилья);

- отсутствие муниципальных программ по обновлению жилого фонда (в большинст-

ве городов отсутствуют комплексные программы по обновлению застройки и инженерных коммуникаций, что приводит к хаотичному развитию жилой среды и ухудшению ее качества);

- сложная система управления ЖКХ (несогласованность в работе различных организаций, управляющих жилищно-коммунальным комплексом, создает трудности для эффективного управления и обслуживания жилого фонда).

Повысить уровень развития жилищной сферы в России можно путем реализации следующих мер: разработка и реализация государственных программ по обновлению жилищного фонда, включающих капитальный ремонт и реконструкцию старых зданий, увеличение объемов инвестиций в строительство нового жилья доступной ценовой категории, принятие льготных программ для застройщиков. Реализация этих мер позволит повысить качество жилищных условий населения, улучшить городскую среду и повысить эффективность работы жилищно-коммунальной сферы в целом [4–5].

Для эффективного развития жилищной сферы, как отмечает Д.С. Вологжанина, необходимо решить ряд задач, а именно: поддержать малоимущих граждан в приобретении жилья; на государственном уровне регулировать механизм рынка жилья; повысить качество функционирования жилищно-коммунального комплекса в области предоставления жилищно-коммунального хозяйства и услуг [5, с. 158].

Изучение успешных практик жилищной реформы за рубежом позволяет России учитывать их особенности и адаптировать их к российским условиям. Это способствует повышению эффективности реформы и достижению поставленных целей по улучшению жилищных условий граждан.

Среди факторов, способствующих ухудшению состояния жилищного фонда, Н.М. Лебедь и М.Е. Дементьева выделяют: недостаточный уровень финансирования капитального ремонта и модернизации жилья; отсутствие внятной и долгосрочной жилищной политики; низкую эффективность управления жилищным фондом; ограниченные возможности для привлечения частных инвестиций в жилищную сферу; проблемы с

оформлением прав собственности на жилье; несовершенство законодательства в сфере ЖКХ [6, с. 108-110].

Решение проблем жилищного фонда требует комплексных мер, включающих: увеличение объемов жилищного строительства и повышение его доступности для населения, реализацию программ реновации и модернизации жилищного фонда, совершенствование системы управления жилищным фондом и повышение ответственности управляющих организаций, повышение энергоэффективности зданий и снижение затрат на их эксплуатацию, развитие механизмов государственного и частного финансирования жилищного строительства и ремонта, стимулирование развития ипотечного кредитования, совершенствование законодательства в сфере ЖКХ. Государству принадлежит ключевая роль в создании благоприятных условий для развития жилищной сферы. Реализация программ «строительства и модернизации жилья, предоставление субсидий и льгот определенным категориям граждан, создание системы содействия развитию ипотечного кредитования – все эти задачи, которые требуют активного участия государства».

Бизнес также может внести существенный вклад в решение проблем жилищного фонда. Привлечение инвестиций в строительство нового жилья, развитие жилищно-строительных кооперативов, создание механизмов для реновации и обновления жилищного фонда – это возможные направления участия бизнеса в улучшении жилищных условий граждан. Решение проблем жилищного фонда требует комплексных мер со стороны государства, бизнеса и общественности. Системный подход, объединяющий усилия всех заинтересованных сторон, позволит улучшить жилищные условия граждан, повысить уровень их комфорта и благополучия, а также создать предпосылки для устойчивого развития и экономического роста страны.

Модернизация жилищного фонда: альтернатива новому строительству. В жилищном строительстве строительство является важным, но не единственным способом воспроизводства жилищного фонда. Эффективность использования жилых помещений во многом определяется перспективами разви-

тия населенных пунктов и состоянием существующего фонда.

Решение жилищной проблемы является одним из приоритетов социально-экономического развития страны. Об этом свидетельствует тот факт, что более 2,5 миллиона человек (3,8 % от общей численности населения) проживают в ветхом аварийном жилье. По мнению экспертов, важнейшим способом улучшения жилищной ситуации в России является реорганизация жилищного фонда в городах, где сосредоточено ветхое жилье, проживает значительная часть населения и сосредоточены промышленные предприятия. При этом на основании приведенных А.В. Калининой данных количество квартир в Российской Федерации в 2019–2022 гг. выросло с 67,5 до 71,2 миллиона [7, с. 38]. Е.О. Миргородская, Д. Виганд и И.В. Новоселова отмечают, что, несмотря на то, что в среднем на одну тысячу жителей в Австрии и России приходится соответственно 445 и 460 жилых помещений, а в Германии это значение достигает 511 жилых помещений, общая обеспеченность населения жилой площадью в России почти в два раза ниже, чем в Австрии и Германии. Для России, как в свое время для Австрии и Германии, в настоящее время актуален переход к новому этапу развития жилищного сектора, когда важно не только увеличить объемы строительства, но и улучшить качество жилья [8, р. 39].

Благоприятные экономические тенденции, рост доходов населения и увеличение объемов ипотечного кредитования позволили сохранить жилищный фонд и развивать жилищное строительство. Модернизация жилья и повышение качества жилищно-коммунальных услуг являются ключевыми факторами в решении жилищной проблемы и должны рассматриваться в комплексе с другими мерами государственной политики.

В современной России в рамках жилищной реформы широко используются успешные зарубежные модели развития жилищного строительства. Во всех странах важным фактором такого развития является государственная поддержка, которая оказывает существенное влияние на различия в системах жилищного строительства. Существуют два основных типа государственной жилищной политики: активная и пассивная. Пассивная

политика направлена на создание правовых и институциональных условий для нормального функционирования рыночных механизмов в жилищном секторе. Государство создает правовую базу для регулирования экономических отношений и стимулирования развития рынка недвижимости.

Активная политика подразумевает более существенное участие государства. Оно создает и управляет государственным и муниципальным жилищным фондом, который не регулируется рыночными механизмами. Активная политика также включает дотации и субсидии для малообеспеченных граждан, строительство жилья для государственных нужд и поддержку девелоперов⁶. Жилищная политика в разных странах различна. В одних странах приоритет отдается рыночным механизмам, в других – государственному контролю.

В России социальное жилье предоставляется семьям и отдельным гражданам, признанным малоимущими и нуждающимися в улучшении жилищных условий. Существуют различные виды социального жилья, в том числе жилые помещения маневренного фонда, служебное жилье, общежития и специальные дома для престарелых и инвалидов. При предоставлении социального жилья учитываются особенности заявителя, состав семьи, уровень дохода и другие факторы. В отличие от мировой практики, в России доля расходов государства на жилье в ВВП значительно ниже, что приводит к недостаточному объему строительства и реновации жилого фонда.

Развитие рынка социального жилья в России требует комплексного подхода с участием государства, частного бизнеса и некоммерческих организаций. Создание эффективной системы социального жилья является важным условием повышения уровня жизни населения и укрепления социальной стабильности в государстве. Использование передового мирового опыта и адаптация его к российским реалиям позволит обеспечить доступность жилья для граждан, находящихся в трудной жизненной ситуации.

⁶ Тюрина А.Р. Совершенствование механизма реализации государственной жилищной политики в субъекте Российской Федерации (на примере СПб) // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2016. № 4. С. 30-34.

На доступность жилья в России влияют различные факторы, в том числе Е.Е. Тимофеева и Ю.Е. Острякова выделяют:

- уровень доходов населения. Рост доходов населения повышает доступность жилья;
- ипотечные программы. Развитие ипотечных программ, в частности государственных, облегчает доступность жилья для широких слоев населения;
- цены на жилье. Рост цен на жилье может снижать доступность жилья;
- налоговые льготы. Налоговые льготы, такие как ипотечный налоговый вычет, могут снизить стоимость приобретения жилья [9].

Заключение

Сравнительный анализ статьи 40 Конституции Российской Федерации с конституциями различных стран показывает, что признание права на жилище в качестве самостоятельного субъектного права не является единым, однако, многие страны имеют опыт его реализации.

Обеспечение доступности и разнообразия жилья является важнейшей задачей жилищной политики во всех странах мира. Даже в самых экономически развитых государствах рыночные механизмы не способны полностью решить жилищные проблемы. Доступность жилья для различных категорий граждан зависит не только от уровня их доходов и кредитоспособности, но также и от градостроительных ограничений, технологического развития и других факторов, регулируемых государством.

Обеспечение граждан доступным жильем – важнейшая социальная задача любой страны. В законодательстве стран всего мира закреплено понятие социального жилья, призванного обеспечить благоприятные условия для граждан, которые не в состоянии самостоятельно решить свои жилищные проблемы. К категориям граждан, которые могут получить социальное жилье, относятся малообеспеченные семьи, многодетные семьи, матери-одиночки, пожилые люди и инвалиды. Критерии отбора различаются в зависимости от страны.

Проблемы жилищного фонда многогранны и затрагивают различные аспекты жизни общества: экономические, технические, соци-

альные, психологические и др. Они являются одним из ключевых факторов, сдерживающих развитие страны, препятствуя структурным преобразованиям и стабильному экономическому росту. Для преодоления проблем жилищного фонда необходим системный подход, объединяющий усилия представителей власти, специалистов различных отраслей и широкой общественности.

Решение проблем жилищного фонда требует комплексных мер, включающих в себя: повышение уровня жилищного строи-

тельства и его доступности для различных слоев населения; эффективную реализацию государственных программ по реновации и модернизации жилищного фонда, модернизацию системы управления жилищным фондом и повышение ответственности управляющих организаций, развитие механизмов государственного и частного финансирования жилищного строительства и ремонта, стимулирование развития ипотечного кредитования, совершенствование законодательства в сфере ЖКХ.

Список источников

1. Алексикова О.Е. Нормативно-правовая регламентация права на жилище в России и за рубежом: сравнительно-правовой анализ // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 1-2 (27). С. 24-26. <https://elibrary.ru/rncldd>
2. Кожневиков С.А. Жилищная проблема в современной России и пути ее решения в рамках нацпроекта «Жилье и городская среда» // Вестник Челябинского государственного университета. 2019. № 11 (433). С. 71-81. <https://doi.org/10.24411/1994-2796-2019-11108>, <https://elibrary.ru/hqwaxk>
3. Косарева Н.Б., Полиди Т.Д. Доступность жилья в России и за рубежом // Вопросы экономики. 2019. № 7. С. 29-51. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-7-29-51>, <https://elibrary.ru/erysjq>
4. Старостина К.И., Демидова О.М. Концептуальная модель оценки доступности жилья // Экономика и предпринимательство. 2020. № 10 (123). С. 1428-1435. <https://doi.org/10.34925/EIP.2020.123.10.286>, <https://elibrary.ru/rfymqs>
5. Вологжанина Д.С. Жилищный фонд в РФ: Проблемы и пути их решения // Моя профессиональная карьера. 2024. Т. 3. № 60. С. 155-160. <https://elibrary.ru/kasxhz>
6. Лебедь Н.М., Деметьева М.Е. Современные проблемы и тенденции в управлении жилищным фондом // Жилищное хозяйство и коммунальная инфраструктура. 2020. № 4 (15). С. 106-113. <https://elibrary.ru/mnndcod>
7. Калинина А.В. Жилищный фонд Российской Федерации: проблемы и пути развития // Вестник Владимирского государственного университета им. Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Серия: Экономические науки. 2023. № 3 (37). С. 38-43. <https://elibrary.ru/kmkkdf>
8. Mirgorodskaya E.O., Wiegand D., Novoselova I.V. Comparative inter-country analysis of assessment of the effectiveness of state housing policy: statistical instruments // Real Estate: Economics, Management. 2021. № 3. P. 35-40. <https://elibrary.ru/fcppuh>
9. Тимофеева Е.Е., Острякова Ю.Е. Анализ факторов, влияющих на доступность жилья в России // Жилищное хозяйство и коммунальная инфраструктура. 2021. № 4 (19). С. 103-111. <https://doi.org/10.36622/VSTU.2021.19.4.011>, <https://elibrary.ru/vywtal>

Referenses

1. Aleksikova O.E. (2013). Normative-legal regulation of right to housing in Russia and abroad: comparative-legal analysis. Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. *Voprosy teorii i praktiki = Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*, no. 1-2 (27), pp. 24-26. (In Russ.) <https://elibrary.ru/rncldd>
2. Kozhevnikov S.A. (2019). Housing problem in modern Russia and the ways of its solution within the framework of the national project "housing and city environment". *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Chelyabinsk State University*, no. 11 (433), pp. 71-81. (In Russ.) <https://doi.org/10.24411/1994-2796-2019-11108>, <https://elibrary.ru/hqwaxk>
3. Kosareva N.B., Polidi T.D. (2019). Housing affordability in Russia and foreign countries. *Voprosy ekonomiki*, no. 7, pp. 29-51. (In Russ.) <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-7-29-51>, <https://elibrary.ru/erysjq>

4. Starostina K.I., Demidova O.M. (2020). Conceptual model for assessing housing affordability. *Ehkonomika i predprinimatel'stvo = Economy and Entrepreneurship*, no. 10 (123), pp. 1428-1435. (In Russ.) <https://doi.org/10.34925/EIP.2020.123.10.286>, <https://elibrary.ru/rfymqs>
5. Vologzhanina D.S. (2024). Housing stock in the Russian Federation: Problems and solutions. *Moya professional'naya kar'era*, vol. 3, no. 60, pp. 155-160. (In Russ.) <https://elibrary.ru/kasxhz>
6. Lebed' N.M., Dement'eva M.E. (2020). Modern problems and trends in housing management. *Zhilishchnoe khozyaistvo i kommunal'naya infrastruktura = Housing and Utilities Infrastructure*, no. 4 (15), pp. 106-113. (In Russ.) <https://elibrary.ru/mndcod>
7. Kalinina A.V. (2023). Housing stock of the Russian Federation: problems and ways of development. *Vestnik Vladimirskogo gosudarstvennogo universiteta im. Aleksandra Grigor'evicha i Nikolaya Grigor'evicha Stoletovyykh. Seriya: Ehkonomicheskie nauki*, no. 3 (37), pp. 38-43. (In Russ.) <https://elibrary.ru/kmkkdf>
8. Mirgorodskaya E.O., Wiegand D., Novoselova I.V. (2021). Comparative inter-country analysis of assessment of the effectiveness of state housing policy: statistical instruments. *Real Estate: Economics, Management*, no. 3, pp. 35-40. <https://elibrary.ru/fcppuh>
9. Timofeeva E.E., Ostryakova Yu.E. (2021). Analysis of factors affecting housing affordability in Russia. *Zhilishchnoe khozyaistvo i kommunal'naya infrastruktura = Housing and Utilities Infrastructure*, no. 4 (19), pp. 103-111. (In Russ.) <https://doi.org/10.36622/VSTU.2021.19.4.011>, <https://elibrary.ru/vywatl>

Автор демонстрирует отсутствие конфликта интересов. / Author declare no conflict of interests.

Поступила в редакцию / Received 03.06.2024

Поступила после рецензирования / Revised 12.08.2024

Принята к публикации / Accepted 20.09.2024

Контент доступен под лицензией [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.1

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-3-392-398>

Шифр научной специальности 5.1.4

Уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации преступлений, посягающих на права детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, по обеспечению благоустроенными жилыми помещениями

© **ЗИГАНШИН Тимур Равильевич**,

аспирант, факультет подготовки научно-педагогических кадров и организации научно-исследовательской работы, ФГКОУ ВО «Московская академия Следственного комитета Российской Федерации им. А.Я. Сухарева», Российская Федерация, 125080, г. Москва, ул. Врубеля, 12, <https://orcid.org/0009-0001-1568-1473>, ztr.skrf@gmail.com

Аннотация

Актуальность исследования обусловлена увеличивающимся количеством возбуждаемых и расследуемых уголовных дел, связанных с нереализацией должностными лицами государственных органов и органов местного самоуправления прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, по обеспечению благоустроенными жилыми помещениями. Рассмотрены проблемы квалификации действий должностных лиц, уполномоченных на реализацию таких прав, образующих при их осуществлении признаки преступных деяний. Цель исследования – необходимость рассмотрения возможных следственных ситуаций и определение приемлемой уголовно-правовой характеристики. Изучена и проанализирована имеющаяся обширная судебная практика, выработан единый подход к вопросу квалификации. Сделаны выводы о том, что особенность расследования данных преступлений обусловлена сложившимися формально разными подходами к оценке действий или бездействия должностных лиц при фактически схожих признаках преступных деяний. Данный дифференцированный подход вносит некий дисбаланс в вопросы квалификации преступлений и рассмотрения судами уголовных дел по существу. Действующее законодательство содержит норму, обязывающую субъекты Российской Федерации однократно предоставить благоустроенное жилое помещение специализированного жилищного фонда по договорам найма специализированного жилого помещения, и ввиду отсутствия иных норм следует продолжить поиск решения, в том числе нормативно правового, позволяющего не только максимально защитить жилищные права детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, но и обеспечивать баланс интересов участников указанных отношений. Таким образом, в исследовании выработан более широкий подход к указанной проблеме по сравнению с имеющимся, замкнутом на ее решении через фактическое возложение на следователей Следственного комитета Российской Федерации функций по восстановлению нарушенного права.

Ключевые слова

дети-сироты, оставшиеся без попечения родителей дети, жилое помещение, жилье, халатность, должностные лица, обязанность

Для цитирования

Зиганшин Т.Р. Уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации преступлений, посягающих на права детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, по обеспечению благоустроенными жилыми помещениями // Актуальные проблемы государства и права. 2024. Т. 8. № 3. С. 392-398. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-3-392-398>

Criminal-legal characteristics and problems of qualification of crimes infringing on the rights of orphans and children left without parental care to provide comfortable living quarters

© Timur R. ZIGANSHIN,

Post-Graduate Student, Faculty of Training of Scientific and Pedagogical Personnel and Organization of Scientific Research Work, Sukharev Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 12 Vrubelya St., Moscow, 125080, Russian Federation, <https://orcid.org/0009-0001-1568-1473>, ztr.skrf@gmail.com

Abstract

The relevance of the study is due to the increasing number of criminal cases initiated and investigated related to the non-realization by officials of state bodies and local governments of the rights of orphaned children and children left without parental care to provide comfortable accommodation. The problems of qualification of actions of officials authorized to exercise such rights, forming signs of criminal acts in their implementation, are considered. The purpose of the study is the need to consider possible investigative situations and determine an acceptable criminal law characteristic. The extensive judicial practice is studied and analyzed, and a unified approach to the issue of qualifications has been developed. It is concluded that the peculiarity of the investigation of these crimes is due to the formally developed different approaches to assessing the actions or inaction of officials with virtually similar signs of criminal acts. This differentiated approach introduces a certain imbalance in the issues of qualification of crimes and consideration of criminal cases by the courts on the merits. The current legislation contains a norm obliging the subjects of the Russian Federation to provide well-maintained accommodation of a specialized housing stock once under lease agreements for specialized accommodation, and in the absence of other norms, it is necessary to continue searching for a solution, including a regulatory legal one that allows not only to maximize the protection of the housing rights of orphans and children left without parental care, but also to ensure a balance of interests of the participants in these relations. Thus, the study is developed a broader approach to this problem compared to the existing one, focused on solving it through the actual assignment of functions to the investigators of the Investigative Committee of the Russian Federation to restore violated rights.

Keywords

orphans, children left without parental care, accommodation, housing, negligence, officials, duty

For citation

Ziganshin, T.R. (2024). Criminal-legal characteristics and problems of qualification of crimes infringing on the rights of orphans and children left without parental care to provide comfortable living quarters. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 8, no. 3, pp. 392-398. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-3-392-398>

Введение. Постановка проблемы

По данным детского омбудсмена Марии Львовой-Беловой, в России в очереди на получение благоустроенного жилья стоят свыше 288 тысяч детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей¹. Лица, которые уже были преданы своими биологическими родителями, повторно предаются своим же государством, причем в лице конкрет-

¹ Емельяненко В. Львова-Белова: В России в очереди на жилье стоят более 288 тысяч детей-сирот // Российская газета. 2023. 16 янв. URL: <https://rg.ru/2023/01/16/lvova-belova-v-rossii-v-ocheredi-na-zhile-stoiat-bolee-288-tysiach-detej-sirot.html> (дата обращения: 19.06.2024).

ных должностных лиц, которые либо вовсе не предпринимают мер, либо предпринимают их в совершенно недостаточном количестве к предоставлению вышеназванным категориям детей положенного им жилого помещения [1, p. 73].

В 2022 г. А.И. Бастрыкин назвал проблему непредоставления благоустроенных жилых помещений одной из самых животрепещущих проблем в нашем государстве². Воз-

² Интервью Председателя СК России информационному агентству ТАСС. 2022. 6 окт. // Следственный комитет Российской Федерации. URL: <https://sledcom.ru> (дата обращения: 23.05.2024).

можно, именно поэтому было принято решение отнести данную проблему к ведению Следственного комитета Российской Федерации путем возбуждения уголовных дел по данным фактам.

Наряду с обеспечением уголовно-правовой защиты прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, на благоустроенное жилое помещение следственные органы активно взаимодействуют с региональными органами власти и муниципалитетами в целях повышения эффективности принимаемых ими мер в этом направлении.

Проблемы квалификации действий должностных лиц, большое количество потерпевших по данным уголовным делам, а также наличие оправдательных приговоров по ним обуславливает рассмотрение этого вопроса в рамках научного исследования.

Результаты исследования

1. Изучение практики

Несмотря на то, что руководство Следственного комитета РФ внимательно следит за возбуждением уголовных дел по таким фактам и зачастую ставит их на контроль, до сих пор не разрешены вопросы квалификации действий должностных лиц по подобного рода уголовным делам. Как известно, при анализе любого преступления ведущее место занимает вопрос его квалификации, то есть выбор той правовой нормы, которая подлежит применению [2, с. 77]. «Квалификация преступлений состоит в установлении соответствия данного конкретного деяния признакам того или иного преступления, предусмотренного уголовным законом» [3, с. 4].

Единственное разъяснение, которое может частично помочь следователям при квалификации, дал Верховный суд РФ в «Обзоре практики рассмотрения судами дел, связанных с обеспечением детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, жилыми помещениями»³ от 23 декабря 2020 г., в пункте 10 которого указано, что не признается надлежаще

³ Обзор практики рассмотрения судами дел, связанных с обеспечением детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, жилыми помещениями // Бюллетень Верховного суда Российской Федерации. 2020. 23 дек. № 6.

исполненной обязанностью по обеспечению рассматриваемой категории лиц в случае, если предоставленные им жилые помещения не отвечают требованиям, предъявленным к ним действующим законодательством.

Разбирая конкретную следственную ситуацию, следует отметить, что Верховный суд РФ приводит в пример вступивший в законную силу приговор районного суда, согласно которому председатель комитета по управлению муниципальным хозяйством признан виновным в совершении преступления, предусмотренного частью 1 статьи 293 УК РФ (халатность, то есть неисполнение или ненадлежащее исполнение должностным лицом своих обязанностей вследствие недобросовестного или небрежного отношения к службе либо обязанностей по должности, если это повлекло причинение крупного ущерба или существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства⁴), за то, что он, являясь должностным лицом, в нарушение требований Градостроительного кодекса РФ, не исполнив обязанность по осмотру и проверке соответствия построенного объекта капитального строительства требованиям проектной документации, проявив халатность, подписал разрешение на ввод в эксплуатацию объекта, не соответствовавшего проектной документации. Тем самым он незаконно удостоверил, что строительство указанного объекта выполнено в полном объеме, в соответствии с проектной документацией, техническими, строительными, санитарными и другими требованиями, что повлекло существенное нарушение прав и законных интересов граждан.

При этом следует понимать, что, несмотря на достаточную распространенность данных преступных действий в общем массиве уголовных дел, одним из основных доказательств явилось заключение судебно-строительной экспертизы, проведенной в рамках указанного уголовного дела. Из заключения эксперта следует, что в результате несоответствия объекта капитального строительства проектной документации качество вы-

⁴ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

полненных строительных работ не отвечало требованиям технических регламентов и обязательным техническим правилам, и оно содержит выводы о непригодности объекта капитального строительства для проживания. Объектами исследования в данном случае выступают как сами жилые помещения, так и проектно-сметная документация, документы из бюро технической инвентаризации (БТИ), содержащие данные о жилом помещении, материально-техническая отчетность о выполненных работах, иные документы [4].

С помощью данной судебной экспертизы устанавливается основной факт совершения преступления – предоставление непригодного жилья детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей.

Резюмируя изложенное, Верховный суд РФ фактически одобрил квалификацию указанных действий уполномоченных лиц по статье 293 УК РФ.

2. Наличие дифференцированного подхода к квалификации преступных деяний

Несмотря на это, судебная практика, даже после опубликования рассмотренного Обзора Верховного суда РФ, следовала в некоторых регионах другим путем. Так, например, Кромский районный суд Орловской области в 2021 г. вынес приговор по уголовному делу в отношении заместителя главы администрации Троснянского района и двух должностных лиц, в разное время занимавших должность начальника отдела по управлению муниципальным имуществом, и признал их виновными в совершении преступления, предусмотренного пунктом «в» части 3 статьи 286 УК РФ (Превышение должностных полномочий с причинением тяжких последствий).

Следствием было установлено, что должностные лица произвели закупку и осуществили дальнейшее предоставление жилых помещений детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей, при этом жилые помещения были не пригодны для проживания, не соответствовали предъявляемым к ним законом нормам⁵. Более того, уголовное

⁵ В Орловской области суд вынес приговор по уголовному делу о предоставлении некачественного жилья детям-сиротам. 2021. 9 нояб. // Прокуратура Орловской области. URL: <https://cpp.genproc.gov.ru/> (дата обращения: 23.05.2024).

дело, рассмотренное судом по существу, возбуждено по факту совершения должностными лицами преступления, предусмотренного частью 1 статьи 285 УК РФ. То есть полученным результатам расследования уголовного дела способствовал, в том числе, высокий уровень понимания криминалистической характеристики, основанный на совокупности полученных в ходе следствия доказательств и анализа следственной практики. Так, по мнению Р.С. Белкина, «...способ совершения и сокрытия преступления определяют путь познания истины по делу» [5]. М.И. Еникеев в свою очередь под способом совершения преступления понимал «систему приемов, действий, обусловленных целью и мотивами действия, психическими и физическими особенностями действующего лица, в котором проявляются психофизиологические особенности человека, его знания, умения, навыки, привычки и отношение к различным сторонам действительности» [6, с. 105].

Таким образом, предоставление должностными лицами рассматриваемым категориям граждан жилых помещений, не отвечающих требованиям законодательства РФ, рассматривается в судебной практике по-разному при фактически схожих обстоятельствах. Суды регионов выносят приговоры по статье 286 УК РФ, в то время как Верховный суд РФ указывает на то, что верной квалификацией таких действий является квалификация их по статье 293 УК РФ. Несмотря на имеющиеся противоречия, в первую очередь, при квалификации действий должностных лиц, следует исходить из фактических обстоятельств дела, полноты собранных доказательств и правильном применении норм уголовного и уголовно-процессуального законов.

При анализе судебной практики установлены факты привлечения к уголовной ответственности не только должностных лиц, производящих закупку жилого помещения, не отвечающего предъявляемым к нему требованиям, но и руководителей строительных фирм, продающих такое жилье, как пригодное для проживания. Тем же Кромским районным судом Орловской области был вынесен приговор по уголовному делу в отношении бывшего директора ООО «Гранит» Сабера Ахмедова, который признан виновным

в совершении преступления, предусмотренного частью 4 статьи 159 УК РФ (мошенничество, совершенное организованной группой лиц в особо крупном размере или повлекшее лишение права гражданина на жилое помещение)⁶. Следствием и судом действия обвиняемого квалифицированы именно по данной норме в связи с тем, что жилые помещения были выданы лицам, и те в свою очередь уже обладали правом на жилое помещение, то есть гражданам на момент совершения преступления право собственности на жилое помещение или право пользования было представлено. Как известно, для привлечения лица к уголовной ответственности за мошенничество требуется установление причинной связи между действием и общественно опасным результатом. В данном случае дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, получили долгожданное жилье, которое не соответствовало предъявляемым требованиям, они были умышленно введены в заблуждение, а причиной заблуждения стал обман [7].

В случаях, когда жилье не предоставляется, следователи, как правило, возбуждают уголовное дело по части 1 статьи 293 УК РФ. К примеру, четвертым отделом по расследованию особо важных дел СУ СК России по Забайкальскому краю завершено расследование уголовного дела в отношении бывшего заместителя директора государственного казенного учреждения «Служба единого заказчика» Забайкальского края Виктора Гуслякова, который обвиняется в халатности (часть 1 статьи 293 УК РФ).

Следствием установлено, что заказчиком были заключены контракты на строительство жилых помещений, но ввиду нарушения сроков строительства В. Гусляковым не были приняты меры по понуждению исполнителя к выполнению работ в установленные сроки. Более того, последнему были направлены дополнительные денежные средства в качестве аванса и увеличены сроки исполнения контракта, выходящие за пределы банковских гарантий, в связи с чем

⁶ Суд вынес приговор по уголовному делу о мошенничестве с квартирами для детей-сирот. 2022. 12 дек. // Прокуратура Орловской области: офиц. сайт. URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/276112210> (дата обращения: 23.05.2024)

предъявить требования к исполнителю по возвращению уплаченного аванса представляется невозможным.

В дальнейшем договор на строительство был расторгнут, а аванс израсходован исполнителем неправомерно, что существенно нарушило права граждан и нанесло ущерб бюджету⁷. Представляется, что должностным лицом проявлена преступная небрежность, то есть данный признак является необходимым условием неисполнения либо ненадлежащего исполнения обязанностей, то есть в широком смысле относится к самому поведению субъекта⁸.

Таким образом, вопросов по поводу квалификации подобных действий по статье 293 УК РФ не должно возникать по следующим причинам.

Во-первых, субъект, охватываемый диспозицией статьи 293 УК РФ, – должностное лицо. Именно на него возложена законом обязанность по обеспечению реализации права детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, на предоставление им жилого благоустроенного помещения.

Во-вторых, преступная деятельность лиц по неосвоению бюджета, выделенного на строительство таких жилых помещений, не принятия мер по ускорению срока исполнения договора строительства жилых помещений охватывается рамками объективной стороны, указанной в статье 293 УК РФ.

В-третьих, несмотря на то, что законодатель не закрепляет прямо форму вины при халатности, совершается она в форме неосторожности [8], что соответствует деяниям должностных лиц в рассматриваемом аспекте.

И, наконец, в-четвертых, объектом выступают существенно нарушающиеся права граждан, а именно категории граждан, относящихся к детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей.

⁷ Следователи СК завершили расследование уголовного дела по обвинению одного из бывших руководителей госучреждения в халатности при строительстве жилья для детей-сирот // СУ СК России по Забайкальскому краю. URL: <https://zabaykalye.sledcom.ru/news/item/1758530/> (дата обращения: 23.05.2024).

⁸ Рубцова Ю.С. Должностная халатность при производстве предварительного расследования в форме дознания (уголовно-правовые и криминологические вопросы): дис. ... канд. юрид. наук. СПб.: С.-Петерб. ун-т МВД России, 2017. 263 с.

Таким образом, вполне логичным является квалификация рассматриваемых действий должностных лиц по статье 293 УК РФ, но сложность в рамках практической деятельности возникает не в том, что правоприменители не могут сопоставить фактические обстоятельства дела со статьей в Особенной части УК РФ, а в том, что объем полученной информации от потерпевших, число которых по таким уголовным делам в регионах достигает нескольких тысяч в одном уголовном деле, различен по своему содержанию, а также сами потерпевшие зачастую указывают на различные обстоятельства их коммуникации с соответствующими должностными лицами. В то же время следователю необходимо квалифицировать единым образом тысячи самых различных обстоятельств.

Заключение

Анализируя вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что решение проблемы непредоставления жилых помещений отдельным категориям граждан посредством возбуждения уголовных дел и по сути перекладывания обязанности по решению этого вопроса на следователей Следственного комитета Российской Федерации считается не совсем верной.

Масштаб всей проблемы заставляет задуматься о реформе общегосударственного уровня по этому вопросу. От того, что следователи передадут уголовные дела в суд, а последний вынесет обвинительный приговор и назначит уголовное наказание в виде лишения свободы, которое по данным категориям дел назначается чаще всего, жилые помещения рассматриваемой категории граждан предоставлены не будут. Их вопрос по факту так и остается нерешенным. Однако не стоит забывать, что объективная потребность общества в криминализации возникает в ре-

зультате взаимодействия нескольких факторов: степени общественной опасности, степени их распространенности и невозможности успешной борьбы с этими деяниями менее репрессивными мерами [9].

Имеются единичные случаи, когда следователи добиваются предоставления жилья детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей, но в общей совокупности случаев, когда жилье так и не предоставляется, они, к сожалению, составляют лишь малую долю⁹.

В связи с данным обстоятельством предлагается на законодательном уровне проработать решение проблемы следующим образом. Выдавать не сами жилые помещения указанной категории граждан при предоставлении ими всех необходимых документов, а денежные средства на его приобретение. Ввести дополнительные механизмы: компенсации детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей, за счет областных бюджетов или на условиях софинансирования платы за наем жилых помещений, а также разработать закон или иной нормативный правовой акт, регулирующий вопросы выдачи жилищных сертификатов.

Полагаем, что представленный подход к решению сложившейся проблемы, во-первых, действительно, решит рассматриваемый вопрос, и права граждан не будут нарушены, а во-вторых, снимет со следователей Следственного комитета Российской Федерации некоторую нагрузку и исчерпает проблемы квалификации указанных деяний.

⁹ В Иркутске сотрудники следственного комитета помогли сироте по суду получить квартиру // Новости Иркутск. 2023. 8 янв. URL: <https://irkutsk.news/archive/2023-01-08/375970-v-irkutske-sotrudniki-sledstvennogo-komiteta-pomogli-sirote-po-sudu-poluchit-kvart.html> (дата обращения: 23.05.2024)

Список источников

1. White K. Children and foster care: inclusion, exclusion and life chances // Children and Social Exclusion. L.: NCVCCO, 2008. P. 71-80.
2. Минакова И.Г. Проблемы квалификации и отграничения халатности от смежных составов // Закон и право. 2008. № 8. С. 77-78. <https://elibrary.ru/kckubl>
3. Герцензон А.А. Квалификация преступлений. М.: РИО ВЮА, 1947. 25 с.
4. Судебные экспертизы в уголовном процессе / отв. ред. Ильин Н.Н. М.: Юрайт, 2021. 212 с.
5. Белкин Р.С. Курс криминалистики. М.: ЮНИТИ, 2001. 837 с.
6. Еникеев М.И. Юридическая психология. М.: НОРМА-ИНФРА-М, 2001. 256 с.

7. Ковбенко Н.Д. Состояние и структура мошенничества в России // Российская юстиция. 2008. № 7. С. 20-23. <https://elibrary.ru/jtdtfe>
8. Кирсанова А.А. Некоторые особенности уголовно-правовой характеристики халатности // Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра: материалы ежегодной Всерос. науч.-практ. конф. СПб., 2019. С. 303-307. <https://elibrary.ru/kwxyna>
9. Дегель П.С. Условия установления уголовной наказуемости // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1975. № 4. С. 67-74. <https://elibrary.ru/ukwzed>

References

1. White K. (2008). Children and foster care: inclusion, exclusion and life chances. *Children and Social Exclusion*. London, NCVCCO Publ., pp. 71-80.
2. Minakova I.G. (2008). Problems of qualification and distinction of negligence from related offences. *Zakon i pravo = Law and Legislation*, no. 8, pp. 77-78. (In Russ.) <https://elibrary.ru/kckubl>
3. Gertsenzon A.A. (1947). *Kvalifikatsiya prestuplenii*. Moscow, RIO VYUA Publ., 25 p. (In Russ.)
4. Il'in N.N. (executive ed.). (2021). *Sudebnye ehkspertizy v уголовном protsesse*. Moscow, Urait Publ., 212 p. (In Russ.)
5. Belkin R.S. (2001). *Course of Criminalistics*. M.: UNITI Publ., 837 p. (In Russ.)
6. Enikeev M.I. (2001). *Yuridicheskaya psikhologiya*. Moscow, NORMA-INFRA-M Publ., 256 p. (In Russ.)
7. Kovbenko N.D. (2008). Form and structure of fraud in Russia. *Rossiiskaya yustitsiya = Russian Justice*, no. 7, pp. 20-23. (In Russ.) <https://elibrary.ru/jtdtfe>
8. Kirsanova A.A. (2019). Some features of the criminal-legal characteristics of negligence. *Materialy ezhegodnoi Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Ugolovnoe zakonodatel'stvo: vchera, segodnya, zavtra» = Proceedings of Annual All-Russian Scientific and Practical Conference "Criminal Law: Yesterday, Today, Tomorrow"*, St. Petersburg, pp. 303-307. (In Russ.) <https://elibrary.ru/kwxyna>
9. Dageľ P.S. (1975). The conditions of determination of criminal punishability. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie = Proceedings of Higher Educational Institutions. Pravovedenie*, no. 4, pp. 67-74. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ukwzed>

Автор демонстрирует отсутствие конфликта интересов. / Author declare no conflict of interests.

Поступила в редакцию / Received 18.08.2024

Поступила после рецензирования / Revised 16.09.2024

Принята к публикации / Accepted 20.09.2024

Контент доступен под лицензией [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 347.778

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-3-399-407>

Шифр научной специальности 5.1.3

Интеллектуальная собственность образовательных организаций в условиях цифровизации: проблемы регулирования и правоприменения

© ЗОЛотова Валерия Борисовна,

аспирант, и.о. декана, начальник международного центра повышения квалификации и переподготовки кадров факультета дополнительного образования, ФГБОУ ВО «Российская государственная академия интеллектуальной собственности», Российская Федерация, 117279, г. Москва, ул. Миклухо Маклая, 55а, <https://orcid.org/0009-0003-7872-2281>, v.zolotova@rgiis.ru

Аннотация

Развитие цифровых технологий предопределило новый вектор в формировании интеллектуальной собственности образовательных организаций, что повлекло за собой необходимость установления баланса, который, с одной стороны, должен обеспечить эффективное достижение поставленных законодателем целей в части эффективности предоставления образовательных услуг и, с другой стороны, обеспечить экономическую стабильность их существования. Новизна поставленной проблематики находит непосредственное выражение в рамках формирования цифрового пространства, предопределяющего процессы постепенно происходящей коммерциализации образования и нарастающей потребности в охране результатов интеллектуальной деятельности. Цель исследования заключается в выявлении и установлении характерных особенностей интеллектуальной собственности в образовательных организациях в условиях цифровизации, а также в определении основ законодательного регулирования рассматриваемых общественных отношений и правоприменения соответствующих норм. Методологическую базу исследования образуют общенаучные методы (анализ, синтез, дедукция, индукция, сравнение) в совокупности со специальными методами юридического характера (формально-юридический и сравнительно-правовой методы, метод толкования права). Результаты работы заключаются в установленных аспектах, обуславливающих прогрессивное внедрение и развитие технологических возможностей в образовательную деятельность, среди которых повышение уровня открытости образовательных материалов посредством их размещения в доступных сетевых и образовательных ресурсах, а также необходимость совершенствования законодательных норм в части коммерциализации и охраны интеллектуальных прав.

Ключевые слова

интеллектуальная собственность образовательных организаций, результаты интеллектуальной деятельности, цифровизация

Для цитирования

Золотова В.Б. Интеллектуальная собственность образовательных организаций в условиях цифровизации: проблемы регулирования и правоприменения // Актуальные проблемы государства и права. 2024. Т. 8. № 3. С. 399-407. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-3-399-407>

Intellectual property of educational organizations in the context of digitalization: problems of regulation and law enforcement

© Valeriya B. ZOLOTOVA,

Post-Graduate Student, Acting Dean, Head of the International Center for Advanced Training and Retraining of the Additional Education Faculty, Russian State Academy of Intellectual Property, 55a Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117279, Russian Federation, <https://orcid.org/0009-0003-7872-2281>, v.zolotova@rgiis.ru

Abstract

The development of digital technologies has predetermined a new vector in the formation of intellectual property of educational organizations, which entailed the need to establish a balance, which, on the one hand, should ensure the effective achievement of the goals set by the legislator in terms of the effectiveness of educational services provision and, on the other hand, ensure the economic stability of their existence. The novelty of the problem is directly expressed in the framework of the digital space formation, which determines the processes of gradually occurring commercialization of education and the growing need to protect the intellectual activity results. The purpose of the study is to identify and establish the characteristic features of intellectual property in educational organizations in the context of digitalization, as well as to determine the foundations of legislative regulation of the public relations in question and the enforcement of relevant norms. The methodological basis of the study is formed by general scientific methods (analysis, synthesis, deduction, induction, comparison) in combination with special methods of a legal nature (formal legal and comparative legal methods, method of law interpretation). The results of the work consist in the established aspects that determine the progressive introduction and development of technological capabilities in educational activities, including increasing the level of openness of educational materials through their placement in accessible online and educational resources, as well as the need to improve legislative norms in terms of commercialization and protection of intellectual rights.

Keywords

intellectual property of educational organizations, intellectual activity results, digitalization

For citation

Zolotova, V.B. (2024). Intellectual property of educational organizations in the context of digitalization: problems of regulation and law enforcement. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 8, no. 3, pp. 399-407. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-3-399-407>

Введение

Последнее десятилетие характеризуется интенсивными процессами по цифровизации основных сегментов общественной жизни и переходом к новым механизмам государственного регулирования, которое во многом охватывает отношения, складывающиеся в цифровом пространстве. В данном контексте значительное развитие получает институт интеллектуальной собственности, степень разработанности которого на сегодняшний день является предопределяющим фактором социально-экономического роста государства и повышения его авторитетности на международной арене. Стоит сказать о том, что современные реалии находятся в непосредственной зависимости от интеллектуальной

и творческой деятельности субъектов правоотношений, оборот результатов которой приобретает особую актуальность в рамках развития общественного цифрового потенциала. Процессы глобализации и цифровизации рынка обуславливают особое назначение образовательных организаций, в частности учреждений высшего образования и научно-исследовательских организаций, в рамках которых происходит концентрация интеллектуального потенциала, выражающегося в создании результатов соответствующей деятельности. В целом следует обратить внимание на тенденцию коммерциализации интеллектуальной собственности, создаваемой образовательными организациями, с учетом специальной нацеленности на исполнение

социальных обязательств и общего некоммерческого характера их деятельности. В связи с указанными положениями важность приобретает вопрос выявления и установления баланса в рамках интеллектуальной деятельности образовательных организаций, который, с одной стороны, должен обеспечить эффективное достижение поставленных законодателем целей, и, с другой стороны, обеспечить экономическую стабильность их существования. Так, в научной литературе отмечается, что подобного рода задачи могут быть решены посредством применения цифровых технологий, которые способны оказать помощь в обеспечении «во-первых, комфортного сервисного сопровождения процесса коммерциализации интеллектуального продукта, во-вторых, широкого распространения новых знаний» [1, с. 80].

Представленные нами положения обусловили цель настоящего исследования – выявление и установление характерных особенностей интеллектуальной собственности в образовательных организациях в условиях цифровизации, а также определение основ законодательного регулирования и правоприменения. Новизна поставленной проблематики находит непосредственное выражение в рамках формирования цифрового пространства, предопределяющего процессы постепенно происходящей коммерциализации образования и нарастающей потребности в охране результатов интеллектуальной деятельности.

Укажем на то, что интеллектуальная собственность образовательных организаций находится в центре внимания исследователей в области права интеллектуальной собственности, что нашло отражение в работах, посвященных вопросам правового регулирования прав на результаты интеллектуальной деятельности [2], основам управления интеллектуальной собственностью и инновациями в образовательных организациях [3], ключевым направлениям развития института интеллектуальной собственности в условиях развития цифровых технологий [4], процессам коммерциализации результатов интеллектуального труда работников образовательной сферы [5].

Методологическая база

Материалы исследования раскрываются в его нормативной, теоретической и эмпири-

ческой основах. Нормативной основой, в первую очередь, послужили нормы Гражданского кодекса Российской Федерации (часть 4), раскрывающие основные положения о правах на интеллектуальную собственность. Теоретической основой стали труды ведущих российских ученых, работы практикующих специалистов и молодых ученых, посвященные понятию, правовой природе и сущности интеллектуальной собственности, ее развитию в рамках протекающих процессов по цифровизации общественной жизни, а также особенностям указанных процессов в образовательной сфере. Эмпирической базой послужил анализ материалов правоприменительной практики, а также данных о работе образовательных организаций.

Представленное исследование основывается на применении специальных методов изучения объекта и предмета работы. С одной стороны, специальными методами послужили частноправовые, такие как формально-юридический, сравнительно-правовой, метод толкования права. Формально-юридический метод позволил выявить и уточнить содержание ключевых понятий и их характерные черты. Сравнительно-правовой метод использовался для выявления имеющихся различий в теоретических и законодательных подходах к определению интеллектуальной собственности образовательных организаций. Метод толкования права позволил интерпретировать содержание правовых норм, раскрывающих особенности интеллектуальной собственности и прав на нее в условиях цифровизации.

Помимо этого, немаловажное значение в рамках настоящей работы имело применение общенаучных методов исследования, таких как анализ и синтез, индукция и дедукция, сравнение.

Результаты и обсуждение

На сегодняшний день образовательная сфера построена на активном внедрении инноваций, что является предопределяющим фактором развития, в первую очередь, учреждений высшего образования. Обратим внимание на то, что основополагающим инструментом внедряемых инновационных процессов в образование выступает интеллектуальная собственность, в связи с чем в правовой доктрине справедливо отмечается, что на-

циональные университеты стали значимыми субъектами инновационной инфраструктуры [6]. Более того, важно указать на то, что в последние годы наблюдается устойчивая тенденция по трансформации классических образовательных организаций в участников общественных отношений, деятельность которых непосредственно завязана на формировании и продвижении результатов интеллектуального труда.

В контексте настоящего исследования представляется интересным зарубежный опыт по внедрению в практику концепции университетов «третьего поколения», или университетов инновационно-предпринимательского типа. По замечанию представителей правовой доктрины, изложенная концепция предполагает, что образовательное учреждение, «помимо традиционной деятельности, сохраняя при этом традиционные академические ценности, активно занимается инновациями, внедрением своих разработок и ноу-хау в производство, является источником предпринимательской деятельности, акселератором научных и бизнес-проектов, основанных на интеллектуальном продукте» [7, с. 95]. Анализ представленного материала позволяет говорить нам о том, что при указанной концепции обеспечивается реализация инновационной и предпринимательской составляющих, однако, стоит сделать оговорку относительно основополагающей функции, заключающейся в образовательной деятельности.

Следует сделать акцент на том, что на современном этапе ключевым направлением деятельности российских образовательных организаций по-прежнему остается обучение. В свою очередь, создание интеллектуальной собственности и ее дальнейшее внедрение во многом являются сопутствующими элементами, а процесс коммерциализации находится на первых стадиях формирования. Между тем для наиболее точного и полного исследования заявленной проблематики видится необходимым рассмотрение основных характеристик интеллектуальной собственности, закрепленных на законодательном уровне.

На сегодняшний день основополагающим законодательным актом в сфере установления правового режима интеллектуаль-

ной собственности является часть четвертая Гражданского кодекса Российской Федерации¹, которая регламентирует институты авторских, смежных, патентных и иных прав, а также закрепляет основные средства их защиты. Однако стоит указать на то, что в действующей редакции Гражданского кодекса РФ не содержится прямого указания на дефиницию интеллектуальной собственности и ее характеристик. Тем не менее, проведенный нами анализ позволил выявить, что рассматриваемый вид собственности представляет собой совокупность исключительных и личных неимущественных прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации, строго находящиеся в сфере государственной охраны.

Отметим, что среди представителей правовой доктрины встречаются наиболее конкретизированные и детализированные определения, содержащие в себе ключевые признаки интересующего нас понятия. Например, по мнению Л.В. Плуженской, под интеллектуальной собственностью следует понимать «закрепленное законом временное исключительное право субъекта распоряжаться результатами своей интеллектуальной, творческой деятельности, в том числе извлекать выгоду из использования этих результатов, устанавливая монополию на определенные формы применения результатов интеллектуальной деятельности» [8, с. 21]. Возвращаясь к непосредственной теме настоящего исследования, обратим внимание на приведенное С.В. Матюшенко определение педагогической интеллектуальной собственности, под которой ученый понимает «результаты творческой деятельности педагога в виде педагогического достижения, в дальнейшем способствующие прогрессивному развитию человека путем обучения, воспитания и образования»². Стоит отметить, что возникающие при создании интеллектуальной собственности правоотношения в об-

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 30.01.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 52 (ч. I). Ст. 5496.

² Матюшенко С.В. Интеллектуальная собственность в российской педагогической науке конца XX в. – начала XXI в.: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Новосибирск, 2011. С. 12.

разовательной сфере имеют специфические характеристики в части оказываемого воздействия на широкий круг общественных интересов, в связи с чем субъективные интересы автора имеют во многом второстепенное значение.

В данном контексте обратим внимание на то, что автором результата интеллектуальной деятельности в сфере образования всегда является физическое лицо, в частности педагог или иной работник, имеющий непосредственное отношение к образовательному процессу, творческим трудом которого создан конкретный объект интеллектуальной собственности. Однако правообладателем в рассматриваемых правоотношениях, как правило, будет выступать не сам автор, а его работодатель в лице образовательной организации либо в рамках заключения с автором договора отчуждения, либо в рамках выполнения автором трудовых обязанностей.

Одной из характерных особенностей интеллектуальной собственности, возникающей в образовательной организации и заслуживающей отдельного внимания, является обстоятельство, согласно которому преподавательская и научно-исследовательская деятельность отличается многообразием и предполагает создание значительного количества объектов авторского права в рамках выполнения трудового функционала. Стоит отметить, что в научной литературе не раз давалось указание на специфику образовательной деятельности, предполагающей специальные охранительные условия со стороны государства. Например, коллективом авторов Казанского (Приволжского) федерального университета в рамках анализа собственности классического российского высшего учебного заведения было проведено сравнение возможной интеллектуальной собственности коммерческой и образовательной организаций. Так, авторами было установлено, что разграничением служит, в первую очередь, неразрывность созданных объектов с выполняемыми должностными обязанностями (как правило, в организациях коммерческого характера интеллектуальная собственность не рассматривается в качестве служебного задания), что предопределяет в том числе особый характер складывающихся пра-

воотношений внутри образовательной организации [9, с. 12-13].

Таким образом, на сегодняшний день одним из самых распространенных в образовательной среде результатов интеллектуальной деятельности является служебное произведение, которым могут выступать все перечисленные в статье 1259 ГК РФ объекты авторских прав. Однако специфика сферы образования накладывает определенного рода особенности на создаваемые в рамках трудового договора произведения, к которым относятся, в первую очередь, творческий характер, объективное существование произведения независимо от способа его выражения и создание его автором в пределах своих трудовых обязанностей, на что также обращается внимание в литературе [10, с. 3].

В рамках настоящего исследования особую актуальность приобретает рассмотрение вопроса относительно активно протекающих процессов цифровизации, которые определяют значимые условия защиты и охраны прав на указанную интеллектуальную собственность со стороны как авторов и правообладателей, так и государственных структур. В частности, прогрессивное внедрение и развитие технологических возможностей в образовательную деятельность, с одной стороны, повысило уровень открытости образовательных материалов посредством их размещения в доступных сетевых и образовательных ресурсах, однако, с другой стороны, потребовало совершенствования законодательных норм в части коммерциализации и охраны интеллектуальных прав.

В ходе теоретического анализа нами была выявлена имевшая распространение достаточно длительное время точка зрения относительно смены парадигмы развития интеллектуальной собственности. В частности, как указывается в научной литературе, процесс развития сети Интернет и соответствующих информационных технологий существенно замедлен в связи с чрезмерной охраной интеллектуальной собственности. В связи с указанным положением высказывалось предложение о создании киберпространства, свободного от авторских прав [11, с. 345]. Считаем, что высказанная позиция в некотором роде справедлива в части указанных темпов внедрения технологических иннова-

ций в образовательную среду, однако, такое обстоятельство не может служить основанием пересмотра права интеллектуальной собственности, последствием которого будет служить явное нарушение закрепленных законодателем гарантий.

В данном контексте стоит оговориться о в целом положительных тенденциях по введению в оборот интеллектуальной собственности образовательными учреждениями, в том числе путем применения инноваций, что создает благоприятные социально-экономические и культурно-правовые предпосылки для эффективной и качественной деятельности. Высказанное нами положение подтверждается и правовой доктриной, в которой достаточно распространенной точкой зрения является то, что коммерциализация разработок, имеющих потенциал дальнейшего применения, должна быть внедрена в хозяйственный оборот и приносить доходы в соответствующий бюджет [12, с. 70]. Между тем в практической составляющей учащаются случаи возникновения противоречий между работником и работодателем образовательного учреждения в результате неправомерного использования результатов интеллектуальной деятельности, которые в условиях цифровизации становятся общедоступными.

Итак, на сегодняшний день одним из возможных результатов интеллектуальной деятельности при использовании инновационных технологий является разработанный веб-сайт, например, образовательной организации, представляющий собой источник опубликования официальной информации. В данном контексте обратимся к материалам судебной практики. Так, филиал ФГБОУ ВО «М.» обратился в Советский районный суд г. Омска с иском о возложении на нее обязанности по удалению разработанного ею сайта из сети Интернет. В ходе судебного разбирательства было установлено, что О., в трудовые обязанности которой входило «творческие работы, завершающиеся созданием произведений, в том числе разработка, администрирование и наполнение контентом интернет-сайтов филиала, создание и администрирование аккаунтов в социальных сетях», в 2016 г. разработала соответствующий сайт и раз-

местила его в сети Интернет, являясь при этом единственным администратором сайта. Обратим внимание на то, что согласно имевшимся устойчивым трудовым правоотношениям, а также закрепленным в трудовом договоре обязанностям исключительное право на данный сайт возникло у филиала ФГБОУ ВО «М.». Однако после увольнения О. не оставила доступа к сайту и созданным аккаунтам, тем самым допустив нарушение исключительного права образовательного учреждения. Изучив представленные материалы дела, суд пришел к выводу о незаконности действий уволившейся сотрудницы О. и удовлетворил исковые требования³.

Нами уже неоднократно отмечалось ранее, что цифровизация оказывает всеобъемлющее воздействие на образовательные отношения посредством построения цифровой среды, которая включает в себя «типичные информационные решения, новые информационные наполнения и функциональные возможности открытых и общедоступных информационных ресурсов, технологическое обеспечение, повышение квалификации работников образовательной организации» [13, с. 84-85]. Особый интерес в контексте цифровизации образовательной деятельности представляет процесс по развитию образовательных платформ как одно из средств размещения результатов интеллектуальной деятельности в общем доступе.

К сегодняшнему дню в научной литературе не сформировалось единого подхода ни к определению образовательной платформы, ни к ее правовой природе. В частности, согласно одному подходу, указывается на коммуникационные свойства платформы, акцентируя внимание на возможности взаимодействия участников в рамках «потребления» информационного продукта [14, с. 76]. Согласно другому подходу платформы предлагаются рассматривать исходя из их функционала по хранению информации и обеспечению информационного обмена [15, с. 78]. Отметим, что рассматриваемые нами платформы служат, в первую очередь, продвижению образовательного контента в целях его

³ Решение Советского районного суда г. Омска от 09.08.2019 по делу № 2-2477/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/dvlPI6cC3z1K/> (дата обращения: 24.06.2024).

коммерциализации. Таким образом, данные платформы, будучи своего рода экономическими агентами, предоставляют открытый доступ к учебным и методическим материалам и иному контенту в рамках основных и дополнительных образовательных программ. Однако вопрос определения правового статуса образовательных платформ представляется достаточно затруднительным, что предопределяет соответствующую сложность при определении их прав на результаты интеллектуальной деятельности.

В целях определения правосубъектности образовательных платформ обратимся к материалам судебной практики. Так, в Арбитражный суд Смоленской области поступило исковое заявление в отношении образовательной платформы «И.» о взыскании компенсации за нарушение исключительных прав на произведение. В ходе судебного разбирательства было установлено, что на официальном сайте ответчика было размещено произведение литературы «О.», ранее изданное истцом – обладателем исключительного права. Однако, изучив материалы дела, суд пришел к выводу о том, что образовательная платформа «И.» представляет собой информационного посредника, который не несет ответственности за возможное нарушение исключительного права на произведение, поскольку не могло знать о нарушении такового и предприняло достаточные меры для прекращения указанного нарушения после соответствующего уведомления. Более того, стоит указать и на то, что образовательная платформа «не осуществляет модерацию материалов, размещаемых пользователями, не влияет на их содержание и целостность, предоставляя техническую возможность для размещения материалов их пользователям»⁴.

Исходя из проведенного анализа становится очевидным, что на современном этапе, характеризующимся активным внедрением в общественную жизнь цифровых технологий, создание интеллектуальной собственности в образовательной сфере подчинено тенден-

⁴ Решение Арбитражного суда Смоленской области от 12.04.2022 по делу № А62-8587/2021. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/6DUysSNJXI10/> (дата обращения: 25.06.2024).

циям, с одной стороны, коммерциализации и формирования взаимовыгодных рыночных отношений, а с другой стороны, повышения эффективности результатов интеллектуального труда и обеспечения безопасности соответствующих прав. Помимо этого, постепенный переход государства от индустриальной экономической модели к инновационной экономике, установление стратегических направлений развития научно-исследовательской деятельности обусловили «трансформацию представления об экономическом процветании государства, в соответствии с которым интеллектуальный капитал становится основным продуктом современной экономики» [12, с. 70].

Заключение

Итогом проведенного исследования теоретических, законодательных и правоприменительных положений стал вывод о том, что прогрессивное внедрение и развитие технологических возможностей в образовательную деятельность, с одной стороны, повысило уровень открытости образовательных материалов посредством их размещения в доступных сетевых и образовательных ресурсах, однако, с другой стороны, потребовало совершенствования законодательных норм в части коммерциализации и охраны интеллектуальных прав. Несмотря на имеющиеся к сегодняшнему дню правовые пробелы, стоит указать на общие положительные тенденции по введению в оборот интеллектуальной собственности образовательными учреждениями посредством применения инновационных технологий, поскольку происходит постепенное создание благоприятных социально-экономических и культурно-правовых предпосылок для эффективной и качественной деятельности.

Однако сделаем акцент на том, что на современном этапе ключевым направлением деятельности российских образовательных организаций по-прежнему остается оказание соответствующего рода услуг. В свою очередь, создание интеллектуальной собственности и ее дальнейшее внедрение во многом являются сопутствующими элементами, а процесс коммерциализации находится на первых стадиях формирования.

Список источников

1. Кочерга С.Ю. Перспективы механизма легализации продажи разработчиками из вузов и НИИ исключительных прав на результаты своего труда // Вестник экспертного совета. 2020. № 4 (23). С. 79-83. <https://elibrary.ru/bhjcrp>
2. Щербак Е.Н. К вопросу о правовом регулировании прав на результаты интеллектуальной деятельности в образовательных организациях // Правовой альманах. 2023. № 8 (30). С. 12-17. <https://elibrary.ru/dmewlj>
3. Пустыльник М.Л., Власова Ю.Ю. Об управлении интеллектуальной собственностью и инновациями в научных и образовательных организациях гуманитарного профиля // Отечественная и зарубежная педагогика. 2017. Т. 1. № 1 (35). С. 142-159. <https://elibrary.ru/ygsywz>
4. Агамагомедова С.А., Надькина Н.А. Развитие института интеллектуальной собственности в условиях цифровизации экономики // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Экономические науки. 2019. № 1 (9). С. 4-16. <https://doi.org/10.21685/2309-2874-2019-1-1>, <https://elibrary.ru/kgbvvyx>
5. Свиридова Е.А. Правовые аспекты коммерциализации результатов интеллектуальной деятельности образовательных бюджетных организаций // Экономика. Налоги. Право. 2019. № 1. С. 152-163. <https://doi.org/10.26794/1999-849X-2019-12-1-152-163>, <https://elibrary.ru/yzcmwl>
6. Николаев А.С., Кириллов Н.Н. Деятельность отечественных вузов в развитии инновационной экономики и рынка трансфера технологий // Теория и практика общественного развития. 2022. № 6. С. 94-100. <https://doi.org/10.24158/tipor.2022.6.14>, <https://elibrary.ru/tabzlp>
7. Титова О.В., Лебошкина О.О. Особенности функционирования рынка труда в современных условиях // Центральный научный вестник. 2018. № 11 (52). С. 95-96. <https://elibrary.ru/xrrenv>
8. Плуженская Л.В. Особенности управления инновационной деятельностью образовательного учреждения // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 6. С. 20-24. <https://elibrary.ru/tjzape>
9. Колесникова Ю.С., Ситдикова Р.И., Старостина Е.С., Ситдилов Р.Б. Управление интеллектуальной собственностью классического вуза // Вестник экономики, права и социологии. 2022. № 3. С. 11-14. <https://elibrary.ru/hqjeeq>
10. Соломоненко Л.А. Проблемы, связанные с правовым регулированием служебных произведений в вузе // Интернет-журнал «Науковедение». 2013. № 6 (19). С. 1-9. <https://elibrary.ru/sakqxr>
11. Интеллектуальные права в цифровую эпоху: избранные аспекты / под ред. М.А. Рожкова. М.: ГА-УГН Пресс, 2023. 438 с. <https://doi.org/10.18254/S6049894-5-6>, <https://elibrary.ru/kmmnpu>
12. Колодезникова С.И., Платонова Р.И. Проблемы реализации результатов интеллектуальной деятельности в вузе // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова. Серия: Педагогика. Психология. Философия. 2017. № 4 (08). С. 69-73. <https://elibrary.ru/zxwbun>
13. Чеха В.В. Цифровые платформы как новые субъекты образовательных отношений // Наука и школа. 2021. № 3. С. 81-93. <https://doi.org/10.31862/1819-463X-2021-3-81-93>, <https://elibrary.ru/walmtx>
14. Дин С. Цифровые платформы как новая форма развития взаимоотношений покупателей и производителей в условиях цифровой экономики // Альманах мировой науки. 2020. № 2 (38). С. 75-80. <https://elibrary.ru/fmtygn>
15. Докукина И.А., Полянин А.В. Организация децентрализованного управления на основе цифровых платформ распределенного реестра // Естественно-гуманитарные исследования. 2020. № 27 (1). С. 76-81. <https://doi.org/10.24411/2309-4788-2020-00015>, <https://elibrary.ru/mthra>

References

1. Kocherga S.Yu. (2020). Prospects for the mechanism of legalizing the sale of exclusive rights to the results of their work by developers from universities and research institutes. *Vestnik ekspertnogo soveta*, no. 4 (23), pp. 79-83. (In Russ.) <https://elibrary.ru/bhjcrp>
2. Shcherbak E.N. (2023). On the issue of legal regulation of rights to the results of intellectual activity in educational organizations. *Pravovoi al'manakh = Legislative Almanac*, no. 8 (30), pp. 12-17. (In Russ.) <https://elibrary.ru/dmewlj>
3. Pustyl'nik M.L., Vlasova Yu.Yu. (2017). About intellectual property management and innovation administration in scientific and educational institutions of humanitarian profile. *Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika*, vol. 1, no. 1 (35), pp. 142-159. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ygsywz>
4. Agamagomedova S.A., Nad'kina N.A. (2019). Development of the institution of intellectual property in the conditions of digitalization of the economy. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region*.

- Ekonomicheskie nauki = University Proceedings. Volga Region. Economic Sciences*, no. 1 (9), pp. 4-16. (In Russ.) <https://doi.org/10.21685/2309-2874-2019-1-1>, <https://elibrary.ru/kgbvyyx>
5. Sviridova E.A. (2019). Legal aspects of the commercialization of results of intellectual activity carried out by educational budgetary organizations. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, Taxes & Law*, no. 1, pp. 152-163. (In Russ.) <https://doi.org/10.26794/1999-849X-2019-12-1-152-163>, <https://elibrary.ru/yzcmwl>
 6. Nikolaev A.S., Kirillov N.N. (2022). Activities of domestic HEIs in the development of the innovation-based economy and technology transfer market. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya = Theory and Practice of Social Development*, no. 6, pp. 94-100. (In Russ.) <https://doi.org/10.24158/tipor.2022.6.14>, <https://elibrary.ru/tabzlp>
 7. Titova O.V., Lebozhkina O.O. (2018). Features of functioning of labor market in modern conditions. *Tsentral'nyi nauchnyi vestnik = Central Science Bulletin*, no. 11 (52), pp. 95-96. (In Russ.) <https://elibrary.ru/xrrenv>
 8. Pluzhenskaya L.V. (2015). Features of the innovative activity management in the educational institution. *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik = Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, no. 6, pp. 20-24. (In Russ.) <https://elibrary.ru/tjzape>
 9. Kolesnikova Yu.S., Sitdikova R.I., Starostina E.S., Sitdikov R.B. (2022). Intellectual property management of a classical university. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii = The Review of Economy, The Law and Sociology*, no. 3, pp. 11-14. (In Russ.) <https://elibrary.ru/hqjeeq>
 10. Solomonenko L.A. (2013). Problems related to the legal regulation of a work made for hire at university. *Internet-zhurnal «Naukovedenie» = Internet-journal "Naukovedenie"*, no. 6 (19), pp. 1-9. (In Russ.) <https://elibrary.ru/sakqxr>
 11. Rozhkov M.A. (ed.). (2023). *Intellectual Rights in the Digital Age: Selected Aspects*. Moscow, GAUGN Press, 438 p. (In Russ.) <https://doi.org/10.18254/S6049894-5-6>, <https://elibrary.ru/kmmnpu>
 12. Kolodeznikova S.I., Platonova R.I. (2017). Implementing the results of intellectual activity at the university. *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta imeni M.K. Ammosova. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Filosofiya = Bulletin of the North-East Federal University named after M.K. Ammosov. Pedagogy. Psychology. Philosophy*, no. 4 (08), pp. 69-73. (In Russ.) <https://elibrary.ru/zxwbun>
 13. Chekha V.V. (2021). Digital platforms as new subjects in education. *Nauka i shkola = Science and School*, no. 3, pp. 81-93. (In Russ.) <https://doi.org/10.31862/1819-463X-2021-3-81-93>, <https://elibrary.ru/walmtx>
 14. Din S. (2020). Digital platforms as a new form of development of relationships between buyers and producers in the context of the digital economy. *Al'manakh mirovoi nauki*, no. 2 (38), pp. 75-80. (In Russ.) <https://elibrary.ru/fmtygn>
 15. Dokukina I.A., Polyinin A.V. (2020). Organization of decentralized management based on digital platforms distributed registry. *Estestvenno-gumanitarnye issledovaniya = Natural-Humanitarian Studies*, no. 27 (1), pp. 76-81. (In Russ.) <https://doi.org/10.24411/2309-4788-2020-00015>, <https://elibrary.ru/mthra>

Автор демонстрирует отсутствие конфликта интересов. / Author declares no conflict of interests.

Поступила в редакцию / Received 26.08.2024

Поступила после рецензирования / Revised 17.09.2024

Принята к публикации / Accepted 20.09.2024

Контент доступен под лицензией [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.85

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-3-408-419>

Шифр научной специальности 5.1.4

Проблемы правового противодействия мошенничеству, связанному со сбором средств на благотворительную деятельность

© ТРУФАНОВА Александра Юрьевна,

юрист, ООО АФ «Реут», Российская Федерация, Курская область, Медвенский р-он, 307048, с. Верхний Реутец, <https://orcid.org/0000-0002-9556-5789>, trufanovaalexandra@gmail.com

© ЛАРИОНОВ Вячеслав Юрьевич,

аспирант, кафедра уголовного права, ФГБУ ВО «Юго-Западный государственный университет», Российская Федерация, 305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94, <https://orcid.org/0009-0004-2564-9321>, larionov46@icloud.com

Аннотация

Актуальность данной темы обусловлена тем, что развитие общества, возникновение общественных организаций привело к тому, что в современных реалиях осуществляется сбор средств на благотворительную деятельность, которая, в свою очередь, не всегда осуществляется законным путем. Цель исследования – провести анализ преступлений, совершенных в сфере благотворительной деятельности организаций и частных лиц, и определить меры предупреждения и правового противодействия для данного вида преступлений. На сегодняшний день мы еще не говорим об эффективности государственной системы предотвращения псевдоблаготворительной деятельности, считаем необходимым развивать законодательное регулирование данной сферы и обеспечивать в обязательном порядке необходимую переподготовку правоохранительных органов для повышения знаний в области предупреждения, предотвращения и правового противодействия мошенничеству при сборе средств на благотворительную деятельность. Методологию составляют диалектический, структурный, формально-юридический и сравнительно-правовой методы, анализ и синтез. В рамках исследования проанализированы причины возникновения преступлений в деятельности благотворительных организаций, исследованы особенности данного вида преступлений, а также предложены меры предупреждения и противодействия для соответствующей преступности. Отмечено, что правовые механизмы противодействия за псевдоблаготворительную деятельность отсутствуют в законодательстве из-за узкой специфики данного вида преступления. Их решение видится в разработке комплекса мер предупреждения и противодействия, выделении состава преступления в законодательстве и создании специального подразделения правоохранительных органов.

Ключевые слова

мошенничество, мошенники, благотворительность, благотворительные фонды, сбор средств, обман, присвоение, денежные средства

Для цитирования

Труфанова А.Ю., Ларионов В.Ю. Проблемы правового противодействия мошенничеству, связанному со сбором средств на благотворительную деятельность // Актуальные проблемы государства и права. 2024. Т. 8. № 3. С. 408-419. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-3-408-419>

Issues of legal counteraction to fraud related to fundraising for charitable activities

© Alexandra Yu. TRUFANOVA,

Lawyer, LLC AF "Reut", Verkhny Reutets Vlg., 307048, Medvensky District, Kursk Region, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-9556-5789>, trufanovaalexandra@gmail.com

© Vyacheslav Yu. LARIONOV,

Post-Graduate Student, Criminal Law Department, Southwest State University, 94 50 let Oktyabrya St., Kursk, 305003, Russian Federation, <https://orcid.org/0009-0004-2564-9321>, larionov46@icloud.com

Abstract

The relevance of this topic is due to the fact that the development of society, the emergence of public organizations has led to the fact that in modern realities, fundraising for charitable activities is carried out, which, in turn, is not always carried out legally. The purpose of this study is to analyze crimes committed in the field of charitable activities of organizations and individuals and to determine measures of prevention and legal counteraction for this type of crime. To date, we are not yet talking about the effectiveness of the state system for preventing pseudo-charitable activities, we consider it necessary to develop legislative regulation of this area and ensure mandatory necessary retraining of law enforcement agencies to increase knowledge in the field of prevention, prevention and legal counteraction of fraud when raising funds for charitable activities. The methodology consists of dialectical, structural, formal legal and comparative legal methods, analysis and synthesis. As part of the study, we analyze the causes of crimes in the activities of charitable organizations, investigated the features of this type of crime, and proposed measures to prevent and counteract the corresponding crime. It is noted that legal mechanisms to combat pseudo-charitable activities are absent from the legislation due to the narrow specificity of this type of crime. Their solution is seen in the development of a set of prevention and counteraction measures, the identification of the corpus delicti in legislation and the creation of a special unit of law enforcement agencies.

Keywords

fraud, fraudsters, charity, charitable foundations, fundraising, deception, embezzlement, cash

For citation

Trufanova, A.Yu., & Larionov, V.Yu. (2024). Issues of legal counteraction to fraud related to fundraising for charitable activities. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 8, no. 3, pp. 408-419. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-3-408-419>

Введение

История благотворительной деятельности насчитывает тысячелетия и тесно связана с различными аспектами человеческой культуры и общественной жизни. С самых древних времен люди стремились помогать нуждающимся, и эта тенденция продолжается в современном мире.

Первые проявления благотворительной деятельности можно увидеть в религиозных обрядах и практиках. В древние времена многие цивилизации практиковали поддержку бедных, вдов и сирот как часть своих религиозных обязанностей. Например, в Древнем Риме и Греции существовали общественные обеды для бедных, а христианские церкви развивали систему благотвори-

тельных пожертвований. Зарождение благотворительности в Киевской Руси связывается с принятием христианства. Киевский князь Владимир Уставом 996 года официально взял на себя обязанность духовенству заниматься общественным призрением, определив десятину на содержание монастырей, церквей и больниц¹.

С развитием философии и социальной мысли в Средние века и в период Возрождения благотворительность стала ассоциироваться с идеями милосердия и сострадания. Многие философы, такие как Аристотель и

¹ История благотворительности в России: царской, советской и современной // 2024 МИА «Россия сегодня». URL: <https://sn.ria.ru/20130226/924715394.html> (дата обращения: 05.05.2024).

Томас Аквинский, высказывались в пользу помощи бедным и нуждающимся.

В период правления Петра I государство берет под свой контроль все сферы жизни общества, включая заботу о бедных. Царь-реформатор придумал единую государственную «систему призрения», в которую входили:

- «гошпитали» для больных и инвалидов;
- прядильные дома для бездомных женщин;
- заведения для престарелых;
- сиротские приюты².

Одним из ключевых моментов в развитии благотворительности было появление благотворительных организаций в XIX веке. В это время появились первые благотворительные фонды, общества помощи бедным, больницы и приюты. Великие социальные реформаторы, такие как Флоренс Найтингейл и Уильям Бутлер, сделали значительный вклад в создание системы медицинской помощи и благотворительности. Во второй половине XIX века было издано пять законов, открывших новый этап благотворительности в России – деятельности под контролем государства³.

С развитием технологий и глобализации благотворительность стала более доступной и распространенной. Сегодня существует множество благотворительных организаций, занимающихся различными аспектами помощи: от борьбы с бедностью до оказания помощи пострадавшим от природных катастроф.

История благотворительной деятельности свидетельствует о постоянном стремлении людей помогать друг другу. С течением времени формы и методы благотворительности менялись, но основная цель оставалась неизменной – создание лучшего общества через поддержку тех, кто нуждается в помощи.

С начала 2000-х гг. благотворительная деятельность в России стала активно развиваться. Открытие новых благотворительных фондов, организаций и программ помощи

стало обычным делом. Многие из них работают в различных областях: от медицинской помощи и образования до защиты прав детей и экологии.

Одной из заметных тенденций в современной благотворительности в России является увеличение числа частных лиц, бизнесменов и компаний, которые активно поддерживают социальные проекты. Благодаря этому объемы собранных средств для благотворительных целей значительно возросли.

Также стоит отметить увеличение популярности онлайн-платформ для сбора средств. Сайты и приложения, позволяющие каждому желающему сделать пожертвование в реальном времени, стали широко распространены. Это удобный способ привлечь больше людей к участию в благотворительных акциях.

Несмотря на положительные тенденции, благотворительная деятельность в России также сталкивается с рядом вызовов. Один из них – это необходимость разнообразия и эффективности благотворительных программ. Для успешной работы необходимо адаптировать проекты под конкретные потребности общества и обеспечить их долгосрочную устойчивость. Вторым вызовом для благотворительных организаций – это прозрачность использования собранных средств. Некоторые организации сталкиваются с критикой от общественности из-за непрозрачности своей деятельности или неэффективного использования пожертвований. Также актуальной и серьезной проблемой является мошенничество в сфере благотворительной деятельности, которая может нанести ущерб как доверию общества к благотворительным организациям, так и самим нуждающимся. Показатели преступности в данной сфере могут снижаться только за счет мер реагирования и правового противодействия.

Актуальность данного исследования определяется не только очевидной важностью благотворительности в жизнедеятельности общества и государства, но и также значимостью защиты людей от жертвования и перечисления денежных средств в псевдоблаготворительные организации.

Степень научной разработанности рассматриваемой проблемы находится на низком уровне. В теоретических и научно-практических исследованиях такими авторами, как

² История благотворительности // Симбиоз добра. URL: <https://simbios-dobra.ru/stat/istoriya-blagotvoritelnosti/> (дата обращения: 05.05.2024).

³ Там же.

Е.Н. Комарова, К.Б. Макарова, М.П. Клейменов, В.М. Соловьев, А.Н. Косых, анализируются лишь общие аспекты благотворительности, ее законодательного закрепления, современные тенденции и состояние. Обзор литературы по теме благотворительности свидетельствует, что, несмотря на рост числа исследований, по-прежнему практически отсутствуют работы, раскрывающие проблемы, возникающие в ходе осуществления благотворительной деятельности, в том числе и при сборе средств для нуждающихся. Концептуальные основы противодействия мошенничеству при сборе средств в благотворительной деятельности и отдельные аспекты рассмотрены в работах российских авторов: Х.В. Идрисов, А.А. Гайтамирова, И.О. Антонов, А.Ю. Верин, М.Е. Клюкова, Н.Г. Ронжин, А.В. Михайлова, Э.Н. Седалищева. Стоит отметить, что тема благотворительных фондов и организаций привлекла широкий круг исследователей, но аспект правового противодействия мошенничеству, связанному со сбором средств на благотворительную деятельность, не имеет четко выраженной научно-исследовательской позиции.

Результаты исследования

Мошенничество в сфере благотворительной деятельности – это преступная деятельность, целью которой является незаконное обогащение за счет добрых намерений людей, желающих помочь нуждающимся. Это одна из самых печальных сторон человеческой жадности и безнравственности, которая попирает основные принципы и ценности благотворительности. Мошенничество в сфере благотворительной деятельности является серьезной проблемой, которая может нанести ущерб как доверию общества к благотворительным организациям, так и самим нуждающимся. В литературе описываются модификации мошенничества в сфере благотворительности как разновидность краундфандинга [1, с. 81].

Сегодня все большее распространение получают разновидности мошеннических деяний, которые совершают профессиональные преступники в этой области, так называемые «сборщики», которые под видом сбора средств на благотворительность занимаются криминальным обманом. При этом за исполнителями данных преступных деяний

стоят хорошо организованные группы мошенников-профессионалов [2, с. 9].

По данным ВЦИОМ, около 81 % россиян жертвуют деньги на благотворительность. Это в среднем 419,3 миллиарда рублей в год. И примерно 165 миллиардов рублей в год уходят в потенциально нелегальный сектор⁴. К сожалению, если благотворительные организации используют имущество или денежные средства не по назначению, то требование об отмене пожертвования можно предъявить только путем обращения в суд.

Существующее в России законодательство в отношении деятельности благотворительных организаций требует доработки для соответствия современным социально-экономическим реалиям. В большей мере это касается сферы использования денежных средств и услуг, которые из-за пробелов в законах могут подвергаться нецелевому использованию и даже в преступных целях [3, с. 319].

В технико-юридической перспективе законотворчества в сфере благотворительности необходимо учитывать тот факт, что помимо права данная деятельность регламентируется и иными социальными нормами [4, с. 272].

Мошенники для реализации своих криминальных намерений всегда стремились задействовать наряду с негативными, нейтральными и положительными качества личности потенциальной жертвы. В данном случае речь идет о мошеннических сценариях, в основе которых лежит злонамеренное использование одного из лучших человеческих качеств – желания помочь нуждающимся из чувства сострадания [5, с. 178].

Одним из наиболее распространенных видов мошенничества является создание фиктивных благотворительных фондов или организаций, которые собирают пожертвования, но не используют их по назначению. Такие структуры могут использовать агрессивные методы сбора средств, вводя участников благотворительности в заблуждение относительно целей и масштабов своей дея-

⁴ За год россияне отдали 11,5 миллиарда в ящики для пожертвований. А большинство таких сборов – мошеннические // Правмир. URL: <https://www.pravmir.ru/po-elektrichke-idet-chelovek-s-yashhikom-dlya-deneg-skoree-vsego-eto-moshennik-pochemu-ih-tak-mnogo/> (дата обращения: 05.05.2024).

тельности. Современные тенденции в части формирования собственного имущества субъектами благотворительной деятельности показывают, что эндаумент-фонды, будучи относительно новой формой получения дохода за счет инвестирования существующего капитала, все больше интересуют общественность и субъектов благотворительной деятельности. Так, например, на ноябрь 2022 г. на территории Российской Федерации действующих эндаументов существует более двухсот, размер общего капитала которых равен более тридцати четырех миллиардов рублей [6, с. 130].

Второй распространенной схемой является присвоение средств, поступающих в легитимные благотворительные организации. Это может происходить как на уровне руководства, так и на уровне рядовых сотрудников, имеющих доступ к денежным потокам. Злоумышленники могут использовать различные методы, от прямого хищения до манипуляций с финансовой отчетностью.

Третий вид – мошенничество в онлайн-сборе пожертвований. Иногда мошенники создают фиктивные сборы пожертвований в Интернете под видом помощи нуждающимся или природным катастрофам. Люди могут стать жертвами таких действий и потерять свои деньги.

Также встречается такой вид мошенничества, когда благотворительные организации намеренно завышают свои расходы на административные и управленческие нужды, оставляя лишь небольшую долю средств для реализации благотворительных программ.

М.П. Клейменов и Е.К. Сенокосова выделяют еще такой вид мошенничества, как токсичная благотворительность – тот случай, когда родители больных детей сами обращаются в благотворительные фонды, к волонтерам, которые впоследствии, собрав деньги, скрываются [7, с. 699-700].

Причинами данных видов преступности являются различные факторы.

Одной из основных причин мошенничества в благотворительности является стремление к личной выгоде. Некоторые люди, занимающие руководящие должности в благотворительных организациях, могут использовать свое положение для незаконного обогащения, направляя пожертвования на покры-

тие личных расходов или перечисляя средства на подконтрольные им счета.

Второй причиной мошенничества является недостаточный контроль и прозрачность в деятельности благотворительных организаций. Отсутствие четких правил и процедур отчетности, а также слабый надзор со стороны государства и общественности создают благоприятные условия для мошеннических схем.

Третьей причиной является то, что некоторые люди могут быть движимы желанием быстро получить деньги, не прилагая особых усилий. Они могут использовать доверчивость и сострадание людей, чтобы обманым путем получить пожертвования, создавая фиктивные истории о нуждающихся или используя имена известных благотворительных организаций.

Четвертой причиной мошенничества в благотворительности является недостаток информированности среди жертвователей. Многие люди не знают, как проверить достоверность благотворительных организаций и их деятельности, что делает их более уязвимыми для мошеннических схем.

Эффективное противодействие мошенничеству предполагает использование целого комплекса различных правовых мер, среди которых особое место занимают меры уголовно-правового, уголовно-процессуального и криминалистического характера. Однако при этом следует учитывать, что «излишнее внимание» законодателя к благотворительной деятельности может привести к бюрократизации осуществления благотворительных процедур. Усложнение системы российского законодательства в целом, избыточная правовая регламентация, «нагромождение» нормативных предписаний различного уровня, их коллизийность, как часто демонстрирует практика, отнюдь не способствуют укреплению того или иного института, а порой, напротив, тормозят и препятствуют его эффективному и прогрессивному развитию [8, с. 7]. Мошенничество в сфере благотворительности не является исключением из этого общего правила [9, с. 364]. Для борьбы с мошенничеством в сфере благотворительности важно соблюдать некоторые условия. Во-первых, необходимо проверять репутацию и деятельность

благотворительных организаций перед тем, как делать им пожертвования. Во-вторых, использовать известные и проверенные онлайн-платформы для сбора пожертвований. В-третьих, выбирать благотворительные организации, которые открыто делятся информацией о своей деятельности и расходах.

Но, несмотря на все известные факторы и условия данной преступности, к сожалению, существуют проблемы правового противодействия мошенничеству, связанные со сбором средств на благотворительную деятельность.

1. Недостаточная прозрачность и контроль благотворительной деятельности

Одним из факторов данной проблемы является недостаточная прозрачность финансовых операций благотворительных организаций. В.М. Соловьев и А.Н. Косых считают, что в России выделение средств на благотворительность неподконтрольно, и потому с момента их выделения и до распределения (сверху вниз) большое количество средств «распыляется» из-за коррупции. Это делает необходимой осуществление благотворительности с учетом адресности и местного контроля со стороны общественных организаций [10, с. 306].

Многие благотворительные организации не предоставляют подробной информации о том, как используются собранные средства, что создает риск их ненадлежащего использования или злоупотреблений. К.Б. Макарова отмечает, что пробелы законодательства как в гражданской, так и в налоговой сферах выступают в роли фундамента для возможностей предпринимателям нецелевым образом расходовать благотворительные ресурсы, в частности, денежные средства [6, с. 132]. Недостаток доступной информации делает сложным оценку эффективности и добросовестности деятельности благотворительных организаций.

Вторым фактором является недостаток эффективного контроля над целевым использованием пожертвований. Отсутствие механизмов проверки и отчетности может способствовать злоупотреблениям и мошенничеству в сфере благотворительности. Н.М. Калина отмечает, что государство неспособно обеспечить контроль над деятельностью множества благотворительных фондов и организа-

ций [11, с. 135]. Без строгого контроля существует риск того, что пожертвования могут быть использованы не по назначению или утрачены из-за неэффективного управления.

В настоящее время за деятельностью благотворительных организаций осуществляется прокурорский надзор.

Прокуроры осуществляют надзор за соблюдением благотворительными организациями требований законодательства при осуществлении ими уставной деятельности, а также за правильностью расходования ими благотворительных средств. Особое внимание уделяется проверке соблюдения благотворительными организациями требований законодательства о раскрытии информации о своей деятельности, об использовании имущества и благотворительных средств, а также о результатах своей деятельности.

Прокурорский надзор в сфере благотворительности играет важную роль в обеспечении законности и прозрачности деятельности благотворительных организаций, защите прав и законных интересов всех участников благотворительных отношений, но, к сожалению, не всегда является эффективным средством надзора, так как законодатель не определил объем полномочий прокурора при надзоре в данной сфере, а также не установил сроки для тех или иных действий, вследствие чего возникают различные споры. Так, Конституционный суд Российской Федерации указал, что прокуратура не подменяет другие государственные органы, и проверка, проводимая прокуратурой, носит внесведомственный и межотраслевой характер. Специальный контроль над некоммерческими организациями осуществляется Минюстом РФ⁵.

Анализ практики надзорной деятельности прокуратуры показал, что самым распространенным основанием для прокурорского вмешательства являются нарушения общественными благотворительными организациями правил о ежегодном информировании о продолжении своей деятельности, предоставлении информации, в частности решений руководящих органов и должност-

⁵ Об утверждении Положения о федеральном государственном надзоре за деятельностью некоммерческих организаций: Постановление Правительства РФ от 11.07.2012 № 705. Доступ из СПС Консультант Плюс.

ных лиц, годовых и квартальных отчетов о деятельности в объеме сведений, которые были поданы в налоговые органы. Такие нарушения могут быть как в форме полного неинформирования, так и в форме ненадлежащего или несвоевременного информирования. Прокурорами нередко выявляются факты нарушений порядка управления (относительно состава и процедуры формирования руководящих органов, срока полномочий их членов, порядка и условий их созыва и функционирования), порядка приема членов общественной и религиозных организаций, закрепленных уставами данных организаций. Также в ходе прокурорских проверок выявлялись нарушения в сфере санитарно-эпидемиологического надзора, регистрационного учета граждан, пожарной безопасности [12, с. 433].

Для решения проблемы недостаточной прозрачности и контроля в благотворительной деятельности, по-нашему мнению, необходимо принять следующие меры:

1. Обязательное предоставление ежемесячной отчетности. Законодательно установить требование обязательного предоставления подробных финансовых отчетов и отчетов об использовании средств для всех благотворительных организаций. На сегодняшний день предусмотрена лишь отчетность по долгосрочным периодам: квартал, полугодие, 9 месяцев.

2. Усиление надзора и контроля. Создать эффективные механизмы надзора и контроля за деятельностью благотворительных организаций, включая аудиты и проверки со стороны независимых организаций и экспертов, подведомственных государственных структур.

3. Повышение осведомленности общества. Проводить образовательные кампании для общественности о принципах прозрачности и этике в благотворительной деятельности, чтобы повысить осведомленность участников и заинтересованных лиц.

4. Содействие саморегулированию. Поддерживать и поощрять развитие саморегулируемых организаций и стандартов в сфере благотворительности для повышения этических стандартов и ответственности.

Недостаточная прозрачность и контроль в благотворительной деятельности – это серь-

езная проблема, требующая комплексного подхода и совместных усилий со стороны государства, общественности и самих благотворительных организаций. Решение этой проблемы позволит укрепить доверие к благотворительной сфере, обеспечить эффективное использование средств и повысить социальную ответственность всех участников этого важного процесса.

2. Сложности в регулировании онлайн-сбора пожертвований при благотворительной деятельности

Ежегодно в России осуществляется материальная помощь нуждающимся, основным инструментом которой являются финансовые средства. В настоящее время можно отметить различные способы их перевода. Некоммерческие организации способствуют участникам благотворительности в этом процессе посредством предоставления услуг электронных ресурсов – Интернет, теле- и радиовещание, СМС (служба коротких сообщений). Все вышеперечисленное формирует понятие «электронная благотворительность» [13, с. 1453].

В последние годы онлайн-сбор пожертвований стал все более популярным и эффективным способом поддержки благотворительных организаций. Однако с ростом онлайн-сбора пожертвований возникают сложности в его регулировании, которые могут негативно сказаться на доверии общества и эффективности благотворительной деятельности.

Одной из основных сложностей является недостаток прозрачности и доверия в онлайн-сборе пожертвований. Интернет предоставляет возможность создания легко доступных платформ для сбора средств, но при этом может быть сложно установить подлинность и надежность таких платформ. Это может вызывать сомнения у потенциальных благотворителей и приводить к снижению объема собранных пожертвований.

Для решения этой проблемы необходимо создание надежных и проверенных платформ для онлайн-сбора пожертвований. Государственные органы и специалисты в сфере IT-услуг могут разрабатывать стандарты и сертификацию для таких платформ, чтобы обеспечить их надежность и прозрачность.

Также в сфере онлайн-сбора пожертвований существует риск злоупотреблений и

мошенничества. Некоторые мошенники могут создавать фиктивные благотворительные организации или подделывать существующие, чтобы получить незаконные выгоды. Это не только вводит в заблуждение жертвователей, но и подрывает доверие к онлайн-сбору пожертвований в целом.

Для борьбы со злоупотреблениями и мошенничеством необходимо введение строгого контроля со стороны правительственных органов и полиции. Также представляется возможным разработать системы проверки подлинности благотворительных организаций и проводить регулярные аудиты для предотвращения мошеннической деятельности.

Еще одной сложностью является то, что правила и законы, регулирующие онлайн-сбор пожертвований, могут отличаться в разных странах или юрисдикциях. Это создает сложности для благотворительных организаций, которые хотят привлечь филантропов из разных стран или проводить глобальные кампании.

Для решения этой проблемы необходимо разработать международные стандарты и соглашения, которые устанавливают единые правила для онлайн-сбора пожертвований. Это позволит упростить процесс сбора пожертвований для благотворительных организаций и обеспечит большую защиту интересов участников благотворительности.

Также необходимо закрепление в российском законодательстве более четких критериев зарубежного финансирования для признания организации иностранным агентом. Такие критерии могут быть установлены в ключе его периодичности и объемов, что позволит исключить влияние разовых пожертвований на деятельность в целом не зависящих от иностранного влияния организаций [14, с. 3].

В будущем онлайн-сбор пожертвований имеет большой потенциал для поддержки благотворительной деятельности, но требует эффективного регулирования. Правительство, благотворительные организации и другие заинтересованные стороны должны работать вместе для разработки и внедрения эффективных механизмов контроля и прозрачности в онлайн-сборе пожертвований.

3. Недостаточная координация между различными органами контроля при сборе

денежных средств при благотворительной деятельности

Одной из основных сложностей является раздробленность контроля и надзора за сбором денежных средств для благотворительных целей. В различных странах и регионах могут действовать различные органы, ответственные за контроль благотворительной деятельности. Это создает сложности в обмене информацией, координации действий и эффективном выявлении нарушений.

Для решения этой проблемы необходимо усилить межведомственное взаимодействие и сотрудничество между различными органами контроля. Это может быть достигнуто путем создания специальных координационных комитетов или органов государственного контроля, которые будут заниматься обменом информацией, разработкой общих методологий контроля и совместными проверками благотворительных организаций.

Еще одной проблемой является недостаток обмена информацией между различными органами контроля при сборе денежных средств для благотворительных целей. Отсутствие единой базы данных или механизмов обмена информацией затрудняет выявление нарушений и эффективное проведение проверок.

Для улучшения обмена информацией необходимо создать централизованную базу данных, в которой будут храниться сведения о благотворительных организациях, проведенных проверках и выявленных нарушениях. Также важно разработать механизмы автоматического информационного обмена между различными органами контроля.

Еще одной проблемой является недостаточная согласованность методологий контроля между различными органами. Разнообразие подходов к контролю и надзору может привести к неоднозначной интерпретации результатов проверок и затруднить принятие единых мер по предотвращению нарушений.

Для устранения этой проблемы необходимо разработать единые методологии контроля и надзора, которые будут использоваться всеми органами контроля при проведении проверок благотворительных организаций. Это позволит обеспечить единый под-

ход к выявлению нарушений и принятию мер по их устранению.

Недостаточная координация между различными органами контроля при сборе денежных средств для благотворительной деятельности представляет серьезную проблему, которая требует внимания и действий со стороны правительственных органов и благотворительных организаций. Усиление координации, обмена информацией и согласованности методологий контроля – ключевые шаги к повышению эффективности контроля над благотворительной деятельностью.

4. Низкая юридическая осведомленность общества при переводе денежных средств для благотворительных целей

Многие люди не имеют должного понимания правовых аспектов благотворительности, включая законы и правила, регулирующие сбор и использование пожертвований. Это может привести к недостаточной осведомленности о том, какие организации являются законными, как правильно перевести деньги и как контролировать их использование. В Концепции содействия развитию благотворительной деятельности в Российской Федерации на период до 2025 г. совершенно определенно указывается на важность эффективного предотвращения и пресечения мошеннической деятельности, осуществляемой под видом сбора благотворительных пожертвований⁶.

Для решения этой проблемы необходимо проводить информационные кампании и образовательные программы, направленные на повышение юридической осведомленности общества в области благотворительности. Важно распространять информацию о правилах и законах, касающихся сбора и использования пожертвований, а также о способах проверки легитимности благотворительных организаций.

Также низкая юридическая осведомленность общества увеличивает риски мошенничества и злоупотреблений при сборе и использовании денежных средств для благо-

творительных целей. Люди могут стать жертвами мошенников, которые выдают себя за представителей благотворительных организаций, или могут переводить деньги на сомнительные счета, не имея достаточной информации о надлежащем использовании средств.

Для снижения рисков мошенничества необходимо обучать людей различным способам проверки легитимности благотворительных организаций перед переводом денег. Также важно предоставлять доступ к информации о том, как правильно переводить деньги для благотворительных целей и как контролировать их использование.

Одним из ключевых аспектов повышения доверия общества к благотворительным организациям является обеспечение прозрачности и отчетности в использовании средств.

Также стоит отметить, что в большинстве случаев свой вклад в благотворительный фонд вносят простые граждане. Повышение доверия общества к благотворительности можно добиться путем признания вклада людей. Например, человек внес средства на поддержку сначала пансионата, потом школы, далее пенсионерской организации; у него нет PR-службы как у бизнесменов и крупных организаций, чтобы объявлять об этом. Именно такой человек должен получить признание общества [15, с. 59], тем самым завоевав доверие к благотворительной организации среди общества.

Для улучшения видимости всех процедур благотворительных организаций необходимо обучать их сотрудников правилам ведения финансового учета, составления отчетов и предоставления информации о деятельности. Также важно создавать механизмы обратной связи с обществом для обеспечения открытости и доверия.

Низкая юридическая осведомленность общества при переводе денежных средств для благотворительных целей представляет серьезную проблему, которая требует комплексного подхода со стороны государства, благотворительных организаций и образовательных учреждений. Повышение осведомленности людей о правовых аспектах благотворительности, предоставление доступной информации о проверке легитимности орга-

⁶ О Концепции содействия развитию благотворительной деятельности в Российской Федерации на период до 2025 г.: Распоряжение Правительства РФ от 15.11.2019 № 2705-р. // Информационно-правовой портал Гарант.ру. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72943544/> (дата обращения: 04.05.2024).

низаций и улучшение прозрачности в использовании средств – ключевые шаги к эффективной борьбе с проблемой низкой юридической осведомленности при благотворительных переводах.

Таким образом, благотворительная деятельность в XXI веке расширяет свои возможности как с точки зрения увеличения благотворительных организаций, так и с точки зрения разнообразия форм участия в благотворительности. Но при расширении положительных моментов благотворительной деятельности возникают множество трудностей, которые создают опасность обществу, создавая преступность в виде мошенничества, поэтому необходимо решать проблемы правового противодействия для сокращения уровня преступлений в данной сфере.

Заключение

Преступность при сборе средств на благотворительность представляет серьезную угрозу для общества и благотворительных организаций. Эти преступления зачастую связаны с мошенническими действиями. К сожалению, некоторые люди и организации могут злоупотреблять доверием общества и использовать благотворительность в своих личных целях. Преступники могут создавать фиктивные благотворительные организации, выманивать пожертвования под лживыми предложениями или использовать средства, собранные на благотворительность, для незаконных целей. Это не только наносит ущерб доверию к благотворительности, но и лишает тех, кто действительно нуждается в помощи, возможности получить поддержку.

Борьба с преступностью при сборе средств на благотворительность требует со-

вместных усилий общества, правоохранительных органов, государства и благотворительных организаций. Необходимо усилить регулирование и лицензирование благотворительных организаций для предотвращения мошенничества и злоупотреблений, проводить проверки финансовой отчетности благотворительных организаций для обеспечения честности и эффективного использования средств, обеспечивать образование общественности о том, как правильно проверять благотворительные организации перед тем, как делать пожертвования, осуществлять сотрудничество между правоохранительными органами и благотворительными организациями для борьбы с преступностью в этой сфере, создавать механизмы для обратной связи и жалоб от людей, столкнувшихся с мошенничеством или недобросовестными практиками в благотворительной деятельности. Только совместными усилиями возможно защитить участников благотворительности от злоупотреблений и обеспечить эффективность, чтобы помощь достигала тех, кто действительно нуждается в ней.

Подводя итог всему вышесказанному, стоит сделать вывод, что снизить преступность при сборе средств для благотворительной деятельности возможно лишь при применении всех предложенных мер правового противодействия в совокупности. Только при комплексной работе государственных органов, увеличении отчетов и проверок для благотворительных организаций, правовом обучении граждан-пожертвователей уровень преступности, связанной со сбором средств на благотворительность, будет значительно уменьшен.

Список источников

1. Папаскуа Г.Т. Краудфандинг: понятие, виды и риски // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 7. С. 77-85. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2021.128.7.077-085>, <https://elibrary.ru/foyzkd>
2. Идрисов Х.В., Гайтамирова А.А. «Благотворительное» мошенничество: понятие, причины возникновения и способы профилактики // Вопросы экономики и права. 2019. № 133. С. 7-12. <https://doi.org/10.14451/2.133.7>, <https://elibrary.ru/byppwho>
3. Комарова Е.Н. Проблемы правового регулирования благотворительной деятельности в России // Вестник науки. 2023. Т. 1. № 12 (69). С. 316-320. <https://elibrary.ru/udzxnk>
4. Журавлев В.И. Техничко-стратегические перспективы законодательства в сфере благотворительности // Юридическая техника. 2015. № 9. С. 268-272. <https://elibrary.ru/twwfpl>
5. Антонов И.О. Особенности выявления случаев мошенничества, совершенных при сборе средств на благотворительные цели в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2012. № 2 (76). С. 177-182. <https://elibrary.ru/oycwlv>

6. Макарова К.Б. Энтропия законодательства в сфере благотворительности // Право и управление. 2023. № 1. С. 128-133. <https://doi.org/10.24412/2224-9133-2023-1-128-133>, <https://elibrary.ru/sfbwpa>
7. Клейменов М.П., Сенокосова Е.К. Угрозы криминологической безопасности системы оказания медицинской помощи и их классификация // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11. № 4. С. 696-705. [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2017.11\(4\).696-705](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2017.11(4).696-705), <https://elibrary.ru/zxfuuv>
8. Белякова С.В., Руднева Н.И., Колотова А.С. К вопросу о развитии и правовой регламентации благотворительной деятельности: исторический экскурс и современность // Наука и образование. 2023. Т. 6. № 1. Ст. 41. <https://elibrary.ru/hdyicg>
9. Антонов И.О., Верин А.Ю., Клюкова М.Е. Некоторые аспекты противодействия мошенничеству в сфере благотворительности // Право и государство: теория и практика. 2023. № 10 (226). С. 364-367. https://doi.org/10.47643/1815-1337_2023_10_364, <https://elibrary.ru/осуqen>
10. Соловьев В.М., Косых А.Н. Благотворительная деятельность: современный подход // Современные проблемы экономики и менеджмента: материалы Междунар. практ. конф. М., 2019. С. 305-308. <https://elibrary.ru/ctiegn>
11. Кашина Н.М. Благотворительность в современном российском обществе: вопросы теории и практики // Вестник экономики, права и социологии. 2019. № 2. С. 132-139. <https://elibrary.ru/ofsxti>
12. Першина Е.В. Деятельность органов прокуратуры по обеспечению законности в сфере благотворительности // STUDNET. 2020. Т. 3. № 7. С. 431-436. <https://elibrary.ru/xxgbnv>
13. Михайлова А.В., Седалищева Э.Н. Электронная благотворительность в России // Экономика и социум. 2014. № 4-3 (13). С. 1452-1454. <https://elibrary.ru/tpewnb>
14. Ронжин Н.Г. Проблемы правового регулирования благотворительной деятельности в России // Бизнес и общество. 2024. № 1 (41). Ст. 41. <https://elibrary.ru/xgwaln>
15. Стерлигова Я.М., Стерлигов В.В. О необходимости регулирования благотворительности // Вестник Сибирского государственного индустриального университета. 2016. № 1 (15). С. 56-59. <https://elibrary.ru/vywmih>

References

1. Papaskua G.T. (2021). Crowdfunding: the concept, types and risks. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual Problems of the Russian Law*, vol. 16, no. 7, pp. 77-85. (In Russ.) <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2021.128.7.077-085>, <https://elibrary.ru/ioyzkd>
2. Idrisov Kh.V., Gaitamirova A.A. (2019). "Charitable" fraud: concept, reasons of causes and methods of prevention. *Voprosy ekonomiki i prava = Economic and Law Issues*, no. 133, pp. 7-12. (In Russ.) <https://doi.org/10.14451/2.133.7>, <https://elibrary.ru/bypwho>
3. Komarova E.N. (2023). Problems of legal regulation of charitable activities in Russia. *Vestnik nauki*, vol. 1, no. 12 (69), pp. 316-320. (In Russ.) <https://elibrary.ru/udzxnk>
4. Zhuravlev V.I. (2015). Technical and strategic prospects for lawmaking in the field of charity. *Yuridicheskaya tekhnika = Juridical Techniques*, no. 9, pp. 268-272. (In Russ.) <https://elibrary.ru/twwfpl>
5. Antonov I.O. (2012). The peculiarities of uncovering the instances of swindling committed as a result of fundraising for the charitable purposes over the data telecommunications network Internet. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva = Vestnik of Volzhsky University named after V.N. Tatishchev*, no. 2 (76), pp. 177-182. (In Russ.) <https://elibrary.ru/oycwlv>
6. Makarova K.B. (2023). Entropy of legislation in the field of charit. *Pravo i upravlenie = Law and Management*, no. 1, pp. 128-133. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2224-9133-2023-1-128-133>, <https://elibrary.ru/sfbwpa>
7. Kleimenov M.P., Senokosova E.K. (2017). Threats to the criminological security of the healthcare system and their classification. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, vol. 11, no. 4, pp. 696-705. (In Russ.) [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2017.11\(4\).696-705](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2017.11(4).696-705), <https://elibrary.ru/zxfuuv>
8. Belyakova S.V., Rudneva N.I., Kolotova A.S. (2023). On the development and legal regulation of charitable activities: historical excursion and modernity. *Nauka i obrazovanie*, vol. 6, no. 1, art. 41. (In Russ.) <https://elibrary.ru/hdyicg>
9. Antonov I.O., Verin A.Yu., Klyukova M.E. (2023). Some aspects of countering fraud in the field of charity. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika = Law and State: The Theory and Practice*, no. 10 (226), pp. 364-367. (In Russ.) https://doi.org/10.47643/1815-1337_2023_10_364, <https://elibrary.ru/осуqen>
10. Solov'ev V.M., Kosykh A.N. (2019). Charity: a modern approach. *Materialy Mezhdunarodnoi prakticheskoi konferentsii «Sovremennye problemy ehkonomiki i menedzhmenta» = Proceedings of the International Practical Conference "Modern Problems of Economics and Management"*. Moscow, pp. 305-308. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ctiegn>

11. Kalina N.M. (2019). Charity In modern Russian society: questions of theory and practice. *Vestnik ehkonomiki, prava i sotsiologii = the Review of Economy, the Law and Sociology*, no. 2, pp. 132-139. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ofsxti>
12. Pershina E.V. (2020). Activities of the prosecutor's office to ensure the rule of law in the field of charity. *STUDENT*, vol. 3, no. 7, pp. 431-436. (In Russ.) <https://elibrary.ru/xxgbnv>
13. Mikhailova A.V., Sedalishcheva E.N. (2014). Electronic charity in Russia. *Ekonomika i sotsium = Economy and Society*, no. 4-3 (13), pp. 1452-1454. (In Russ.) <https://elibrary.ru/tpewnb>
14. Ronzhin N.G. (2024). Problems of legal regulation of charitable activities in Russia. *Biznes i obshchestvo*, no. 1 (41), art. 41. (In Russ.) <https://elibrary.ru/xgwalm>
15. Sterligova Ya.M., Sterligov V.V. (2016). On the need to regulate charity. *Vestnik Sibirskogo gosudarstvennogo industrial'nogo universiteta = Bulletin of the Siberian State Industrial University*, no. 1 (15), pp. 56-59. (In Russ.) <https://elibrary.ru/vywmih>

Автор демонстрирует отсутствие конфликта интересов. / Author declare no conflict of interests.

Поступила в редакцию / Received 15.06.2024

Поступила после рецензирования / Revised 17.08.2024

Принята к публикации / Accepted 20.09.2024

Контент доступен под лицензией [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО PROCEDURAL LAW

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 347.91

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-3-420-434>

Шифр научной специальности 5.1.3

Вопросы подведомственности споров третейскому разбирательству. Анализ законодательства государств Центральной Азии (Республики Казахстан и Кыргызской Республики)

© ГАВРИЛЕНКО Владимир Александрович,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России им. Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева», Российская Федерация, 196105, г. Санкт-Петербург, Московский просп., 149; доцент кафедры гражданского права и процесса, ФГБОУ ВО «Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого», Российская Федерация, 173003, г. Великий Новгород, ул. Большая Санкт-Петербургская, 41, <https://orcid.org/0000-0002-7357-3526>, gv22@mail.ru

Аннотация

Проанализированы вопросы подведомственности арбитражному разбирательству споров субъектов предпринимательской деятельности и иных экономических правоотношений. Исследовано регулирование определения компетенции конкретных постоянно действующих арбитражных учреждений на разбирательство конкретных споров. Настоящая публикация продолжает цикл исследований правового регулирования вопросов арбитрабельности споров в различных государствах и правовых системах. Рассмотрено действующее законодательство и арбитражная практика государств бывшего СССР, расположенных в Центральной Азии. Начинается исследование с Республики Казахстан и Кыргызской Республики. Правовая система данных стран была сформирована под влиянием советского и российского права, а также правовых традиций Китайской Народной Республики и Европейского союза. Государства ближнего зарубежья, расположенные в Центральной Азии, характеризуются в целом сформировавшейся рыночной экономикой, но разным уровнем ее развития. Институт коммерческого арбитража, как средство негосударственного разрешения экономических споров, успешно действует в указанных государствах, поскольку востребован в рамках современной экономики и предпринимательской деятельности.

Ключевые слова

коммерческий арбитраж, арбитражное разбирательство споров, третейский суд, подведомственность, арбитрабельность споров, компетенция, Республика Казахстан, Кыргызская Республика

Для цитирования

Гавриленко В.А. Вопросы подведомственности споров третейскому разбирательству. Анализ законодательства государств Центральной Азии (Республики Казахстан и Кыргызской Республики) // Актуальные проблемы государства и права. 2024. Т. 8. № 3. С. 420-434. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-3-420-434>

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-3-420-434>

Jurisdiction issues of disputes to arbitration proceedings. The legislation analysis of the Central Asian States (the Republic of Kazakhstan and the Kyrgyz Republic)

© Vladimir A. GAVRILENKO,

PhD (Law), Associate Professor, Associate Professor of Theory and History of State and Law Department, Saint-Petersburg University State Fire Service of the Ministry of the Russian Federation for Civil Defense, Emergencies and Elimination of Consequences of Natural Disasters named after the Hero of the Russian Federation, Army General E.N. Zinichev, 149 Moskovskiy Ave., St. Petersburg, 196105, Russian Federation; Associate Professor of Civil Law and Process Department, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, 41 Bolshaya Sankt-Peterburgskaya St., Veliky Novgorod, 173003, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-7357-3526>, gv22@mail.ru

Abstract

The jurisdiction issues over arbitration of disputes between business entities and other economic legal relations are analyzed. The regulation of determining the competence of specific permanent arbitration institutions for the specific disputes settlement has been studied. The publication continues the research cycle on the legal regulation of the disputes arbitrability in various States and legal systems. The current legislation and arbitration practice of the former USSR states located in Central Asia are considered. The study begins with the Republic of Kazakhstan and the Kyrgyz Republic. The legal system of these countries was formed under the influence of Soviet and Russian law, as well as the legal traditions of the People's Republic of China and the European Union. The neighboring countries located in Central Asia are characterized by a generally formed market economy, but with different levels of its development. The commercial arbitration institute, as a means of non-governmental settlement of economic disputes, successfully operates in these states, since it is in demand within the framework of modern economics and entrepreneurial activity.

Keywords

commercial arbitration, arbitral tribunal, arbitration proceedings, jurisdiction, disputes arbitrability, competence, Republic of Kazakhstan, Kyrgyz Republic

For citation

Gavrilenko, V.A. (2024). Jurisdiction issues of disputes to arbitration proceedings. The legislation analysis of the Central Asian States (the Republic of Kazakhstan and the Kyrgyz Republic). *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 8, no. 3, pp. 420-434. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-3-420-434>

Введение

Настоящая статья продолжает серию публикаций в предыдущих номерах настоящего журнала, где автор рассматривал вопросы арбитрабельности споров в правовых системах различных государств.

Планируется исследование института коммерческого арбитража и его правовое регулирование в Республике Казахстан и Кыргызской Республике, которые являются го-

сударствами бывшего СССР. В указанных странах окончательно сложилась рыночная экономика, но различного уровня развития.

Казахстан характеризуется относительно большим экономическим оборотом и показателями. Объективно, что «с момента приобретения республикой независимости был провозглашен курс на создание рыночной экономики и активное привлечение государственных инвестиций» [1, с. 87]. Реа-

лизацию указанного курса следует признать успешной.

Кыргызстан характеризуется менее развитой и успешной экономикой и более нестабильной политической системой, чем его сосед. Обозреватели отмечают невысокие экономические показатели и неблагоприятный инвестиционный климат [2, с. 153]. Тем не менее, отмечается поступательное решение проблем и стабильный рост экономики страны¹.

Вышеуказанные обстоятельства показывают необходимость деятельности арбитражных учреждений для разрешения споров и противоречий участников экономических правоотношений.

В течение продолжительного времени Казахстан и Кыргызстан входили в состав СССР, и, соответственно, там действовало советское право, влияние которого, как и современного российского, объективно прослеживается. Экономические взаимоотношения с Китайской Народной Республикой и государствами Европейского союза обуславливают уже влияние их правовых систем на казахское и кыргызское правотворчество и правовые традиции. Не следует обходить вниманием и сформированное последними десятилетиями международное законодательство о коммерческом арбитраже.

Влияние вышеуказанных правовых систем отразилось в национальном праве исследуемых государств и регулировании данным правом вопросов третейского разбирательства споров.

Основные понятия и термины исследуемой темы были подробно изложены в предыдущих статьях настоящего цикла, такие как понятие арбитража и третейского разбирательства споров [3, с. 119], подведомственности и арбитрабельности споров [4, с. 630-631] и различия данных терминов [5, с. 304-305], а также исключительной государственной подведомственности [6, с. 129] и публично-правовых отношений [7, с. 19]. Повторение данных вопросов в настоящей статье нецелесообразно. Рекомендую читателям озна-

комиться с предыдущими статьями автора, указанными в ссылках.

Автор исследует четыре основных вопроса, как и в предыдущих публикациях цикла, касательно законодательного регулирования и практической деятельности института арбитража:

- 1) определение арбитража в правовых актах;
- 2) юридические свойства арбитражного соглашения;
- 3) арбитрабельность видов споров и компетенцию арбитражных учреждений;
- 4) вопросы исполнения арбитражного решения, а также его оспаривания и отмены в связи с нарушением правил арбитрабельности.

Результаты исследования Республика Казахстан

Законодательство Республики Казахстан

В Республике Казахстан арбитраж регулируется Законом «Об арбитраже» от 08 апреля 2016 г. № 488-V ЗРК², который был принят Парламентом и подписан Президентом страны (далее – Закон РК 2016). Данный Закон вступил в силу через 10 дней после официального опубликования и заменил два ранее действовавших правовых акта, такие как Закон «О третейских судах» от 28 декабря 2004 г. № 22-III (далее – Закон РК 2004) и Закон «О международном арбитраже» от 28 декабря 2004 г. № 23-III (далее – Закон РК МКА 2004).

В процессе рассмотрения темы автор планирует при необходимости сравнивать положение действующего и утратившего силу законодательства Республики Казахстан. Также следует отметить, что ранее правовое регулирование национального и международного арбитража осуществлялось различными правовыми актами, по аналогии с Российской Федерацией и некоторыми другими странами. В настоящее время казахские законодатели восприняли общемировую практику регулирования института арбитража единым законодательным актом, что следует признать целесообразным.

Конституцией Республики Казахстан (пункт 1 статьи 13) установлено свободное

¹ Кыргызская Республика. Информационно-аналитический обзор, январь 2023 // АНО Центр стратегических разработок Республики Башкортостан. 2023. С. 32-34.

² Официальная база законов Республики Казахстан. URL: <https://law.gov.kz> (дата обращения: 20.06.2024).

право выбора средств и способов защиты своих прав. Объективно, что «субъекты права по своему усмотрению выбирают: защищать ли себя самостоятельно; обращаться ли за защитой в вышестоящие органы управления; предъявить иск в государственный суд; обратиться ли с заявлением в арбитраж (третейский суд)» [8, с. 19].

Гражданский кодекс Республики Казахстан (общая часть) от 27 декабря 1994 г. № 268-ХІІІ предусматривает право на защиту гражданских прав и интересов посредством арбитража (пункт 1 статьи 9). Гражданский процессуальный кодекс Республики Казахстан (далее – ГПК РК) также предусматривает право сторон гражданско-правовых отношений на передачу спора на рассмотрение арбитража (статья 24).

Отметим, что до 2004 года коммерческий арбитраж в Казахстане регулировался Законом «О порядке разрешения хозяйственных споров арбитражными судами Республики Казахстан» от 17 января 1992 г., который утратил силу в связи с принятием Гражданского процессуального кодекса Республики Казахстан от 13 июля 1999 г. № 411, регулирование которым третейского разбирательства споров было предметом критики со стороны казахских ученых-юристов [9, с. 43-45]. В частности, данный ГПК не регулировал порядок исполнения решений третейских судов [1, с. 9]. Указанный вопрос решался постановлениями высших судебных органов Республики [9, с. 47-49].

Упомянем, что Постановление Конституционного Совета Республики Казахстан³ от 12 февраля 2002 г. № 1 «Об официальном толковании пункта 2 статьи 13 и пункта 1 статьи 75 Конституции Республики Казахстан» осложнило деятельность третейских судов в стране. Провозглашалось, что решение третейского суда не препятствует защите аналогичных прав и интересов в государственном суде, поскольку обращение в третейский суд не является реализацией права на судебную защиту и не означает осуществление правосудия. Соответственно, коммерческий арбитраж потерял эффективность.

³ Высший орган конституционного контроля, действовавший с 1995 по 2022 г. Преобразован в Конституционный суд Республики Казахстан, действующий с 01 января 2023 г.

В настоящий момент указанные проблемы были преодолены правовыми актами сначала 2004 года, а впоследствии 2016 года.

Закон РК 2016 (статья 2) дает определение арбитража как постоянно действующего арбитража (арбитражного учреждения), так и арбитража, образованного для рассмотрения конкретного спора. Арбитражное разбирательство понимается как процесс рассмотрения спора.

Отметим прямой запрет образования третейских судов при государственных органах, государственных предприятиях и монополиях, предусмотренный как текущим (пункт 4 статьи 4 Закона РК 2016), так и ранее действовавшим законодательством (пункт 4 статьи 5 Закона РК 2004).

Принципы арбитражного разбирательства споров практически идентично регулировались настоящим и ранее действовавшим законами. Были прописаны принципы автономии воли сторон (который можно понимать также как принцип диспозитивности), законности, независимости, состязательности и равноправия сторон, справедливости, конфиденциальности (пункты 1-6 статьи 5 Закона РК 2016; статья 4 Закона РК 2004). Обратим внимание, что в ранее действовавшем Законе РК МКА 2004 (статья 4) принцип независимости не был указан, что следует считать упущением с точки зрения юридической техники. Принцип независимости также повторяется в статье 7 Закона РК 2016, где провозглашается постулат о недопустимости вмешательства в деятельность арбитра. Данное положение имелось и в предыдущих правовых актах (статья 8 Закона РК 2004 и статья 5 Закона РК МКА 2004).

Кроме того, в Закон РК 2016 (пункт 7 статьи 4) был добавлен принцип автономности арбитражного соглашения, означающий общепризнанное правило, что недействительность основного договора не влечет недействительности арбитражного соглашения и наоборот.

Данные принципы стандартны и характерны для арбитражного законодательства многих государств [10, с. 45-60].

В основном вышеуказанные принципы носят «общий» характер, а «особенными» принципами, характерными только для института арбитража, можно считать принци-

пы конфиденциальности и автономности арбитражного соглашения.

Нужно упомянуть об Арбитражной палате Казахстана, как некоммерческой самоуправляемой организации, объединяющей арбитров и арбитражные учреждения. Статус, полномочия и вопросы деятельности данной организации прописаны в Главе 2 Закона РК 2016. Интересная особенность казахского законодательства, поскольку, как правило, положения о подобных организациях не прописываются в арбитражном законодательстве.

Арбитражное соглашение

Закон РК 2016 регулирует вопросы арбитражного соглашения, которое является основанием для передачи спора на рассмотрение арбитража (пункт 1 статьи 8), заключается в отношении споров по конкретному гражданско-правовому отношению (пункт 2 статьи 8). Предусмотрено право заключения арбитражного соглашения между физическими и юридическими лицами, а не только юридическими (пункт 5 статьи 8).

По сроку заключения предусмотрено ограничение в отношении споров, которые рассматриваются государственным судом, в этом случае третейское соглашение может быть заключено до принятия решения по спору (пункт 5 статьи 8).

Отметим ограничения для третейских соглашений с целью защиты интересов сторон и недопущения его заключения в отношении контрактов, содержащихся в договоре присоединения. То есть не допускается включение в договор присоединения арбитражного соглашения или оговорки. Арбитражное соглашение в данной ситуации можно заключить только после возникновения оснований для предъявления иска (пункт 4 статьи 8 Закона РК 2016).

Установлено требование к письменной форме арбитражного соглашения, которой признается помимо стандартного письменного документа также обмен письмами, документами, исковыми заявлениями и отзывами, которые содержат прямое указание на соответствующие договоренности сторон (пункты 1–2 статьи 9 Закона РК 2016).

Также ссылка в договоре, заключенном в письменной форме, на документ, содержащий договоренности сторон об арбитражном разбирательстве спора, будет считаться

заключенным арбитражным соглашением (пункт 3 статьи 9 Закона РК 2016).

Отметим, что ранее действовавшее законодательство содержало положение, что при передаче спора в постоянно действующий третейский суд регламент постоянно действующего третейского суда рассматривается в качестве неотъемлемой части третейского соглашения (пункт 3 статьи 10 Закона РК 2004). На мой взгляд, положение обосновано, поскольку намерение сторон передать спор на рассмотрение в постоянно действующее арбитражное учреждение априори означает согласие сторон следовать регламенту и правилам данного учреждения. Потому целесообразно предусмотреть в законодательстве подобное положение, заранее разъясняющее данный вопрос. Тем не менее, казахские законодатели решили удалить вышеуказанный постулат из действующего правового акта.

Содержание арбитражного соглашения прописывается стандартное без особых подробностей. Необходимо указать намерение сторон, предмет основного договора, конкретный арбитраж и согласие уполномоченного органа, если одна из сторон соглашения является государственным/муниципальным органом/предприятием (пункт 4 статьи 9 Закона РК 2016).

Арбитрабельность споров

Вопросы арбитрабельности споров разрешаются казахским правом следующим образом. Закон РК 2016 (статья 1) прямо оговаривает его применение в отношении споров, возникших из гражданско-правовых отношений с участием физических и (или) юридических лиц, которые разрешаются посредством арбитража. Аналогичная норма содержалась в Законе РК 2004 (статья 1).

Прямо прописаны виды споров, являющихся прерогативой государственной юстиции и не подлежащих третейскому разбирательству. Это споры об интересах несовершеннолетних, недееспособных и ограничено дееспособных лиц; о реабилитации и банкротстве; между субъектами естественных монополий и их потребителями; между государственными органами, субъектами квазигосударственного сектора; возникающие из личных неимущественных отношений, не

связанных с имущественными (пункты 7–9 статьи 8 Закона РК 2016).

Кроме того, если одной из сторон спора являются государственные/муниципальные органы, государственные предприятия и юридические лица с государственной принадлежностью (50 и более процентов акций принадлежит государству), необходимо согласие уполномоченного органа вышеуказанных сторон, оформленное в установленном порядке. В противном случае, арбитражное соглашение считается недействительным (пункт 10 статьи 8 Закона РК 2016).

Вышеуказанные положения повторяют ранее действовавшие законы, за исключением отсутствия арбитрабельности споров в отношении прав и интересов государственных/муниципальных субъектов и лиц, не являющихся участниками третейского соглашения (пункт 5 статьи 7 Закона РК 2004).

То есть в настоящее время арбитрабельна большая часть гражданско-правовых споров, но предусмотрены исключения и ограничения по некоторым видам споров и субъектам. Положительно оцениваю возможность использования арбитражной процедуры государственными/муниципальными субъектами в защите своих прав, что соответствует принципу диспозитивности. Также необходимо понимать, что государственные/муниципальные субъекты являются обычными участниками гражданских правоотношений и экономического оборота наравне с другими субъектами, поэтому защита прав и интересов в их отношении не должна иметь существенных различий.

Тем не менее, согласимся с точкой зрения, что споры, стороной которых является госорган, рассматриваемые посредством арбитража, должны соответствовать двум условиям. «Спор должен быть гражданско-правовым. Не могут рассматриваться налоговые, таможенные и прочие административные споры; должно быть заключено третейское соглашение между госорганом и другой стороной спора» [11, с. 144].

Необходимо указать отсутствие упоминаний в ГПК РК и Законе РК 2016 арбитрабельности семейных споров, наследственных споров и споров по вопросам гражданского состояния. В традиции континентальной системы права, к которой принадлежит Россий-

ская Федерация, Республика Казахстан и прочие государства ближнего зарубежья, указанные споры неарбитрабельны.

Возможно толковать нормы статьи 1 Закона РК 2016, как исключающие арбитрабельность вышеуказанных споров, поскольку в данных нормах прописаны исключительно споры, возникшие из гражданско-правовых отношений, как подлежащие арбитражному разбирательству.

Но, повторю свой вывод, приводившийся в предыдущих публикациях. «Автор полагает необходимым предусмотреть указание всех видов споров, не подлежащих арбитражному разбирательству и не подведомственных третейским судам в одном правовом акте, регулирующем институт коммерческого арбитража, при необходимости делая на него ссылки в иных правовых актах» [5, с. 318].

Рассмотрим вопросы компетенции определенных третейских судов на разбирательство конкретного спора.

Напомним общепризнанное правило. «Все законы об арбитраже сходятся во мнении, что арбитры могут выносить решения относительно своей юрисдикции и что положительное решение в любом случае подлежит судебному контролю» [12, р. 185]. Общепризнанный принцип компетенции-компетенции, когда состав арбитража самостоятельно принимает решение о наличии или отсутствии у него полномочий на разбирательство дела. Закон РК 2016 также придерживается указанного принципа (пункт 1 статьи 20). Стороны имеют право оспаривать данное решение арбитров (пункты 2–4 статьи 20).

При определении компетенции состав арбитража должен решить несколько вопросов: заключено ли вообще третейское соглашение, какой круг вопросов охватывается соглашением и, наконец, может ли данный спор быть рассмотрен в третейском суде.

Обратим внимание на правовое регулирование биржевых сделок, споры в отношении которых входят в компетенцию арбитража при соответствующей бирже, решение которого может быть отменено судом в случаях, предусмотренных законодательством (пункт 5 статьи 156 ГК РК). То есть исключительная компетенция, ограниченная рамками биржи, где совершена сделка.

Рассмотрим Регламент Международного арбитражного суда (IAC), расположенного в городе Алматы Республики Казахстан. Регламент данного учреждения⁴ в пункте 5 статьи 2 устанавливает следующие правила определения компетенции, когда до формирования состава арбитража указанный вопрос разрешает Председатель данного учреждения, но окончательное решение принимает состав арбитража.

Закон РК 2016 устанавливает общепризнанный порядок определения применимого права в соответствии с выбором сторон. Существует исключение касательно особых субъектов, таких как: государственные/муниципальные органы, государственные предприятия и юридические лица с государственной принадлежностью (50 и более процентов акций принадлежит государству). Если данные субъекты являются стороной спора, то применяется право Республики Казахстан, если иное не установлено международными соглашениями (пункт 1 статьи 44). При отсутствии соглашения сторон о применимом праве используется право Республики Казахстан (пункт 2 статьи 44), а при отсутствии норм права – обычаи делового оборота (пункт 3 статьи 44).

Отметим, что Закон РК 2004 не содержал положений о применимом праве, а Закон РК МКА 2004 предусматривал возможность сторон выбора применимого права (статья 26).

Вопросы исполнения арбитражного решения

Рассмотрим, прежде всего, основания для отмены арбитражного решения, связанные с вопросами подведомственности и компетенции. Закон РК 2016 предусматривает основания отмены арбитражного решения, если спор не подведомственен арбитражному разбирательству в соответствии с законодательством, либо решение противоречит публичному порядку страны (пункт 2 статьи 52), если решение касается вопросов, не предусмотренных арбитражным соглашением (пункт 1 статьи 52). То есть, имеются в виду нарушения правил арбитрабельности

споров в виде подведомственности и компетенции. По поводу публичного порядка и возможности очень широкого толкования данного термина, влекущими неоправданно большие дискреционные полномочия органов судебной власти, автор высказывался в научных работах⁵.

Процессуальный порядок отмены арбитражных решений органами судебной власти прописан в Главе 56 ГПК РК (статьи 464-465).

Обратим внимание, что Закон РК 2004 (статья 44) и Закон РК МКА 2004 (статья 31) в целом аналогично регулировал данный вопрос, но предусматривал недействительность арбитражного соглашения как основание для отмены арбитражного решения (отсутствует в Законе РК). Кроме того, Закон РК 2004 (статья 44) не упоминал о нарушении правил подведомственности споров.

Законодательство Республики Казахстан провозглашает обязанность сторон добровольно исполнить арбитражное решение (статья 54, пункт 1 статьи 55 Закона РК 2016). В ситуации неисполнения в добровольном порядке имеется возможность обратиться в государственный суд для его принудительного исполнения (статья 55 Закона РК 2016). Процессуальный порядок принудительного исполнения арбитражных решений органами судебной власти прописан в Главе 20 ГПК РК (статьи 253–255). Предусматривается признание и исполнение иностранных арбитражей в соответствии с действующим национальным законодательством и международными соглашениями (статья 501 ГПК РК).

Процедура, по которой государство легализует арбитражное решение, имеет большую важность, так как определяет эффективность арбитражного института. Казахские законодатели решили не прописывать вопросы признания арбитражного решения государственными судами, а урегулировать процедуру выдачи исполнительного листа в целях принудительного исполнения данного решения. Процедура отмены решения третейского суда также прописана в законодательстве и регулируется схожим образом.

⁴ Регламент Международного арбитражного суда (IAC). URL: <https://arbitration.kz/reglament> (дата обращения: 20.06.2024).

⁵ Гавриленко В.А. Третейское разбирательство споров как гарантия защиты прав и интересов субъектов предпринимательской деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2006. С. 25.

Следует указать, что компетентный государственный суд не проверяет решение арбитража по существу, а дает оценку определенным процессуальным вопросам.

Имеются основания, указанные в Законе РК 2016 (статья 57) и ГПК РК (статья 255), для отказа в принудительном исполнении решения третейского суда. По сути нормы двух правовых актов дублируют друг друга.

Основания, связанные с компетенцией арбитража, такие как: недействительность арбитражного соглашения и содержащиеся в решении вопросы, не предусмотренные арбитражным соглашением.

Основания противоречия арбитражного решения публичному порядку страны и нарушения правил подведомственности спора арбитражному разбирательству.

Имеются интересные особенности правового регулирования рассмотренных вопросов. Основания для отмены арбитражного решения и для отказа в его принудительном исполнении несколько отличаются, хотя и незначительно. Недействительность арбитражного соглашения служит основанием для отказа в его принудительном исполнении, но не отмене.

Итогом вышеуказанных процедур является лишение арбитражного решения его правовой силы, поэтому необъяснимо указанное расхождение в правовом регулировании. Кроме того, основания для отказа в принудительном исполнении дублируются в Законе РК 2016 и ГПК РК, а основания для отмены решения содержатся только в Законе РК 2016.

Полагаю, что данные разночтения не представляют собой замысел законодателей, а являются недочетами с точки зрения юридической техники.

Укажем, что подведомственность государственных судов на разбирательство дел об отмене и принудительном исполнении решений третейских судов прямо прописана в ГПК РК (пункт 6 статьи 23).

В окончании исследования казахского права рассмотрим вопрос взаимодействия и сотрудничества арбитражей и государственных судов.

Законодательство прописывает процедуру содействия органов государственной судебной системы в применении обеспечительных мер и получении доказательств (ста-

тья 39 Закона РК 2016; пункт 10 статьи 73 ГПК РК; пункт 1 статьи 155 ГПК РК). Данные правила являются отражением международно-признанного принципа содействия институту арбитража со стороны органов судебной власти, которые имеют императивные полномочия. Арбитры и третейские суды таких полномочий не имеют, поскольку арбитраж является договорным институтом.

Также государственные суды оставляют исковое заявление без рассмотрения, если по предмету спора заключено арбитражное соглашение (пункт 5 статьи 279 ГПК РК), и прекращают производство по делу, если по нему вынесено арбитражное решение (пункт 3 статьи 277 ГПК РК). В начале судебного разбирательства спора судья разъясняет сторонам их право разрешить спор посредством процедуры арбитража (статья 194 ГПК РК).

Вышеуказанные положения свидетельствуют о взаимодействии и взаимопомощи арбитражей и государственных судов.

Кыргызская Республика

Законодательство Кыргызской Республики

Закон «О Третейских судах в Кыргызской Республике» (далее – Закон КР 2002), от 30 июля 2002 г. № 135 регулирует институт арбитража в стране⁶. Данный Закон вступил в силу 7 августа 2002 г. В настоящий Закон внесены изменения и дополнения. Последние изменения были внесены Законом от 23 июля 2024 г. № 136.

Отметим, что в период с 1999 по 2002 г. в Кыргызстане не действовали третейские суды. В 1999 г. вступил в силу Гражданский процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 29 декабря 1999 г. № 146⁷, из которого были исключены нормы, предусматривающие возможность передачи споров в третейские суды, что было обусловлено принятием Конституционным судом Кыргызской Республики решения, где утверждалось несоответствие правовой основы создания и деятельности третейских судов положениям Конституции. Но впоследствии законодатели пришли к пониманию необходимости развития института арбитражного разбиратель-

⁶ Централизованный банк данных правовой информации Кыргызской Республики. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/ru> (дата обращения: 20.06.2024).

⁷ Утратил силу с 01 июля 2017 г.

ства как альтернативного способа разрешения споров. Был принят вышеуказанный Закон КР и отредактирован Гражданский процессуальный кодекс, куда были включены нормы, регулирующие взаимоотношения третейских и государственных судов.

В настоящее время с 01 июля 2017 г. действует Гражданский процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 25 января 2017 г. № 14 (далее – ГПК КР), содержащий нормы, регулирующие арбитражное разбирательство споров.

Отметим, что в 2003 г. в очередной редакции Конституции Кыргызской Республики от 05 мая 1993 г. был закреплен правовой статус третейских судов (статья 38). В следующей Конституции Кыргызской Республики от 27 июня 2010 г. также предусматривалось право учреждения третейских судов для внесудебного разрешения споров (статья 58).

Действующая в настоящее время Конституция Кыргызской Республики от 05 мая 2021 г. также содержит положения о праве организации третейских судов для внесудебного разрешения споров (пункт 3 статьи 61).

Рассмотрим далее Закон КР 2002. Представляется, что при разработке настоящего Закона использовались опыт и наработки как российского права, так и международно-правовых актов в сфере арбитража. Правовое регулирование Законом КР 2002 ряда вопросов третейского разбирательства споров осуществляется аналогично с общепризнанной арбитражной теорией и практикой, которая отражена в модельном законе «О международном коммерческом арбитраже», разработанном Комиссией ООН по праву международной торговли (UNCITRAL) в 1985 г. и одобренного Резолюцией № 40/72 Генеральной Ассамблеи ООН, последние дополнения в который вносились в 2006 г. Резолюцией № 61/33⁸.

Закон КР 2002 (статья 2) определяет третейский суд как единоличного арбитра или коллегии арбитров, а третейское разбиратель-

ство – как процесс рассмотрения спора в порядке, предусмотренном соглашением сторон или применимыми правилами, или настоящим Законом. Вышеуказанные определения представляются неконкретными и расплывчатыми.

Также отметим тождественность понятий арбитраж и третейское разбирательство [13, с. 35]. Обратим внимание, что кыргызские законодатели предпочитают термин третейское разбирательство споров, в то время как казахские – термин арбитраж.

Отметим, что третейские суды не разделяются на внутренние третейские суды и международный коммерческий арбитраж. Законодатель предусмотрел в едином законе унификацию правовых норм, регулирующих национальный и международный коммерческий арбитраж.

Третейский суд в систему государственных судов Кыргызской Республики не входит, что было подтверждено Решением Конституционного суда Кыргызской Республики от 19 февраля 2008 г.

Интересная особенность Закона КР 2002 в том, что принципы третейского разбирательства указаны в Преамбуле. Предусмотрены принципы равенства сторон перед законом и третейским судом, состязательности и обязательности исполнения решения третейского суда.

Рассмотрим их подробно. Принцип равенства сторон выражается в том, что процедура третейского разбирательства проходит таким образом, что противоборствующие стороны обладают равными юридическими возможностями в защите своих прав и законных интересов в суде. Арбитры не должны оказывать предпочтение одной из сторон спора.

Содержание принципа состязательности следует понимать так, что третейское разбирательство споров включает в себя активные действия сторон по обоснованию законности своих требований и возражений путем представления доказательств в подтверждение своей позиции, участия в исследовании и оценке всех собранных по делу доказательств, осуществления всех иных процессуальных действий, необходимых для отстаивания своей позиции.

Обязательность исполнения решения третейского суда проявляется в обязанности

⁸ UNCITRAL «Model Law on International Commercial Arbitration» of June 21, 1985 (with changes of July 7, 2006) adopted by United Nations General Assembly resolutions of December 11, 1985. № 40/72 and of December 4, 2006 № 61/33. URL: <https://uncitral.un.org/en/texts/arbitration> (accessed: 20.06.2024).

сторон его добровольного исполнения в полном объеме, которое обусловлено тем, что стороны по собственной воле выбрали третейское разбирательство в качестве формы разрешения спора. В ситуации недобросовестности одной из сторон спора существует механизм исполнения принудительно по правилам исполнительного производства.

Кроме того, упоминается принцип конфиденциальности разбирательства спора (статья 19 Закона КР 2002). Составу арбитража запрещается разглашать обстоятельства дела без согласия сторон, и предусмотрен свидетельский иммунитет арбитров.

Арбитражное соглашение

Вопросы, связанные с арбитражным соглашением, не слишком подробно регулируются законодательством (глава 2 статьи 7 Закона КР 2002).

Правовым основанием передачи спора на рассмотрение третейского суда является третейское соглашение (статья 5 Закона КР 2002). Законодатель устанавливает право сторон передать на разрешение третейского суда спор, уже рассматриваемый государственным судом. Указано два ограничения этого правила, такие как принятие государственным судом решения по делу и заключение мирового соглашения. Также установлена обязанность компетентного государственного суда отказать в принятии искового заявления по спору, который является предметом третейского соглашения. Если в процессе рассмотрения дела будет установлено наличие третейского соглашения, суд обязан прекратить производство по делу.

Стороны имеют право заключить третейское соглашение о передаче на рассмотрение третейского суда всех или определенных споров, которые возникли или могут возникнуть между ними в связи с гражданскими правоотношениями. Заключить третейское соглашение можно как до возникновения конкретного спора, так и после, как в виде отдельного договора, так и оговорки в договоре (пункт 1 статьи 7 Закона КР 2002).

Третейское соглашение обязательно должно быть заключено в письменной форме. Устная форма не допускается, что следует считать обоснованным ограничением. Обмен письмами, сообщениями с использованием различных средств связи, обеспечи-

вающие фиксацию соглашения, ссылка в основном договоре (в письменной форме) на документ, содержащий арбитражную оговорку, понимается как соблюдение письменной формы (пункт 2 статьи 7 Закона КР 2002).

Законодатель не предусмотрел возможность заключения письменного третейского соглашения путем обмена иском заявлением и отзывом на иск, где одна сторона утверждает о наличии соглашения, а другая против этого не возражает.

Третейское соглашение должно содержать положение о том, что любой спор, разногласие или требование, возникающие из спора между сторонами, подлежит рассмотрению в третейском суде, а также наименование третейского суда, который должен рассмотреть возникший спор. Это обязательные требования, несоблюдение которых влечет недействительность третейского соглашения (пункт 3 статьи 7 Закона КР 2002).

Арбитрабельность споров

Вопросы арбитрабельности споров кыргызским законодательством освещаются достаточно детально. Закон КР 2002 в самом начале (статья 1) указывает, что третейский суд рассматривает споры, возникающие из гражданских правоотношений, подведомственные компетентному суду, за исключением споров, установленных законодательством. Возможно разбирательство споров, в которых одной или обеими сторонами выступают граждане (пункт 1 статьи 45).

Отметим, что в Законе КР 2002 (пункт 2 статьи 45) указаны категории дел, подлежащих разбирательству исключительно в государственных судах. Приведем указанные дела: о банкротстве; о защите чести, достоинства и деловой репутации; жалобы на постановления и иные действия судебного исполнителя; об установлении юридических фактов; о возмещении вреда, причиненного жизни и здоровью гражданина; о восстановлении прав по утраченным ценным бумагам; касающиеся наследственных, брачно-семейных правоотношений; касающиеся личных и неимущественных отношений, возникающих между супругами, родителями и детьми; другими членами семьи; возникающие в связи с усыновлением, опекой и попечительством, принятием детей на воспитание; возникающие при регистрации актов гражданского

состояния; споры, в отношении которых невозможность третейское разбирательства установлена законодательством.

Вышеуказанный перечень является исчерпывающим и расширительному толкованию не подлежит.

Особое внимание законодатель обращает на инвестиционные споры, арбитражное разбирательство которых регулируется статьей 46 Закона КР 2002.

При отсутствии в инвестиционном договоре между иностранным инвестором и Кыргызской Республикой третейского соглашения иностранный инвестор вправе инициировать третейское разбирательство в порядке, предусмотренном Законом «Об инвестициях в Кыргызской Республике» № 66 от 27 марта 2003 г., при этом согласие Кыргызской Республики предполагается.

Очевидно особое привилегированное положение иностранного инвестора, что, по замыслу кыргызских законодателей, способствует защите иностранных инвестиций в стране. Устанавливается право иностранных инвесторов на третейское разбирательство инвестиционных споров, другой стороной которых являются государственные органы. Настоящим правом защищаются интересы иностранного инвестора, поскольку у последнего могут быть обоснованные сомнения в полной беспристрастности национальных судов при разбирательстве споров с государственными органами. Обратим внимание, что подобным правом не наделены кыргызские предприниматели, которые не имеют права по своему усмотрению инициировать третейское разбирательство споров с государственными органами.

Предусматривается также возможность арбитражного разбирательства налоговых споров (статья 46.1. Закона КР 2002), которое имеют право инициировать как физические, так и юридические лица. Согласие уполномоченного государственного органа Кыргызской Республики предполагается. Имеется также ограничение для арбитражных учреждений. Разбирательство налоговых споров возможно постоянно действующим третейским судом, непрерывно функционирующим до даты подачи заявления о третейском разбирательстве одной из сторон спора в течение периода не менее 60 месяцев.

Интересное положение, расширяющее подведомственность арбитражей, поскольку обычно налоговые правоотношения, как публичные правоотношения, разбираются государственными органами. Очень редко публичные правоотношения могут быть предметом арбитражного разбирательства. В Кыргызской Республике мы видим такое исключение.

Отметим, что рассмотренная статья 46.1 Закона КР 2002 была принята Законом от 18 января 2022 г. № 4. То есть является юридической новацией.

Споры из государственных закупок также могут быть предметом третейского разбирательства, что предусмотрено пунктом 3 статьи 53 Закона «О государственных закупках» от 14 апреля 2022 г. № 27. Отметим также, что ранее действовавшая редакция настоящего Закона «с 2019 года до мая 2022 года предусматривала обжалование процедур закупок, а также решения закупающей организации, независимой комиссии в третейском суде» [14, с. 268].

По вопросу определения компетенции третейского суда используется общепризнанный принцип компетенции-компетенции. Третейский суд вправе определить свою компетенцию на разбирательство спора, а также разрешить самостоятельно вопросы о наличии и действительности арбитражного соглашения (пункт 1 статьи 14 Закона КР 2002). Следует разделять полное отсутствие компетенции третейского суда и превышение ее пределов. Отсутствие компетенции означает, что третейский суд вообще не вправе рассматривать данный спор. Превышение пределов компетенции означает, что третейское соглашение не включает в себя предмет спора или его часть.

Вопросы исполнения арбитражного решения

Предполагается добровольное исполнение арбитражного решения, которое обусловлено тем, что стороны по собственной воле выбрали третейское разбирательство в качестве формы разрешения спора. Если стороны не исполнили решение третейского суда добровольно в установленный срок, то оно исполняется принудительно по правилам исполнительного производства (статья 40 Закона КР 2002). Отметим, что принцип обяза-

тельности исполнения решения третейского суда (и окончательности тоже) постулируется Регламентом Международного Третейского суда при Торгово-промышленной палате Кыргызской Республики от 03 февраля 2020 г. (пункт 4.4 статьи 4)⁹.

Порядок принудительного исполнения решений третейских судов предусмотрен действующим законодательством (статьи 41–44 Закона КР 2002, глава 46 (статьи 418–422) ГПК КР).

Закон КР 2002 устанавливает перечень оснований для отказа в выдаче исполнительного листа (статья 42). Основаниями, связанными с нарушением правил арбитрабельности и компетенции, являются: решение третейского суда принято по спору, не предусмотренному соглашением сторон или не подпадающему под его условия, или содержит указания по вопросам, выходящим за пределы соглашения; недействительность арбитражного соглашения (оговорки); объект спора не может быть предметом третейского разбирательства по законодательству Кыргызской Республики.

ГПК КР (пункт 2 статьи 421) дублирует соответствующие положения Закона КР и указывает аналогичные основания для отказа в выдаче исполнительного листа.

Отметим, что, в отличие от казахского законодательства, законы Кыргызстана не предусматривают процедуру оспаривания и отмены арбитражного решения. Видимо считается, что данная процедура противоречит постулату об окончательности решения третейского суда, предусмотренному статьей 28 Закона КР 2002 и подтвержденному Решением Конституционной палаты Верховного суда Кыргызской Республики от 9 декабря 2015 г. № 16-р.

Полагаю, что по сути процедура оспаривания и отмены арбитражного решения и отказа в его принудительном исполнении является идентичной по своим правовым последствиям и позволяет органам судебной власти корректировать арбитражные ошибки.

⁹ Регламент Международного Третейского суда при Торгово-промышленной палате Кыргызской Республики (введен в действие с 03.02.2020) (с изм. от 26.06.2020 и от 12.02.2021). URL: http://www.arbitr.kg/web/index.php?act=view_material&id=226 (дата обращения: 20.06.2024).

ГПК КР (статьи 438–439) регулирует также порядок признания и приведения в исполнение иностранных арбитражных решений. Основания отказа в признании и исполнении данных решений в области нарушения правил арбитрабельности аналогичны вышеуказанным основаниям в отношении решений национальных третейских судов. Имеется только дополнительное основание противоречия решения публичному порядку страны (пункт 2 статьи 39 ГПК КР). Стандартное правило, закрепляющее приоритет национальной правовой системы и государственных интересов. Повторю собственное утверждение, что целесообразно закрепление в законодательстве четкого и непротиворечивого понятия публичного порядка с целью избежать каких-либо противоречий в применении и толковании правовых норм [15, с. 47]. Законодательство Республики Кыргызстан не конкретизирует данное понятие, как и законодательство России, Казахстана и многих других стран.

Заключение

Сравнительное исследование законодательства различных государств позволяет объективно анализировать особенности конкретных юридических и правотворческих вопросов, поскольку «зарубежное законодательство изобилует правилами, выработанными многовековой практикой судов» [16, с. 43]. Соседние страны ближнего зарубежья не исключение, поскольку они имеют ценный опыт правотворчества, используя наработки различных правовых систем.

Объективно, коммерческий арбитраж является договорным институтом, основанным на автономии воли сторон. «Принудительно, без согласия, выраженного подписанием арбитражной оговорки либо иным законным образом, никто не может быть привлечен к арбитражному суду» [9, с. 98]. В целях эффективного использования института арбитража субъекты правоотношений должны иметь четкое представление об арбитрабельности видов споров, поскольку не все споры возможно урегулировать в рамках арбитражной процедуры.

Ранее отмечалось, что «правоотношения, связанные с публичным правом и деятельностью органов государственной власти в рамках собственных полномочий, также не

являются предметом третейского разбирательства» [6, с. 130]. Исключением можно считать законодательство Кыргызстана, позволяющее, пусть с оговорками и ограничениями, третейское разбирательство споров в сфере налоговых правоотношений.

Полагаем, что право Республики Казахстан и Кыргызской Республики, регулирующее институт арбитража, подробно указывает арбитрабельные и неарбитрабельные виды споров, что следует признать их преимуществом.

Но отметим достаточно детальное регулирование вышеуказанных вопросов кыргызским законодательством и некоторые недостатки казахского законодательства, в арбитражных нормах которого прописаны не все виды споров, имеющих исключительную

подведомственность государственной судебной системы. В отношении таких видов споров используются нормы других отраслей права, на которые отсутствует конкретное прямое указание в арбитражном законодательстве.

В очередной раз постулирую свою точку зрения, что необходимо указание в правовом акте, регулирующем коммерческий арбитраж, или гражданском процессуальном кодексе всех видов неарбитрабельных споров. Следует «ясно прописывать признаки арбитрабельности споров» [17, с. 13] для функционирования эффективных правовых стандартов, которые будут способствовать дальнейшему развитию коммерческого арбитража, признаваемого в мировой юриспруденции перспективной отраслью [18, р. 3].

Список источников

1. Третейский суд в Казахстане: проблемы правового регулирования: материалы Междунар. науч.-практ. конф. // отв. ред. М.К. Сулейменов. Алматы: Казан. гос. юрид. ун-т, 2003. 306 с.
2. Митрофанов Н.М. Экономико-географический обзор Кыргызстана. Экономическая трансформация Кыргызстана за постсоветский период // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. №. 12-3 (75). С. 151-154. <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2022-12-3-151-154>, <https://elibrary.ru/vxpzfb>
3. Гавриленко В.А. Вопросы подведомственности споров третейскому разбирательству. Анализ законодательства Балтийских государств (Латвийской Республики и Эстонской Республики) // Актуальные проблемы государства и права. 2024. Т. 8. № 1. С. 117-129. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-1-117-129>, <https://elibrary.ru/darqbc>
4. Гавриленко В.А. Вопросы подведомственности споров третейскому разбирательству. Анализ законодательства Литовской Республики // Актуальные проблемы государства и права. 2023. Т. 7. № 4. С. 629-636. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-4-629-636>, <https://elibrary.ru/dacdqk>
5. Гавриленко В.А. Вопросы подведомственности споров третейскому разбирательству. Сравнительный анализ законодательства государств Арктического региона // Актуальные проблемы государства и права. 2023. Т. 7. № 2. С. 303-318. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-2-303-318>, <https://elibrary.ru/mezpyu>
6. Гавриленко В.А. Вопросы подведомственности споров третейскому разбирательству. Сравнительный анализ законодательства государств БРИКС // Актуальные проблемы государства и права. 2023. Т. 7. № 1. С. 120-131. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-1-120-131>, <https://elibrary.ru/qvgxsj>
7. Гавриленко В.А. Особенности третейского разбирательства споров в современной России // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2018. № 2 (39). С. 18-26. <https://elibrary.ru/yajsrff>
8. Тлегенова Ф.А. Третейский суд и международный арбитраж. Алматы, 2014. 42 с.
9. Сулейменов М.К. Арбитражные (третейские) суды в Казахстане. Прошлое, настоящее, будущее. Алматы, 2007. 430 с.
10. Курочкин С.А. Международный коммерческий арбитраж и третейское разбирательство. М.: Инфотопик Медиа, 2013. 260 с. <https://elibrary.ru/sdtywn>
11. Сулейменов М.К., Дуйсенова А.Е. Компетенция третейских судов и арбитражей по законодательству Республики Казахстан // Сборник статей / сост. и отв. ред. И.П. Грешников. М.: Статут, 2015. С. 129-144.
12. Sanders P. Quo Vadis Arbitration? The Hague: Kluwer Law International, 1999. 472 p.
13. Авдеев Ю.А., Гавриленко В.А., Долюницын А.Б. Институт альтернативного разрешения правовых споров. СПб., 2022. 64 с. <https://elibrary.ru/ilrrau>

14. Аленкина Н.Б., Асамбаева Д.С. Прозрачность и добросовестное управление в третейских судах: опыт Кыргызской Республики // Третейский суд. 2022. № 2/3 (130/131). С. 266-287. <https://elibrary.ru/jyvwqi>
15. Гавриленко В.А. Институт публичного порядка и его определение // Адвокатская практика. 2006. № 2. С. 44-47.
16. Ковалева Н.В., Кузнецов Е.Е. Назначение экспертизы в гражданском процессе по законодательству Российской Федерации // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2023. № 1 (58). С. 42-49. <https://elibrary.ru/lzyfjg>
17. Гавриленко В.А. Вопросы арбитражного разбирательства споров о возмещении ущерба от чрезвычайных ситуаций в странах Арктического региона // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2021. № 2 (51). С. 10-14. <https://elibrary.ru/bdgvuv>
18. El Ahdab J., Mainguy D. Droit de l'arbitrage Théorie et pratique. France: LexisNexis, 2021. 1062 p.

References

1. Suleimenov M.K. (executive ed.). (2003). *Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Treteiskii sud v Kazakhstane: problemy pravovogo regulirovaniya»*. Almaty, Maqsut Narikbayev University Publ., 306 p. (In Russ.)
2. Mitrofanov N.M. (2022). Economic and geographic overview of Kyrgyzstan. Economic transformation of Kyrgyzstan in the post-Soviet period. *Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk = International Journal of Humanities and Natural Sciences*, no. 12-3 (75), pp. 151-154. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2022-12-3-151-154>, <https://elibrary.ru/vxpzfb>
3. Gavrilenko V.A. (2024). Issues of jurisdiction of disputes for arbitration proceedings. comparative analysis of legislation of Baltic States (Latvian Republic and Estonian Republic). *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 8, no. 1, pp. 117-129. (In Russ.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-1-117-129>, <https://elibrary.ru/darqbc>
4. Gavrilenko V.A. (2023). Issues of jurisdiction of disputes for arbitration proceedings. Lithuanian Republic's legislation analysis. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 7, no. 4, pp. 629-636. (In Russ.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-4-629-636>, <https://elibrary.ru/dacdqk>
5. Gavrilenko V.A. (2023). Issues of jurisdiction of disputes to arbitration. Comparative analysis of legislation of the States of Arctic Region. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 7, no. 2, pp. 303-318. (In Russ.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-2-303-318>, <https://elibrary.ru/mezpuu>
6. Gavrilenko V.A. (2023). Issues of jurisdiction of disputes to arbitration. Comparative analysis of legislation of BRICS states. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 7, no. 1, pp. 120-131. (In Russ.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-1-120-131>, <https://elibrary.ru/qvngxj>
7. Gavrilenko V.A. (2018). Features of arbitration of disputes in modern Russia. *Pravo. Bezopasnost'. Chrezvychainye situatsii*, no. 2 (39), pp. 18-26. (In Russ.) <https://elibrary.ru/yajsrj>
8. Tlegenova F.A. (2014). *Treteiskii sud i mezhdunarodnyi arbitrazh*. Almaty, 42 p. (In Russ.)
9. Suleimenov M.K. (2007). *Arbitrazhnye (treteiskie) sudy v Kazakhstane. Proshloe, nastoyashchee, budushchee*. Almaty, 430 p. (In Russ.)
10. Kurochkin S.A. (2013). *Mezhdunarodnyi kommercheskii arbitrazh i treteiskoe razbiratel'stvo*. Moscow, Infotopik Media Publ., 260 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/sdtywn>
11. Suleimenov M.K., Duisenova A.E. (2015). Kompetentsiya treteiskikh sudov i arbitrazhei po zakonodatel'stvu Respubliki Kazakhstan. In: Greshnikov I.P. (compiler). *Sbornik statei*. Moscow, Statut Publ., pp. 129-144. (In Russ.)
12. Sanders P. (1999). *Quo Vadis Arbitration?* The Hague, Kluwer Law International Publ., 472 p.
13. Avdeev Yu.A., Gavrilenko V.A., Doil'nitsyn A.B. (2022). *Institut al'ternativnogo razresheniya pravovykh sporov*. St. Petersburg, 64 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ilrrau>
14. Alenkina N.B., Asambaeva D.S. (2022). Transparency and good governance in arbitration: the experience of the Kyrgyz Republic. *Treteiskii sud = Arbitration Court*, no. 2/3 (130/131), pp. 266-287. (In Russ.) <https://elibrary.ru/jyvwqi>
15. Gavrilenko V.A. (2006). The Institute of Public Order and its Definition. *Advokatskaya praktika*, no. 2, pp. 44-47. (In Russ.)
16. Kovaleva N.V., Kuznetsov E.E. (2023). Appointment of an expert in civil proceedings under the legislation of the Russian Federation. *Pravo. Bezopasnost'. Chrezvychainye situatsii*, no. 1 (58), pp. 42-49. (In Russ.) <https://elibrary.ru/lzyfjg>

17. Gavrilenko V.A. (2021). Issues of arbitration of disputes on compensation for damage from emergency situations in the countries of the Arctic region. *Pravo. Bezopasnost'. Chrezvychnyye situatsii*, no. 2 (51), pp. 10-14. (In Russ.) <https://elibrary.ru/bdgvuv>
20. El Ahdab J., Mainguy D. (2021). *Droit de l'arbitrage Théorie et pratique*. France, LexisNexis Publ., 1062 p. (In Fr.)

Автор демонстрирует отсутствие конфликта интересов. / Author declares no conflict of interests.

Поступила в редакцию / Received 16.08.2024

Поступила после рецензирования / Revised 16.09.2024

Принята к публикации / Accepted 20.09.2024

Контент доступен под лицензией [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 34.096

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-3-435-442>

Шифр научной специальности 5.1.3

Эффективность экономического правосудия и критерии ее оценки

© КОЧЕТКОВ Александр Викторович,

кандидат юридических наук, доцент, и.о. директора Института права и национальной безопасности, ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина», председатель Арбитражного суда Воронежской области в отставке, Российская Федерация, 392000, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33, <https://orcid.org/0009-0000-9020-6210>, kochetkov@tsutmb.ru

Аннотация

Исследование проблем, связанных с осуществлением экономического правосудия в Российской Федерации, позволяет оценить его эффективность, выявить преимущества рычагов воздействия правосудия над законодательными инструментами регулирования экономических процессов. Отмечено, что цель создания арбитражных судов – это обеспечение судебной защиты в экономической сфере. Проанализированы достоинства и недостатки современной судебной системы в экономическом аспекте. Установлено, что важнейшими критериями оценки эффективности правосудия, в том числе и в экономической сфере, являются качество отправления правосудия и соблюдение процессуальных сроков. Проанализированы факторы, которые влияют на их соблюдение. Сделан вывод о том, что доминирующим критерием оценки эффективности является качество отправления правосудия, определяемое числом отмен судебных актов, и соблюдение процессуальных сроков. Анализ показателя количества отмененных и измененных судебных актов представляется объективным, так как обжалуемые судебные акты оцениваются в мотивированных постановлениях судов вышестоящих инстанций. Указанные суды являются межрегиональными, что считается дополнительной гарантией их независимости.

Ключевые слова

правоприменительная деятельность, эффективность, юридические процедуры, экономическое правосудие, арбитражный суд, судебный акт, процессуальный срок, мировое соглашение

Для цитирования

Кочетков А.В. Эффективность экономического правосудия и критерии ее оценки // Актуальные проблемы государства и права. 2024. Т. 8. № 3. С. 435-442. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-3-435-442>

The effectiveness of economic justice and its evaluation criteria

© Alexander V. KOCHETKOV,

PhD (Law), Associate Professor, Acting Director of Law and National Security Institute, Derzhavin Tambov State University, retired Chairman of the Arbitration Court of the Voronezh Region, 33 Internatsionalnaya St., Tambov, 392000, Russian Federation, <https://orcid.org/0009-0000-9020-6210>, kochetkov@tsutmb.ru

Abstract

The study of problems related to the implementation of economic justice in the Russian Federation makes it possible to assess its effectiveness, to identify the advantages of the levers of justice over legislative instruments for regulating economic processes. It is noted that the purpose of the creation of arbitration courts is to provide judicial protection in the economic sphere. The advantages and disadvantages of the modern judicial system in the economic aspect are analyzed. It is established that the most important criteria for evaluating the effectiveness of justice, including in the economic sphere, are the quality of the administration of justice and compliance with procedural deadlines. The factors that influence their compliance are analyzed. It is concluded that the dominant criterion for evaluating effectiveness is the quality of the administration of justice, determined by the number of cancellations of judicial acts, and compliance with procedural deadlines. The analysis of the indicator of the number of canceled and amended judicial acts seems objective, since the appealed judicial acts are evaluated in reasoned decisions of higher courts. These courts are interregional, which is considered an additional guarantee of their independence.

Keywords

law enforcement, effectiveness, legal procedures, economic justice, arbitration court, judicial act, procedural term, settlement agreement

For citation

Kochetkov, A.V. (2024). The effectiveness of economic justice and its evaluation criteria. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 8, no. 3, pp. 435-442. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-3-435-442>

Введение. Постановка проблемы

Прежде всего, следует остановиться на категории «эффективность» в юридической науке и практике. Правоведами разрабатывались проблемы эффективности правовых норм, правоприменительной деятельности, правоприменительных актов и других социально-правовых явлений. Так, Юрий Александрович Тихомиров под эффективностью понимает «мерило общественной практики» [1, с. 39].

Согласно теории эффективности правовых норм, разработанной в отечественной юридической науке, указанная эффективность определяется как соотношение между фактическим результатом действия нормы и теми социальными целями, для достижения которых она принята [2, с. 22; 3, с. 50].

Эффективность правосудия в экономической сфере – частный случай проблем эффективности правоприменительной деятельности, эффективности юридических процедур.

Эффективность правосудия в экономической сфере – качественное состояние указанной деятельности, при котором обеспечивается достижение законодательно установленных целей правосудия в экономической сфере.

Таким образом, для определения эффективности экономического правосудия необходимо сопоставлять цели и результат и устанавливать меру, степень достижения указанной цели.

Цель, ради которой, собственно, и создавались арбитражные суды, – это обеспечение судебной защиты в экономической сфере. Данная цель конкретизирована в задачах судопроизводства по экономическим спорам, которые закреплены в статье 2 АПК РФ. Это:

1) защита нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов лиц, осуществляющих предпринимательскую и иную экономическую деятельность, а также прав и законных интересов органов публичной вла-

сти и публичных образований в указанной сфере;

2) обеспечение доступности правосудия в сфере экономической деятельности;

3) справедливое публичное судебное разбирательство в разумный срок независимым и беспристрастным судом;

4) укрепление законности и предупреждение правонарушений в сфере экономической деятельности;

5) формирование уважительного отношения к закону и суду;

6) содействие становлению и развитию партнерских деловых отношений, формированию обычаев и этики делового оборота.

Обсуждение

Традиционно важнейшими критериями оценки эффективности правосудия, в том числе и в экономической сфере, являются качество отправления правосудия и соблюдение процессуальных сроков. И здесь важную роль играет судебная статистика, позволяющая в динамике проследить и проанализировать показатели работы конкретных судей, судов, судебных округов и арбитражной системы в целом.

Соответствующие статистические показатели играют важную практическую роль, так как оцениваются при подведении итогов за определенный период времени, при решении вопроса о назначении судьи на вышестоящую должность, о переназначении председателя суда, заместителя председателя суда на второй шестилетний срок, при утверждении судьи членом президиума суда, при утверждении судьи председателем судебного состава, при присвоении судье квалификационного класса, при награждении судьи, в том числе государственными и ведомственными наградами, почетными званиями, при дисциплинарном производстве, в частности, если на судью поступила обоснованная жалоба.

Качество отправления правосудия определяется, прежде всего, количеством отмененных (измененных) судебных актов, принятых данным судьей или судом в целом. При этом при оценке качества отправления правосудия арбитражными судами нижестоящих инстанций не учитываются отмены в связи с заключениями мирового соглашения и отказами от иска в судах вышестоящих инстан-

ций, а также при оставлении в силе решения суда в процессе дальнейшего пересмотра, чаще всего, – это оставление в силе решения суда первой инстанции судом кассационной инстанции. То, что в указанных случаях отмены не учитываются вполне логично, так как в указанных случаях нет судебной ошибки.

Так, стороны вправе заключить мировое соглашение на любой стадии процесса. При этом достаточно распространенной является ситуация, когда стороны дожидаются судебного акта суда первой инстанции, затем с его учетом достигают мирового соглашения, которое утверждается судом апелляционной инстанции, при этом отменяется решение суда первой инстанции, которое в такой ситуации даже не оценивается в отношении законности и обоснованности.

Более того, нередки и иные ситуации отсутствия ошибки судьи, которые, к сожалению, не учтены в имеющихся формах статистической отчетности. Например, возможны отмены судебных актов вышестоящими инстанциями в связи с новыми законами, которых не было на момент вынесения обжалуемых решений, в связи с изменениями в судебной практике, в связи с принятием судом вышестоящей инстанции новых доказательств. Поэтому одной статистики количества отмен судебных актов недостаточно – нужно анализировать причины отмен и изменения судебных актов.

Тем не менее, оценка эффективности правосудия посредством анализа показателя количества отмененных и измененных судебных актов весьма объективна, так как обжалуемые судебные акты оцениваются в мотивированных постановлениях судов вышестоящих инстанций, выносимых опытными судьями и, как правило, в коллегиальном составе. При этом данные суды являются межрегиональными, что также важно, так как это дополнительная гарантия их независимости.

Абсолютные показатели отмен (изменения) судебных актов, при всей их важности, не позволяют сопоставлять качество отправления правосудия разных судей и судов между собой. Для этого используются относительные показатели. Прежде всего процент отмененных (измененных) судебных актов от общего количества рассмотренных дел. Данный показатель позволяет показать, сколько

судебных актов из ста отменено у данного судьи или суда за определенный временной период, например, за год.

В настоящее время судебная статистика также учитывает, что судья не только разрешает дела по существу, но и рассматривает в рамках дела различные заявления и выносит ряд определений, которые обжалуются и могут быть отменены. Например, это определения о принятии, отмене и замене обеспечительных мер, о правопреемстве, о распределении судебных расходов и т. д. Особенно много заявлений рассматривается в рамках дел о банкротстве, причем рассмотрение многих из этих заявлений, по сути, представляет собой полноценное дело, хотя и оформляется как обособленный спор в рамках дела о банкротстве. В частности, в рамках дел о банкротстве рассматриваются заявления об утверждении, освобождении, отстранении арбитражного управляющего, об оспаривании сделок должника, о взыскании расходов по делу о банкротстве, о привлечении к субсидиарной ответственности и др.

Поэтому последние годы соответствующий относительный показатель, характеризующий качество отправления экономического правосудия, выглядит следующим образом. Это – процент отмененных (измененных) судебных актов от общего количества рассмотренных дел и заявлений. Соответственно и показатель нагрузки определяется не только количеством разрешенных по существу дел, но и количеством рассмотренных дел и заявлений.

Так, если в каком-либо арбитражном суде субъекта Российской Федерации процент отмененных (измененных) судебных актов судами апелляционной и кассационной инстанций от общего количества рассмотренных дел и заявлений будет из года в год в разы хуже, чем в среднем по арбитражным судам соответствующего уровня (звена судебной системы), то это будет свидетельствовать о наличии системных проблем и потребует принятия организационных, а возможно, и кадровых мер.

Судами кассационной и апелляционной инстанций в качестве факультативного критерия оценки качества отправления правосудия арбитражными судами, входящим в соответствующий округ, используют также та-

кой показатель, как количество отмененных (измененных) судебных актов от числа рассмотренных апелляционных (кассационных) жалоб.

Нужно отметить, что данный критерий менее точен, поэтому он и имеет только факультативное значение. Например, судья рассмотрел 100 дел, на них поступила только одна апелляционная жалоба, которая была удовлетворена судом апелляционной инстанции. Получается, что у него 100%-я отмена, если считать от числа апелляционных жалоб. Но ведь в 99 случаях стороны согласились с судебными актами и не обжаловали их. Поэтому, конечно, более адекватно определять качество отправления правосудия от числа рассмотренных дел, в этом примере у судьи будет всего 1 % отмененных судебных актов, а если считать от числа рассмотренных дел и заявлений, то еще меньше¹.

Кроме того, судам первой инстанции не сложно организовать апелляционные и кассационные жалобы по заведомо законным и обоснованным решениям, например, по типовым экономическим спорам. Таким образом, можно искусственно улучшить показатель качества отправления правосудия, исчисляемый от количества поданных апелляционных и кассационных жалоб.

Следующий критерий эффективности экономического правосудия – это соблюдение процессуальных сроков. Временной фактор важен с точки зрения оперативности восстановления нарушенных или оспариваемых прав, что зависит от скорости рассмотрения спора и исполнения решения суда. Значение фактора времени особенно важно с учетом того, что речь идет об экономическом правосудии в условиях рыночной экономики, которая характеризуется заметной динамикой гражданского оборота.

Судебная статистика отслеживает соблюдение судьями и судами трех видов процессуальных сроков – сроков рассмотрения дела, сроков изготовления судебных актов и сроков рассылки судебных актов.

При этом необходимо учитывать, что в срок рассмотрения дела не включаются срок,

¹ В зависимости от количества рассмотренных заявлений, самостоятельно учитываемых в судебной нагрузке, но, в любом случае, – менее одного процента.

в течение которого иск оставался без движения, а также на который производство по делу было приостановлено или отложено. Также нужно иметь в виду наличие в арбитражном процессуальном законодательстве институтов продления срока рассмотрения дела и рассмотрения дела сначала.

Вместе с тем не следует забывать, что соблюдение процессуальных сроков нельзя ставить во главу угла и противопоставлять качеству отправления правосудия, нередко имеющего противоположную зависимость от быстроты рассмотрения дела.

Также следует учитывать причины, по которым процессуальные сроки были превышены. Одно дело, когда объективно имеется волокита со стороны судьи или работников аппарата суда, например, судебное разбирательство откладывается по основаниям, не предусмотренным АПК РФ или немотивированно, или длительно не возобновляется производство после того, как отпали причины для приостановления производства по делу. Другое дело, когда причиной превышения процессуальных сроков является высокая судебная нагрузка или поведение лиц, участвующих в деле, например, злоупотребление сторон процессуальными правами, неисполнение процессуальных обязанностей.

В том числе по указанной выше причине и качество отправления правосудия, и соблюдение процессуальных сроков должны увязываться с судебной нагрузкой в соответствующий период в ее сравнении с судебной нагрузкой по суду, по судебному округу, по арбитражным судам соответствующей инстанции и с научно обоснованными нормами нагрузки. Например, в последние годы арбитражные суды оказались чрезмерно перегружены большим количеством дел о несостоятельности (банкротстве) граждан. Также на нагрузку арбитражных судов непосредственное влияние оказывает состояние дел в экономике, в том числе разного рода экономические кризисы.

Еще один фактор, который влияет на соблюдение процессуальных сроков, – это правовая и фактическая сложность дела, например, в деле имеются соистцы, ответчики, участвуют иностранные лица, подан встречный иск, имеется злоупотребление лиц, участвующих в деле, своими процессуальными

правами, есть необходимость проведения экспертиз, привлечения специалиста, необходимость допроса большого числа свидетелей и т. д.

Высокая нагрузка, а также сложность и многоэпизодность дел могут повлиять на нарушение судьями сроков изготовления решений и других судебных актов. На практике данные причины нарушения указанного вида процессуальных сроков встречаются значительно чаще, чем волокита, личная недисциплинированность судьи, неумение судьей грамотно организовать свою работу.

Федеральным законом от 25 декабря 2023 г. № 667-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» внесены изменения в пункт 2 статьи 176 АПК РФ, которыми срок изготовления решения в полном объеме увеличен с пяти дней до десяти дней². Данный срок более адекватен сложности дел и судебной нагрузке. Одновременно, следует ожидать уменьшение числа решений, изготовленных с нарушением срока.

Процент разосланных решений и определений с нарушением срока в последние годы в арбитражной системе составляет всего десятые доли процента. Например, в Арбитражном суде Воронежской области в 2020–2023 гг. он составлял 0,1 % от общего количества рассмотренных судом дел. Как представляется, данный показатель в большей степени характеризует организацию работы аппаратов соответствующих арбитражных судов. Но это не умаляет и роль судьи в исполнении норм АПК РФ, устанавливающих сроки рассылки для различных судебных актов, в том числе его контроль за соблюдением указанных сроков и организацию работы так называемого офиса судьи (судебного отдела).

Судебная статистика не использует для оценки эффективности правосудия такие критерии, как качество судебных актов и исполнительская дисциплина. Тем не менее, можно говорить, что эти критерии имеют место быть. Так, судебная статистка позволяет определить количество вынесенных судьей до-

² О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 25.12.2023 № 667-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 1. Ст. 48.

полнительных решений, количество определений о разъяснении решений и определений об исправлении опечаток, описок, арифметических ошибок. Повышенное количество дополнительных решений и указанных определений в сочетании с наличием у судьи ряда отмен судебных актов в связи с нарушением статьи 170 АПК РФ, устанавливающей требования к содержанию решения, может свидетельствовать о низком качестве изложения принимаемых судьей решений. Это влечет затраты дополнительных ресурсов, в том числе временных, на исправление содержания решений, что, естественно, свидетельствует о снижении эффективности экономического правосудия.

Что касается исполнительской дисциплины судьи, то необоснованные задержки судебных заседаний или не выполнение мероприятий, содержащихся в Планах работы суда, например, о подготовке для обсуждения на заседании президиума арбитражного суда обобщения судебной практики по той или иной категории дел, – также можно оценивать, как факторы, снижающие эффективность экономического правосудия.

Сюда же можно отнести и наличие обоснованных жалоб на действия судьи, например, из-за нарушения судейской этики или из-за допущенных процессуальных нарушений. Обоснованные жалобы учитываются в показателях работы и судьи, и суда – это также значимый критерий оценки эффективности их работы.

Достоверно оценить достижение иных задач экономического правосудия помимо собственно справедливого публичного судебного разбирательства в разумный срок и защиты нарушенных или оспариваемых прав, о чем мы говорили выше, очень сложно.

Например, что касается превенции правонарушений в сфере экономической деятельности. Мы понимаем, что применение арбитражным судом санкций административно-правовых норм по соответствующим составам КоАП РФ и гражданско-правовых санкций, например, взыскание неустойки, взыскание убытков объективно способствует предупреждению правонарушений и укреплению законности, но выразить это количественно, достоверно определить степень влияния собственно арбитражных су-

дов на качественное состояние законности и правопорядка в соответствующей сфере весьма сложно.

Что касается задачи формирования уважительного отношения к закону и суду, то также мы понимаем, что в разных государствах в разные исторические периоды степень доверия к суду разная. Для выявления доверия и уважения к суду можно использовать социологические замеры. Но есть вопрос, насколько на это доверие повлияла работа конкретных арбитражных судов и судей, а насколько, например, средства массовой информации. СМИ нужны факты, привлекающие массовое внимание, они не настроены писать о напряженном добросовестном труде тысяч судей, а вот стоит кому-то из судей оступиться, то это сразу идет в эфир, на страницы печатных изданий и т. д. Не говоря о том, что СМИ и интернет-ресурсы широко используются для того, чтобы оказать давление на судей.

Еще одна задача арбитражных судов – содействие становлению и развитию партнерских деловых отношений. Арбитражные суды, безусловно, нацелены на примирение сторон и всячески поддерживают мировые соглашения, медиативные соглашения и иные формы примирения, что, безусловно, способствует сохранению между сторонами партнерских деловых отношений. Автор является сторонником поощрения судей, у которых из года в год стабильно высокий показатель мировых соглашений. С другой стороны, понятно, что примирение все-таки зависит, прежде всего, от сторон, и далеко не всегда судья может реально на это повлиять. Кроме того, колоссальная нагрузка зачастую просто не оставляет судьям времени, чтобы поработать со сторонами в направлении их примирения.

Следующая задача арбитражного судопроизводства – обеспечение доступности правосудия. Эта задача многоаспектна и предполагает создание условий, способствующих беспрепятственному доступу к судебной защите.

Обеспечение доступности экономического правосудия, на наш взгляд, вопрос, прежде всего, институциональный, и он во многом уже успешно решен. Экономическое правосудие в России, как представляется, –

одно из самых доступных в мире. В большинстве стран мира проблемы с доступностью экономического правосудия лежат в плоскости дороговизны и длительности сроков. В России, несмотря на состоявшееся повышение госпошлины за обращение в суд, она по-прежнему значительно ниже по сравнению с общемировой практикой. Сроки рассмотрения дел в России – не оценочно-разумные, а нормативно установленные. В результате на практике экономическое правосудие в России оперативнее, чем в подавляющем большинстве стран мира, причем нередко – в разы оперативнее.

В российской правовой системе не установлено каких-то необоснованных правовых или практических препятствий для обращения в арбитражный суд. В арбитражных судах на системной основе анализируются причины возврата исковых заявлений, чтобы не было искусственного препятствования в доступе к правосудию. Если тот или иной судья все-таки безосновательно возвратит исковое заявление, откажет в его принятии или оставит его без рассмотрения – есть две судебные инстанции для ординарного обжалования, что вполне достаточно для исправления судебных ошибок, в том числе препятствующих в доступе к судебной защите. Кроме того, есть еще две инстанции для экстраординарного обжалования, которые, однако, прежде всего, обеспечивают единообразие судебной практики.

Другой вопрос доступности – широкое использование в арбитражных судах России сервисов электронного правосудия. Через систему «Мой арбитр» можно подать в арбитражный суд все – и иски, и отзывы на иск, и ходатайства, и заявления, и доказательства, и любые другие процессуальные документы. В системе «Картотека арбитражных дел» есть все судебные акты, выносимые по делу, прослеживается все движение дела, в том числе даты судебных заседаний. Кроме того, дополнительно есть отдельный сервис по перерывам в судебных заседаниях.

В арбитражных судах России для участия в судебных заседаниях активно применяются видеоконференцсвязь и системы веб-конференции. Правда, для совершенствования участия в судебных заседаниях онлайн

нужна система биометрической идентификации. При видеоконференцсвязи в подобной системе нет необходимости, потому что ее организует арбитражный суд другого региона, и судья другого арбитражного суда проверяет явку, устанавливает личность и проверяет полномочия лиц, участвующих в деле, и их представителей.

Также в арбитражном процессе ведется обязательная аудиозапись всех судебных заседаний, за исключением тех случаев, когда отсутствует явка в судебное заседание. В некоторых арбитражных судах есть даже видеозапись судебных заседаний, и есть примеры трансляции судебных заседаний в сети Интернет.

Все материалы дела подлежат входному потоковому сканированию, и лица, участвующие в деле, и их представители могут ознакомиться с материалами дела удаленно, получив код доступа на сутки, также они могут ознакомиться и с аудиозаписями судебных заседаний, получить их копии.

В целях обеспечения доступности для инвалидов арбитражные суды оборудованы пандусами и туалетами для инвалидов-колясочников, а также объявлениями с информацией для слепых, написанной азбукой Брайля.

Для обеспечения доступности судов апелляционной и кассационной инстанции, как правило, выбирались города с хорошей транспортной доступностью. Также АПК РФ предусматривает возможность создания судебных присутствий арбитражных судов первой и апелляционной инстанций, хотя число созданных судебных присутствий арбитражных судов и не велико. Таким образом, нужно признать, что задача обеспечения доступности экономического правосудия в целом решается эффективно.

Заключение

Оценка эффективности экономического правосудия и, прежде всего, качества работы соответствующих судей и судов имеет, безусловно, важное значение. Имеются весьма объективные критерии оценки указанной эффективности, среди которых обоснованно доминируют качество отправления правосудия, определяемое числом отмен судебных актов, и соблюдение процессуальных сроков.

Список источников

1. Тихомиров Ю.А. Понятие эффективности управленческой деятельности и условия ее достижения // Проблемы эффективности работы управленческих органов. М.: Наука, 1973. 473 с.
2. Кудрявцев В.Н., Никитинский В.И., Самощенко И.С., Глазырин В.В. Эффективность правовых норм. М.: Юрид. лит., 1980. 280 с. <https://elibrary.ru/wtehut>
3. Лапаева В.В. Конкретно-социологические исследования в праве. М.: Юрид. лит., 1987. 142 с.

References

1. Tikhomirov Yu.A. (1973). The concept of managerial efficiency and the conditions for its achievement. *Problemy effektivnosti raboty upravlencheskikh organov*. Moscow, Nauka Publ., 473 p. (In Russ.)
2. Kudryavtsev V.N., Nikitinskii V.I., Samoshchenko I.S., Glazyrin V.V. (1980). *Effektivnost' pravovykh norm*. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 280 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/wtehut>
3. Lapayeva V.V. (1987). *Konkretno-sotsiologicheskie issledovaniya v prave*. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 142 p. (In Russ.)

Автор демонстрирует отсутствие конфликта интересов. / Author declares no conflict of interests.

Поступила в редакцию / Received 20.08.2024

Поступила после рецензирования / Revised 16.09.2024

Принята к публикации / Accepted 20.09.2024

Контент доступен под лицензией [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 347.91

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-3-443-450>

Шифр научной специальности 5.1.3

Нетрадиционные способы получения информации (на примере гипноза) в расследовании преступлений: да или нет?

© МЕДВЕДЕВА Светлана Валентиновна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры «Уголовное право и прикладная информатика в юриспруденции», ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет», Российская Федерация, 392000, г. Тамбов, ул. Советская, 106, <https://orcid.org/0000-0002-7972-5893>, Sv-medvedeva@mail.ru

© МЕНТЮКОВА Мария Алексеевна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Института права и национальной безопасности, ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина», Российская Федерация, 392000, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33, <https://orcid.org/0000-0001-8639-2559>, mariya_men2003@mail.ru

Аннотация

В настоящее время в научных кругах сформулированы три основные точки зрения на возможность использования нетрадиционных способов получения информации: в рамках уголовного судопроизводства использование нетрадиционных способов для получения информации недопустимо; использование нетрадиционных способов для получения информации в сфере уголовного судопроизводства допустимо; использование нетрадиционных способов для получения информации в сфере уголовного судопроизводства допустимо только в крайних случаях по самым резонансным уголовным делам, когда получить информацию иным способом не представляется возможным. Однако согласно заключительной позиции ученых, полученная таким образом информация может использоваться исключительно в качестве ориентирующей. Перечень областей человеческого познания, которые могут использоваться правоохранительными органами, строго не очерчен и по мере развития человечества постоянно расширяется. К их числу относят: полиграф, одорологию, гипноз, парапсихологию, хиромантию, биоритмологию, биолокацию и мн. др. Важно отметить, что большинство подобных наук официально признаны лженаучными. При этом интерес населения к потусторонним силам, их возможности оказывать влияние на сознание человека и жизнь в целом постоянно подогреваются публикациями в СМИ, различными телешоу и др. При этом в умах людей до сих пор наличествуют убеждения о возможности обладания отдельными лицами сверхъестественными способностями, возможностями по введению в гипноз, чтения судьбы человека по руке (хиромантия) и мн. др. Исследованы проблемы использования нетрадиционных способов получения криминалистически значимой информации (на примере гипноза) в практической деятельности следователя. Как и любой другой вид деятельности, процесс использования нетрадиционных способов получения информации и ее значения для раскрытия и расследования преступных деяний не лишен своих особенностей и проблем. 1) Проблемы, возникающие на стадии выбора следователем способа получения информации. И возникающая в связи с этим проблема, выраженная в опасении следственного сотрудника использовать нетрадиционные способы получения информации. В данном случае речь не идет о тех способах, которые могут причинить вред здоровью и жизни человека или создать опасность такового (недопустимость их использования неоспорима). 2) Проблемы, связанные нормативной неурегулированностью процесса использования нетрадиционных способов получения информации (за исключением использования полиграфа). 3) Проблемы, возникающие на стадии оценки полученной в ходе использования

нетрадиционных способов информации, возможности признания ее доказательственной силы. 4) Проблемы, связанные с верой подавляющей части населения в потусторонние силы, несмотря на опровержения науки. Определены проблемы теоретического и практического характера, предложены пути их преодоления, разработаны предложения по повышению эффективности деятельности следователя в части возможности использования нетрадиционных способов в практической деятельности. Методы исследования: наблюдение, описание, сравнение, анализ и синтез, дедукция и индукция, обобщение, аналогия и др. Эмпирическую основу исследования составили материалы следственной и судебной практики. Цель исследования: проанализировать проблемы, возникающие при использовании нетрадиционных способов получения информации, а также их последующей оценки и возможности использования в качестве доказательств в уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова

гипноз, нетрадиционные способы получения информации, расследование преступлений, уголовное судопроизводство, доказательство

Для цитирования

Медведева С.В., Ментюкова М.А. Нетрадиционные способы получения информации (на примере гипноза) в расследовании преступлений: да или нет? // Актуальные проблемы государства и права. 2024. Т. 8. № 3. С. 443-450. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-3-443-450>

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-3-443-450>

Non-traditional ways of obtaining information (using hypnosis as an example) in the investigation of crimes: yes or no?

© Svetlana V. MEDVEDEVA,

PhD (Law), Associate Professor, Criminal Law and Applied Computer Science in Jurisprudence Department, Tambov State Technical University, 106 Sovetskaya St., Tambov, 392000, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-7972-5893>, Sv-medvedeva@mail.ru

© Marya A. MENTYUKOVA,

PhD (Law), Associate Professor, Criminal Law and Applied Computer Science in Jurisprudence Department, Derzhavin Tambov State University, 33 Internatsionalnaya St., Tambov, 392000, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0001-8639-2559>, mariya_men2003@mail.ru

Abstract

Currently, three main points of view have been formulated in scientific circles on the possibility of using non-traditional methods of obtaining forensic information: in the criminal proceedings framework, the use of non-traditional methods to obtain information is unacceptable; the use of non-traditional methods to obtain information in the criminal proceedings field is permissible; the use of non-traditional methods to obtain information in the field of criminal proceedings is permissible only in extreme cases for the most high-profile criminal cases, when it is not possible to obtain information in any other way. However, it is important to note that many of these study fields are officially considered pseudoscientific. Despite this, the public interest in extraterrestrial forces, their potential influence on human consciousness and overall life is continuously fuelled by media publications, television programs, and other sources. At the same time, there are still widespread beliefs among people regarding the possibility of individual possession of supernatural abilities, such as hypnosis and palm reading, among others. In light of the above, issues related to the use of non-traditional techniques for obtaining criminal intelligence (for example, through hypnosis) in investigative work are being explored. Like any other activity, the use of non-traditional methods for obtaining information and their significance in the disclosure and investigation of criminal offences is not free from specific characteristics and challenges. 1) There are issues that arise during the selecting stage an investigator's technique for obtaining information. One such issue is the concern of the investigating officer regarding the unconventional methods' use of information acquisition. In this regard, we are not referring to methods that may harm human health or life, or pose a threat thereof (the inappropriateness of their use is undisputed). 2) There are challenges related to the lack of regulatory guidance on the process of utilizing unconventional information gathering techniques (with the exception of the polygraph). 3) There are problems arising at the stage of assessing the validity of information obtained through unconventional methods, and the possibility of establishing its investigative significance. 4) There is a perception among

the general public that persists despite scientific refutation, regarding the existence of supernatural forces. These circumstances determine the significance of the research topic. The issues of both theoretical and practical significance are identified, solutions to address these issues are proposed, and recommendations to enhance the effectiveness of investigative activities through the use of non-traditional techniques are developed. Research methods: observation, description, comparison, analysis and synthesis, deduction and induction, generalization, analogy, etc. The empirical basis of the study is the materials of investigative and judicial practice. The purpose of the study is to analyze the problems that arise when using non-traditional methods of obtaining information, along with their subsequent evaluation and the feasibility of utilizing them as evidence in criminal cases.

Keywords

hypnosis, non-traditional ways of obtaining information, crime investigation, criminal proceedings, evidence

For citation

Medvedeva, S.V., & Mentyukova, M.A. (2024). Non-traditional ways of obtaining information (using hypnosis as an example) in the investigation of crimes: yes or no? *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 8, no. 3, pp. 443-450. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-3-443-450>

Введение. Постановка проблемы

Гипноз как инструмент воздействия на психическое состояние лица может быть использован как в правомерных целях (например, в процессе лечения), так и в целях противоправных. В качестве примера можно привести применение гипноза в отношении потерпевших для подавления их воли.

В настоящий момент использование гипноза в процессе расследования преступлений, а именно при производстве допроса, практикуется в некоторых зарубежных странах, как правило, только в отношении потерпевших и свидетелей и только после получения их согласия. Единственным государством, которое на законодательном уровне закрепило использование гипноза, является Израиль. В остальных странах, применяющих гипноз при расследовании, отсутствуют нормативные акты, которые бы предусматривали или, наоборот, запрещали его использование.

Активно используется гипноз в США, главным образом для того, чтобы активизировать память очевидцев преступления. Мировая практика имеет немало примеров, когда после введения лица в гипнотическое состояние оно вспоминало подробные обстоятельства случившегося, однако, в обычном состоянии данное лицо таких подробностей не помнило [1, с. 197].

Так, в США в конце 1970-х гг. большую известность получил «бродячий насильник», который в определенные часы обходил дома, каждую дверь, исследуя доступ к жертвам. В тех случаях, когда открывала женщи-

на невысокого роста, и у него была возможность попасть в дом, он совершал изнасилование. Одна из жертв насильника из-за сильного стресса не смогла охарактеризовать преступника. В результате девушка была добровольно введена в гипнотическое состояние и смогла описать слова, действия насильника, а также черты его лица. По полученным сведениям был составлен портрет, а позже задержан сам преступник, который признал свою вину в ряде убийств и 65 изнасилованиях.

Результаты исследования

В нашей стране проблема использования нетрадиционных способов получения информации (на примере гипноза) в процессе расследования преступлений начала исследоваться лишь в конце XX столетия, и по сегодняшний день на этот счет продолжают серьезные дискуссии в научных кругах.

В настоящее время в юридической литературе отсутствует единый общепризнанный подход к пониманию такого явления, как нетрадиционный способ получения криминалистической информации. В связи с этим предлагаем рассмотреть основные точки зрения относительно дефиниции обозначенного выше аспекта.

Профессор С.А. Шейфер отмечал, что использование результатов применения нетрадиционных способов получения информации в доказывании ведет к нарушению прав участников уголовного судопроизводства, подрывая его законность и эффективность (цит. по: [2, с. 46]).

И.В. Смолькова предлагает считать «нетрадиционные способы» и «нетрадиционные методы» синонимичными понятиями. В связи с чем в содержание понятия нетрадиционных методов получения криминалистической информации в рамках производства расследования по уголовным делам включает недостаточно обоснованные с точки зрения науки методы, не закрепленные в законе, результаты которых не в полной мере глубоко вошли в следственную практику [3, с. 65].

По мнению таких ученых, как Л.Я. Драпкин, Я.М. Злоченко, А.Е. Шуклин, под нетрадиционным методом получения криминалистической информации можно понимать любой метод, который заимствуется криминалистической наукой из иных. Подобный метод, пребывая в пограничном состоянии определенный период времени, впоследствии либо принимается криминалистической практикой, либо с течением времени ей же и вытесняется как неэффективный [4].

В свою очередь, Н.Н. Китаев называл нетрадиционные методы (они же способы) не иначе как «следственные хитрости» и «психологические ловушки» [5].

Введению в заблуждение населения относительно возможности использования некоторых из нетрадиционных способов получения информации (например, гипноза или «помощи» лиц, обладающих экстрасенсорными способностями), а также научной обоснованности и достоверности результатов способствует активная деятельность средств массовой информации, интернет-форумов и др. Подобная деятельность напрямую свидетельствует об игнорировании имеющихся научных исследований (о невозможности использования полученных с помощью подобных способов доказательств в уголовном судопроизводстве), преимущественно основываясь на людских предрассудках и в некоторой степени правовом нигилизме.

Приведенная выше ситуация иллюстрирует одну из актуальных и достаточно серьезных проблем, которая в определенной степени подрывает законность уголовного судопроизводства и, как следствие, доверие к нему отдельных категорий граждан. Такие

нетрадиционные способы получения информации, как, например, ясновидение и телепатия, по причине своей доказанной «псевдонаучности», как нам представляется, не могут и не должны применяться для получения доказательств по уголовному делу в той мере, в которой не могут выступать доказательствами любого рода интуитивные домыслы, домыслы, основанные на догадках и (или) предположениях.

О такой проблеме, как возможность использования нетрадиционных способов получения криминалистической информации в юридической литературе, наличествует достаточное множество мнений. В самом общем виде существующие точки зрения на данную проблему можно разделить на две основные группы: допускающие и поддерживающие возможность использования нетрадиционных способов в расследовании преступных деяний и отрицающие данную возможность.

В.А. Образцов и С.Н. Богомолова уверены, что в ближайшее время в отечественной криминалистике возможно возникновение абсолютно нового направления, а именно, «гипнологии». Ученые считают, что под действие гипноза можно вводить также подозреваемых и обвиняемых в тех случаях, когда есть основания полагать, что в ходе допроса этими лицами была предоставлена заведомо ложная или неполная информация. Кроме того, важность применения гипноза они видят в возможности освобождения от уголовной ответственности невиновных лиц [6].

Приверженцы точки зрения о необходимости использования гипноза предлагают различные формы его реализации в уголовном процессе. Некоторые говорят о гипнорепродукционном опросе [7, с. 79], как разновидности оперативно-розыскного мероприятия, отдельные ученые – о необходимости применения в форме гипнорепродукционной экспертизы, а гипнологов в таких случаях привлекать в качестве экспертов [8, с. 25].

Несмотря на это, большинство ученых все же выступают против использования гипноза, считая такой способ воздействия на личность незаконным и безнравственным. Далее предлагаем рассмотреть исследования

основных представителей подобной точки зрения и приводимые ими аргументы в ее поддержку.

Мы придерживаемся точки зрения, что применять гипноз в расследовании преступлений нельзя. Особенно, если это касается подозреваемых и обвиняемых. Информация, полученная от лица, находящегося под действием гипноза, не может признаваться доказательством по уголовному делу. При введении лица в гипнотическое состояние поддается его воля, лицо становится внушаемым, то есть не может свободно выбрать вариант своего поведения. Кроме того, все люди разные, и на каждого гипнотическое состояние может влиять по-разному. Так, например, категория людей, которая в меньшей степени подвержена внушению, может частично контролировать свое сознание, а следовательно, в ходе гипнотического сеанса намеренно исказить имеющуюся у них информацию с целью ввести следствие в заблуждение. Или же, наоборот, под воздействием гипноза лицо начнет давать показания против себя и своих родственников, когда закон дает ему право не свидетельствовать против таковых категорий лиц. Будут ли полученные показания законны?

Последствия введения лица в гипнотическое состояние не до конца изучены, таким образом можем ли мы с уверенностью утверждать, что психическое состояние лица не будет в последующем подвержено негативным изменениям. Многими учеными-психотерапевтами научным эмпирическим методом был доказано и опубликовано в научной литературе, что под воздействием гипноза лицо, на которое осуществляется воздействие, может перевоплотиться в иную личность, начать фантазировать или подстраиваться под команды гипнолога [9, с. 22].

Отечественным уголовно-процессуальным законодательством регламентируется решительная невозможность реализации тех действий, которые хотя бы теоретически могут причинить вред жизни или здоровью человека. Как уже было в некоторой части отмечено – итоговый результат воздействия на сознание человека не предсказуем. Для одной категории граждан он может оказаться

полностью безвредным, для другой оказать опасное воздействие на сознание.

При этом доводами тех ученых, которые выступают за использование гипноза для получения криминалистически значимой информации, являются следующие.

Важно учитывать сложность расследуемого дела. В крайнем случае, когда исчерпаны все традиционные способы получения информации по особо резонансным делам, возможным видится прибегнуть к возможностям гипнолога. Определенная часть информации фиксируется («записывается») на подсознательном уровне. В нормальной жизненной ситуации человек не имеет доступа к такого рода сведениям, однако, гипноз, воздействуя на центральную нервную систему, делает подсознательную информацию доступной [10, с. 142]:

а) использование гипноза в деятельности правоохранительных органов возможно, если сформулировать и утвердить общую методику производства данного мероприятия.

Так, отечественным ученым Л.П. Гримаком были предложены несколько условий, соблюдение которых позволило бы применение гипноза в уголовном процессе нашей страны [11, с. 108]: лицо должно быть готово пойти на сотрудничество со следствием и иметь положительное отношение к его гипнотизированию; в каждом случае гипноза необходимо убедиться в благополучном психологическом состоянии лица; введение в гипнотическое состояние должно осуществляться опытными специалистами в области психиатрии и психологии; гипнолог должен быть беспристрастным к информации, получаемой в ходе гипноза;

б) использование гипноза возможно только на основании добровольного согласия, оформленного в письменном виде собственноручно. А в том случае, если лицо несовершеннолетнее – и с разрешения законного представителя;

в) предварительно должна быть произведена комплексная психолого-психиатрическая судебная экспертиза подэкспертного. Лицо должно быть признано психически здоровым и не иметь противопоказаний для оказания на него подобного воздействия;

г) к применению гипноза должны предъявляться общие правила производства следственных действий;

д) ход производства гипнорепродукции должен в обязательном порядке фиксироваться на техническое устройство записи (например, видеокамеру);

е) полученные в ходе реализации данной процедуры результаты могут быть использованы в качестве ориентирующей информации, не противоречить иным собранным по уголовному делу доказательствам.

Как ранее, так и настоящее время имеются случаи использования возможностей гипнологов правоохранительными органами для получения криминалистически значимой информации. Однако полученная информация имеет значение лишь ориентирующей и в полной мере не идет в основу обвинения [12, с. 125].

В средствах массовой информации часто публикуются сведения о том, что посредством использования такого рода помощи правоохранительными органами успешно расследуется уголовное дело и достигается объективная истина. Так, в интернет-ресурсе была опубликована следующая информация. По уголовному делу, возбужденному по факту изнасилования в ходе гипнотического сеанса с потерпевшей, с привлечением профессионального художника был составлен портрет нападавшего, по которому впоследствии преступник был задержан.

Вплоть до настоящего времени допрос человека посредством ввода его в бессознательное состояние признается большинством ученых как антигуманное, недемократическое и в принципе незаконное мероприятие, результаты которого ни в коем случае не могут быть использованы в качестве доказательства по уголовному делу. Существующие рекомендации по производству подобной процедуры основаны лишь на

зарубежной практике, не имеющей под собой достаточной апробированности, научной доказанности [13, с. 66]. В этой связи также полагаем, что применение зарубежного опыта по так называемой аналогии в реалиях отечественного правового поля также невозможно. Российская Федерация развивается по собственному пути с особыми, как правовой системой, так и государственностью, историей, менталитетом.

Заключение

Таким образом, под нетрадиционными способами получения информации мы предлагаем понимать способы:

- которые не регламентированы положениями действующего законодательства;
- научная обоснованность применения которых не доказана и (или) ставится под сомнение;
- результаты применения которых хоть и в некоторой степени апробированы, но не вошли в широкое применение в судебно-следственной практике;
- результаты применения которых не отвечают основным требованиям, предусмотренным уголовно-процессуальным законодательством и предъявляемым к доказательствам.

Возможность применения гипноза в процессе расследования в нашей стране на сегодняшний день существует лишь в теории. Возможно, спустя время данный метод будет активно применяться правоохранительными органами, но для этого необходимо доказать эффективность такого метода и его полезность для отечественного правосудия. Полагаем, что нормативно-правовое закрепление на данный момент нетрадиционного способа получения информации должно найти не в «Инструкции» или же «Рекомендациях», а, например, в ФЗ «Об ОРД», УПК РФ или же в самостоятельном федеральном законе.

Список источников

1. *Грицак Л.П.* Гипноз и преступность. М.: Республика, 1997. 304 с.
2. *Лазарева В.А.* С.А. Шейфер. Концепция формирования доказательств // Юридический вестник Самарского университета. 2017. Т. 3. № 4. С. 43-48. <https://elibrary.ru/uscbbw>
3. *Смолькова И.В.* Нетрадиционные методы раскрытия и расследования преступлений с позиции процессуалиста // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2017. № 1 (1). С. 62-67. <https://elibrary.ru/xnarhf>

4. Драпкин Л.Я., Злоченко Я.М., Шуклин А.Е. О возможностях использования современных информационных технологий в расследовании преступлений // Вестник криминалистики. 2003. № 3 (7). С. 26. <https://elibrary.ru/gtyzsf>
5. Китаев Н.Н. Нетрадиционные методы раскрытия и расследования преступлений // Вопросы криминалистики. 2007. № 4. С. 41-48.
6. Образцов В.А., Богомолова С. Н. Криминалистическая психология. М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2002. 447 с.
7. Евстигнеева О.В., Иванов А.Н. Проблемы использования гипноза в уголовном судопроизводстве // Вестник криминалистики. 2004. № 2 (10). С. 78-80.
8. Гримак Л.П., Скрыпников А.И. Возможности применения «следственного гипноза» для раскрытия преступлений // Психопедагогика в правоохранительных органах. 1996. № 2 (4). С. 23-25. <https://elibrary.ru/nrllvd>
9. Яшин А.В., Мартышкина Ю.В. Использование знаний психологии и психиатрии при раскрытии и расследовании преступлений // Вестник Пензенского государственного университета. 2019. № 2 (26). С. 19-24. <https://elibrary.ru/dvuoos>
10. Китаев Н.Н., Китаева В.Н. Применение гипноза при поисках трупа // Закон и право. 2018. № 12. С. 142-144. <https://doi.org/10.24411/2073-3313-2018-10289>, <https://elibrary.ru/yopadb>
11. Гримак Л.П. Моделирование состояний человека в гипнозе / отв. ред. К.К. Платонов. Изд. 4-е. М.: URSS, 2016. 272 с.
12. Карпенко О.А. Использование нетрадиционных специальных знаний в разоблачении заведомо ложных показаний свидетелей и потерпевших // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2018. № 1 (84). С. 125-130. <https://elibrary.ru/yrtuns>
13. Вестов Ф.А., Фаст О.Ф. Совершенствование отдельных институтов правового государства в целях экономического и социального благополучия в России // Основы экономики, управления и права. 2021. № 1 (26). С. 64-68. https://doi.org/10.51608/23058641_2021_1_64, <https://elibrary.ru/kfbqvw>

References

1. Grimak L.P. (1997). *Gipnoz i prestupnost'*. Moscow, Respublika Publ., 304 p. (In Russ.)
2. Lazareva V.A. (2017). S.A. Sheifer. The concept of evidence formation. *Yuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta = Juridical Journal of Samara University*, vol. 3, no. 4, pp. 43-48. (In Russ.) <https://elibrary.ru/uscbbw>
3. Smol'kova I.V. (2017). Unconventional methods of crime detection and crime investigation from the perspective of processualist. *Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra = Forensics: Yesterday, Today, Tomorrow*, no. 1 (1), pp. 62-67. (In Russ.) <https://elibrary.ru/xnarhf>
4. Drapkin L.Ya., Zlochenko Ya.M., Shuklin A.E. (2003). On the possibilities of using modern information technologies in the investigation of crimes. *Vestnik kriminalistiki = Bulletin of Criminalistics*, no. 3 (7), p. 26. (In Russ.) <https://elibrary.ru/gtyzsf>
5. Kitaev N.N. (2007). Non-traditional methods of crime detection and investigation. *Voprosy kriminalistiki*, no. 4, pp. 41-48. (In Russ.)
6. Obratsov V.A., Bogomolova S. N. (2002). *Kriminalisticheskaya psikhologiya*. Moscow, YUNITI-DANA Publ.; Zakon i pravo Publ., 447 p. (In Russ.)
7. Evstigneeva O.V., Ivanov A.N. (2004). Problems of using hypnosis in criminal proceedings. *Vestnik kriminalistiki = Bulletin of Criminalistics*, no. 2 (10), pp. 78-80. (In Russ.)
8. Grimak L.P., Skrypnikov A.I. (1996). The possibilities of using “investigative hypnosis” to solve crimes. *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh = Psychopedagogics in Law Enforcement*, no. 2 (4), pp. 23-25. (In Russ.) <https://elibrary.ru/nrllvd>
9. Yashin A.V., Martyshkina Yu.V. (2019). The use of knowledge of psychology and psychiatry in the detection and investigation of crimes. *Vestnik Penzenskogo gosudarstvennogo universiteta = Vestnik of Penza State University*, no. 2 (26), pp. 19-24. (In Russ.) <https://elibrary.ru/dvuoos>
10. Kitaev N.N., Kitaeva V.N. (2018). Use of hypnosis in search of a dead body: problematic issues. *Zakon i pravo*, no. 12, pp. 142-144. (In Russ.) <https://doi.org/10.24411/2073-3313-2018-10289>, <https://elibrary.ru/yopadb>
11. Grimak L.P. (2016). *Modelirovanie sostoyanii cheloveka v gipnoze*. Moscow, URSS Publ., 272 p. (In Russ.)
12. Karpenko O.A. (2018). Unconventional special knowledge in exposing the false testimony of witnesses and victims. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii = Vestnik Eastern Siberia Institute of the*

Ministry of the Interior of the Russian Federation, no. 1 (84), pp. 125-130. (In Russ.)
<https://elibrary.ru/yrtuns>

13. Vestov F.A., Fast O.F. (2021). Improving individual institutions of the rule of law for the purposes of economic and social well-being in Russia. *Osnovy ehkonomiki, upravleniya i prava = Economy, Governance and Law Basis*, no. 1 (26), pp. 64-68. (In Russ.) https://doi.org/10.51608/23058641_2021_1_64,
<https://elibrary.ru/kfbqvw>

Автор демонстрирует отсутствие конфликта интересов. / Authors declare no conflict of interests.

Поступила в редакцию / Received 27.08.2024

Поступила после рецензирования / Revised 17.09.2024

Принята к публикации / Accepted 20.09.2024

Контент доступен под лицензией [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.82

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-3-451-458>

Шифр научной специальности 5.1.4

Процедура снятия с осужденных правового статуса «злостный нарушитель установленного порядка отбывания наказания»: теоретико-правовые и организационные аспекты

© ПРОХОРОВА Мария Владимировна,

кандидат юридических наук, начальник кафедры организации исполнения наказаний, ФКУ ДПО «Томский институт повышения квалификации работников Федеральной службы исполнения наказаний России», Российская Федерация, 634057, г. Томск, ул. Говорова, 10; доцент кафедры уголовного права, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский государственный университет», Российская Федерация, г. Томск, 634050, просп. Ленина, 36, <https://orcid.org/0009-0005-0742-7765>, prohorova@rambler.ru

© КАРЕТНИКОВ Константин Викторович,

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры организации режима, ФКОУ ВО «Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний России», Российская Федерация, 654066, г. Новокузнецк, просп. Октябрьский, 49, <https://orcid.org/0000-0003-4066-0807>, kostya_385@mail.ru

© КОВАЛЕВ Николай Сергеевич,

преподаватель кафедры организации режима, ФКОУ ВО «Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний России», Российская Федерация, 654066, г. Новокузнецк, просп. Октябрьский, 49, <https://orcid.org/0000-0003-4221-9767>, dddes2017@mail.ru

Аннотация

Объектом исследования являются уголовно-исполнительные правоотношения, связанные с таким правовым явлением, как снятие с осужденного правового статуса «злостный нарушитель установленного порядка отбывания наказания» (далее – злостный статус, статус злостного нарушителя). Проведен анализ законодательных положений, регламентирующих процедуру снятия с осужденного исследуемого статуса. В обобщенном виде представлена информация о практической деятельности администрации мест лишения свободы Сибирского федерального округа (далее – СФО), направленной на реализацию процедуры снятия с осужденного злостного статуса. По результатам анализа правовых норм и практики реализации данного института были выявлены правовые и организационные недостатки, предложены пути их решения. В проведенном исследовании применялись такие методы, как анкетный опрос, заключающийся в получении ответов на поставленные в анкете вопросы от практических сотрудников мест лишения свободы. На их основе были сделаны объективные выводы о наличии организационных проблем в деятельности администрации исправительных учреждений СФО, требующих научного подхода в решении исследуемого правового явления. Применение формально-юридического и сравнительно-правового методов позволили сформулировать недостатки правовой регламентации снятия с осужденного данного статуса. Решение правовых и практических проблем авторами видится в предложенном последовательном порядке снятия с осужденного злостного статуса.

Ключевые слова

осужденный, злостное нарушение, злостный нарушитель, правовой статус, исправительные учреждения

Для цитирования

Прохорова М.В., Каретников К.В., Ковалев Н.С. Процедура снятия с осужденных правового статуса «злостный нарушитель установленного порядка отбывания наказания»: теоретико-правовые и организационные аспекты // Актуальные проблемы государства и права. 2024. Т. 8. № 3. С. 451-458. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-3-451-458>

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-3-451-458>

The procedure for removing the legal status of “malicious violator of the established procedure for serving a sentence” from convicted persons: theoretical, legal and organizational aspects

© **Maria V. PROKHOROVA**,

PhD (Law), Head of Organization of Punishment Execution Department, Tomsk Institute of Advanced Training of Employees of the Federal Penitentiary Service of Russia, 10 Govorova St., Tomsk, 634057, Russian Federation; Associate Professor of Criminal Law Department, Tomsk State University, 36 Lenin Ave., Tomsk, 634050, Russian Federation, <https://orcid.org/0009-0005-0742-7765>, prohorova@rambler.ru

© **Konstantin V. KARETNIKOV**,

PhD (Law), Senior Lecturer of Regime Organization Department, Kuzbass Institute of the Federal Penal Service of Russia, 49 Oktyabrsky Ave., Novokuznetsk, 654066, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0003-4066-0807>, kostya_385@mail.ru

© **Nikolay S. KOVALEV**,

Lecturer of Regime Organization Department, Kuzbass Institute of the Federal Penal Service of Russia, 49 Oktyabrsky Ave., Novokuznetsk, 654066, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0003-4221-9767>, dddes2017@mail.ru

Abstract

The object of the study is criminal enforcement legal relations related to such a legal phenomenon as the removal of the convicted person's legal status as a “malicious violator of the established procedure for serving punishment” (hereinafter referred to as malicious status, the status of a malicious violator). The analysis of the legislative provisions regulating the procedure for removing the studied status from a convicted person is carried out. Information is summarized on the practical activities of the administration of places of deprivation of liberty of the Siberian Federal District (hereinafter referred to as the SFD) aimed at implementing the procedure for removing the convicted person from malicious status. Based on the results of the analysis of the legal norms and practice of the implementation of this institute, legal and organizational shortcomings are identified, and ways to solve them are proposed. The conducted research used methods such as a questionnaire survey, which consists in obtaining answers to the questions posed in the questionnaire from practical employees of places of detention. On their basis, objective conclusions are drawn about the existence of organizational problems in the activities of the administration of correctional facilities of the SFD, requiring a scientific approach to solving the legal phenomenon under study. The use of formal legal and comparative legal methods made it possible to formulate the shortcomings of the legal regulation of the removal of this status from a convicted person. We see the solution of legal and practical problems in the proposed sequential procedure for removing the convicted person from malicious status.

Keywords

convicted person, malicious violation, malicious violator, legal status, correctional facilities

For citation

Prokhorova, M.V., Karetnikov, K.V., & Kovalev, N.S. (2024). The procedure for removing the legal status of “malicious violator of the established procedure for serving a sentence” from convicted persons: theoretical, legal and organizational aspects. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 8, no. 3, pp. 451-458. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-3-451-458>

Введение

Вопросы реализации лишения свободы неразрывно пересекаются с исправительно-профилактическим воздействием, оказываемым администрацией учреждений уголовно-исполнительной системы (далее – УИС) на осужденных.

Одним из немаловажных этапов реализации данной меры наказания является обеспечение администрацией исправительных учреждений (далее – ИУ) соблюдения и исполнения уголовно-исполнительных запретов и обязанностей спецконтингентом. Данная обеспечительная функция заключается в обязанности администрации привлекать к юридической ответственности всех осужденных, которые не соблюдают и не исполняют уголовно-исполнительные предписания.

В Уголовно-исполнительном кодексе Российской Федерации (далее – УИК РФ) законодатель закрепил и систематизировал перечень дисциплинарных взысканий, которые администрация ИУ может применять к осужденным в качестве обеспечения исполнения и соблюдения ими уголовно-исполнительных предписаний.

Факт применения к осужденному таких мер позволяет вести речь о такой актуальной категории, как приобретение осужденным статуса злостного нарушителя.

Вопросы, связанные с основанием и порядком признания и основанием снятия с осужденного исследуемого статуса, достаточно подробно раскрываются в УИК РФ. Однако, как и любая норма права, статья 116 УИК РФ не лишена дискуссионности и проблемных аспектов.

В частности, впервые за все время действия УИК РФ законодателем были предусмотрены основания, по которым администрация ИУ обязана снять с осужденного данный правовой статус.

Однако вследствие многолетней практики применения статьи 116 УИК по усмотрению администрации ИУ на региональном уровне сложилась различная процедура снятия с осужденного рассматриваемого статуса.

Данное обстоятельство, несмотря на законодательную регламентацию оснований снятия, порождает проблемы правоприменения. В частности, в настоящее время законодателем определен порядок признания осужден-

ного злостным нарушителем, однако, несмотря на наличие юридического факта снятия с осужденного данного правового статуса, порядок осуществления данной процедуры отсутствует.

В теории уголовно-исполнительного права данное правовое явление не лишено внимания со стороны ученых. В частности, различные аспекты приобретения осужденным правового статуса злостного нарушителя отражены в работах О.А. Алфимовой [1], Т.Г. Антонова [2], А.Н. Гордополова [3], А.И. Дроздова [4], Е.А. Каданева [5], И.Б. Казака [6], С.М. Савушкина [7], В.И. Селиверстова [8], Б.А. Спасенникова [9], Е.В. Чернышенко [10], В.Е. Южанина [11] и др.

Цель исследования заключается в выявлении недостатков в практике реализации данного правового института администрацией мест лишения свободы, выработке алгоритма снятия с осужденного статуса злостного нарушителя.

Результаты исследования

1. Теоретико-правовые аспекты статуса «злостный нарушитель УПОН»

УИК РФ определено такое понятие, как злостное нарушение установленного порядка отбывания наказания. Перечень злостных нарушений, указанных в части 1 статьи 116 УИК РФ, является исчерпывающим и расширительному толкованию не подлежит [12].

Следует отметить, что в случае, если осужденный в течение года вновь совершит правонарушение, за которое будет привлечен администрацией ИУ к юридической ответственности в виде водворения в штрафной изолятор (далее – ШИЗО) или дисциплинарный изолятор (далее – ДИЗО), то это также влечет за собой правовые последствия, которые приравниваются к злостному нарушению, и за которое осужденный, по решению администрации мест лишения свободы, может приобрести статус злостного нарушителя (часть 2 статьи 116 УИК РФ).

Порядок наложения администрацией ИУ на осужденного злостного статуса имеет подробное и систематизированное описание в нормах УИК РФ. В частности, если осужденный совершает злостное правонарушение, то решением комиссии исправительного учреждения (далее – ИУ), оформленным в

виде постановления за подписью начальника, осужденный приобретает статус злостного нарушителя одновременно с наложением взыскания (часть 4 статьи 116 УИК РФ). Следует отметить, что в описательной части соответствующего постановления должны указываться обстоятельства последнего совершенного правонарушения и делаться ссылка на норму закона, содержащую основания признания осужденного злостным нарушителем¹.

Вместе с тем в нормах УИК РФ законодатель также предусмотрел ситуации, при которых администрация ИУ признает осужденного злостным нарушителем не только за совершение злостного правонарушения. В частности, в практической деятельности мест лишения свободы часто происходят случаи, когда в течение года осужденный, имеющий не погашенное или не снятое дисциплинарное взыскание, вновь допускает не соблюдение или не исполнение уголовно-исполнительных предписаний, за которое признается виновным, с применением к нему мер юридической ответственности в виде водворения в ШИЗО (ДИЗО). В этом случае администрация ИУ, в лице сотрудников, входящих в состав дисциплинарной комиссии, может признать осужденного злостным нарушителем, одновременно с наложением вышеуказанных мер юридической ответственности².

Следовательно, и в первом и во втором случае происходит изменение правового положения осужденного, влекущее за собой изменение условий отбывания наказания и, как результат, увеличение объема правоограничений [13].

В частности, с приобретением осужденным данного статуса он, как правило, переводится в запираемые помещения и претерпевает «двойную изоляцию», лишаясь права свободного передвижения внутри изолированного участка, а также ограничиваясь в количестве получаемых посылок, передач и бандеролей, свиданиях с родственниками и т. д.

¹ См.: О направлении практических рекомендаций о работе комиссии исправительного учреждения по избранию мер взыскания и изменению условий отбывания наказания осужденным, отбывающим наказание в виде лишения свободы: письмо ФСИН России от 21.12.2021 № исх-03-88044. Документ опубликован не был.

² Там же.

Следует также отметить, что статус злостного нарушителя влияет на положительное решение суда о предоставлении осужденному условно-досрочного освобождения (далее – УДО), даже при условии, что администрация учреждения предоставит на рассмотрение положительную характеристику на осужденного. В соответствии с частью 4.1 статьи 79 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) суды при принятии решения о предоставлении осужденному УДО учитывают поведение осужденного в период всего срока отбывания наказания.

Во втором случае, негативные последствия статуса злостного нарушителя сказываются при назначении судами административного надзора. Анализ судебной практики показал, что при назначении осужденному, освобождающемуся из мест лишения свободы, административного надзора суды основывают свое решение на следующем³:

1. В силу части 2 статьи 173.1 УИК РФ, в отношении совершеннолетнего гражданина, освобождаемого из мест лишения свободы и отбывающего наказание за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления либо преступления при рецидиве преступлений или умышленного преступления в отношении несовершеннолетнего, за исключением преступлений, указанных в части 1 настоящей статьи, судом устанавливается административный надзор в соответствии с федеральным законом в случае, если это лицо в период отбывания наказания в местах лишения свободы признавалось «злостным нарушителем УПОИ».

2. В части 3 статьи 3 Федерального закона от 06 апреля 2011 г. № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобо-

³ См.: Административное дело по административному исковому заявлению Бычкова Евгения Викторовича к федеральному казенному учреждению исправительная колония № 19 УФСИН России по Волгоградской области об оспаривании действий: Решение Суворовского районного суда Волгоградской области от 09.01.2019 № 2а-69/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/U7xdIMYI7VI> (дата обращения: 14.09.2023); Гражданское дело по апелляционной жалобе Руденко С.А. на решение Калининского районного суда г. Уфа Республики Башкортостан: Апелляционное определение Верховного суда Республики Башкортостан. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Nf98dVoH351/> (дата обращения: 14.09.2023).

жденными из мест лишения свободы» сказано, что в отношении лица, совершившего: тяжкое или особо тяжкое преступление; преступление при рецидиве преступлений; умышленное преступление в отношении несовершеннолетнего административный надзор устанавливается, если лицо в период отбывания наказания в местах лишения свободы признавалось злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания.

3. Исходя из вышеприведенных норм права, в отношении совершеннолетнего лица, признававшегося в период отбывания наказания в местах лишения свободы злостным нарушителем, освобождаемого из мест лишения свободы, устанавливается административный надзор.

Наиболее неблагоприятно представленная практика сказывается на лицах, которые находились в местах лишения свободы достаточно долгое время, поскольку для них, фактически, нет шансов на исправление.

Следует подчеркнуть, что наличие у осужденного статуса злостного нарушителя в период отбывания наказания ставит под сомнение результативность проведения воспитательной работы и, как следствие, сам процесс исправления. Более того, в практике имеются случаи, когда осужденный признается злостным нарушителем неоднократно, без снятия предыдущего статуса. В связи с этим представляется неоспоримым вопрос о необходимости снятия с осужденного данного специального правового статуса [14, с. 100].

Таким образом, результаты вышеизложенного позволяют заключить, что обладание осужденным правовым статусом злостного нарушителя оказывает негативное влияние на процесс исполнения и отбывания наказания и, как следствие, на достижение целей уголовно-исполнительного законодательства вследствие увеличения объема правоограничений, сопровождаемых сложностью проведения воспитательной работы, привлечения к труду и обучению.

2. Правовые и организационные аспекты процедуры снятия с осужденного правового статуса злостного нарушителя

В июне 2023 г. законодатель, впервые за почти 30-летнюю историю действия УИК РФ, внес изменения в статью 116, закрепив в ней положения, на основании которых ад-

министрация мест лишения свободы обязана считать осужденного не имеющим исследуемого правового статуса. Согласно первому основанию, лицо является не имеющим статуса злостного нарушителя, если по решению администрации мест лишения свободы с него досрочно будет снято ранее наложенное дисциплинарное взыскание, за которое он и приобрел данный статус. При этом обязательным условием является отсутствие у него иных взысканий.

Во втором случае осужденный считается не имеющим рассматриваемого правового статуса, если в течение года после того, как он отбыл дисциплинарное взыскание, предусмотренное пунктами «в», «г», «д» и «е» части первой статьи 115 и пунктом «б» статьи 136 настоящего Кодекса, он не будет подвергнут новому взысканию.

Многолетняя региональная практика решения вопроса администрацией ИУ о снятии с осужденного исследуемого статуса, подтвержденная результатами проведенного анкетирования, позволят выделить два основных подхода.

Первый – не предусматривает какой-либо процедуры снятия злостного статуса, а лишь заключается в формальном его лишении осужденного ввиду снятия либо погашения действующих мер юридического воздействия.

Следствием такого подхода следует считать тот аспект, что даже при отсутствии действующих взысканий осужденный по-прежнему может претерпевать ограничения, связанные со статусом злостный нарушитель. Так, например, нередки случаи, когда имеющееся у осужденного действующее взыскание, в связи с истечением сроков, было погашено, но он по-прежнему содержался в запираемых помещениях и претерпевал весь объем правоограничений до того момента, пока администрация ИУ не признавала его не имеющим данного статуса [14, с. 101].

Как показывают результаты проведенного анкетирования, такие ситуации возникают не в силу некомпетентности администрации по данному вопросу, а в силу оценки поведения осужденного в период нахождения в строгих условиях отбывания наказания. В частности, если осужденный не рекомендовал себя в этот период с положи-

тельной стороны, то сам факт отсутствия у него действующих взысканий (снятых или погашенных) не является основанием снятия рассматриваемого статуса и, как следствие, изменения условий отбывания наказания.

Второй подход имеет определенную последовательность действий, выражающуюся в следующем.

1. У осужденного либо погашается через год действующее взыскание, либо с него досрочно снимается взыскание.

2. После этого администрация мест лишения свободы собирает комиссию для вынесения решения о снятии с осужденного данного статуса. При этом заинтересованными отделами и службами подготавливается ряд сопутствующих документов, характеризующих осужденного.

3. Решение комиссии оформляется постановлением за подписью начальника ИУ. Данный документ является юридическим фактом снятия с осужденного рассматриваемого статуса и, как следствие, основанием для перевода из строгих условий в обычные.

Подобный подход, применяемый в 42 % учреждений СФО, представляется наиболее сбалансированным, не противоречащим действующему законодательству. На основании не единого мнения, а мнения группы сотрудников, входящих в дисциплинарную комиссию, такой подход характеризуется всесторонней оценкой личности осужденного, изучением динамики его поведения в период нахождения в данном статусе и содержания в запираемых помещениях, что позволяет принять справедливое и обоснованное решение.

Таким образом, не противоречит закону снятие с осужденного исследуемого статуса постановлением начальника ИУ одновременно с погашением либо снятием дисциплинарного взыскания в общем порядке (через 1 год), поскольку не связано с ухудшением его правового положения. В то же время данное обстоятельство никак не влияет на возможность установления такому осужденному административного надзора после освобождения [15, с. 7].

Заключение

На основании изложенного выше можно сделать следующие выводы.

1. Обладание осужденным правовым статусом злостного нарушителя оказывает негативное влияние на процесс исполнения и отбывания наказания и, как следствие, на достижение целей уголовно-исполнительного законодательства вследствие увеличения объема правоограничений, сопровождаемых сложностью проведения воспитательной работы, привлечения к труду и обучению.

Из имеющихся в науке и практике подходов, раскрывающих алгоритм снятия с осужденного злостного статуса, системным и обоснованным следует признать подход, при котором не только не нарушается действующее законодательство, но и происходит всесторонняя оценка личности осужденного, динамика его поведения в период нахождения в данном статусе и содержания в запираемых помещениях. В частности, при погашении либо досрочном снятии действующего взыскания у осужденного, признанного злостным нарушителем, комиссией ИУ принимается решение о снятии с осужденного данного правового статуса. Оформляется факт снятия с осужденного правового статуса злостный нарушитель постановлением начальника ИУ. Данное постановление будет являться основанием для перевода из строгих условий в обычные, что будет соответствовать логике водворения в строгие условия отбывания наказания.

Список источников

1. Алфимова О.А. Сравнительно-правовой анализ содержания злостного нарушения порядка отбывания наказания осужденными к лишению свободы по действующему законодательству стран СНГ // Вестник Кузбасского института. 2021. № 4 (49). С. 9-15. [https://doi.org/10.53993/2078-3914/2021/4\(49\)/9-15](https://doi.org/10.53993/2078-3914/2021/4(49)/9-15), <https://elibrary.ru/kgwqjrh>
2. Антонов Т.Г. Проблемы законодательного закрепления статуса «злостный нарушитель установленного порядка и условий отбывания наказания» // Вестник Кузбасского института. 2017. № 2 (31). С. 24-29. <https://elibrary.ru/ytnvxj>

3. Гордолопов А.Н. Злостный нарушитель режима отбывания наказания в виде лишения свободы и его ответственность в уголовно-исполнительном законодательстве: дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2022. 279 с. <https://elibrary.ru/xwgcju>
4. Дроздов А.И. Проблемы правового регулирования перевода в тюрьму лиц, признанных злостными нарушителями установленного порядка отбывания наказания // Вестник Самарского юридического института. 2010. № 1 (1). С. 111-113. <https://elibrary.ru/qbjjyp>
5. Каданева Е.А. Правовые последствия признания осужденного злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания // Право и политика. 2016. № 5. С. 594-597. <https://doi.org/10.7256/1811-9018.2016.5.14512>, <https://elibrary.ru/wazayx>
6. Казак И.Б. Некоторые теоретические и правовые аспекты признания осужденного злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2007. № 5. С. 27-31. <https://elibrary.ru/kwwqbn>
7. Савушкин С.М. Порядок перевода в единые помещения камерного типа или в тюрьму осужденных, являющихся злостными нарушителями установленного порядка отбывания наказания. Новокузнецк: Кузбас. ин-т Фед. службы исполнения наказаний, 2018. 16 с. <https://elibrary.ru/ysoywd>
8. Селиверстов В.И. Злостные нарушители режима в аспекте характеристики лиц, отбывающих пожизненное лишение свободы // Вестник Кузбасского института. 2022. № 1 (50). С. 77-86. [https://doi.org/10.53993/2078-3914/2022/1\(50\)/77-86](https://doi.org/10.53993/2078-3914/2022/1(50)/77-86), <https://elibrary.ru/qbitxn>
9. Спасенников Б.А. Особенности личности осужденных, признанных злостными нарушителями установленного порядка отбывания наказания // Образование и наука в России и за рубежом. 2018. № 7 (42). С. 64-66. <https://elibrary.ru/xtujmt>
10. Чернышенко Е.В. Проблемы признания осужденных к лишению свободы злостными нарушителями установленного порядка отбывания наказания // Юридическая наука и практика: альманах науч. тр. Самарского юрид. ин-та ФСИИ России. Самара: Самар. юрид. ин-т Фед. службы исполнения наказаний, 2018. Т. 6. Ч. 1. С. 312-314. <https://elibrary.ru/vpfuck>
11. Южанин В.Е. Проблемы социальной адаптации осужденных, отбывших длительные сроки лишения свободы, и злостных нарушителей режима // Уголовно-исполнительное право. 2011. № 1 (11). С. 57-60. <https://elibrary.ru/pvkakn>
12. Южанин В.Е., Бочкарев В.В. Проблема понятия злостного нарушителя установленного порядка отбывания наказания в местах лишения свободы // Вестник Владимирского юридического института. 2022. № 4 (65). С. 12-17. <https://elibrary.ru/oanbki>
13. Казак И.Б., Захарченко С.Н., Павлов П.А. Совершенствование уголовно-правовых мер предупреждения противоправной деятельности злостных нарушителей установленного порядка отбывания наказания в исправительные учреждения // Право и государство: теория и практика. 2020. № 6 (186). С. 126-128. <https://elibrary.ru/xuxxdm>
14. Янчук И.А., Четина А.А. К вопросу о снятии с осужденного статуса злостного нарушителя установленного порядка отбывания наказания // Ius publicum et privatum. 2021. № 4 (14). С. 99-102. <https://doi.org/10.46741/2713-2811-2021-4-99-102>, <https://elibrary.ru/osxocg>
15. Храмов А.А. Порядок и условия преодоления некоторых пробелов уголовно-исполнительного законодательства в сфере исполнения уголовных наказаний учреждениями ФСИИ России. Новокузнецк: Кузбас. ин-т ФСИИ России, 2020. 15 с.

References

1. Alfimova O.A. (2021). Comparative legal analysis of the content of malicious (gross) violation of the procedure for serving sentences sentenced to imprisonment under the current legislation of the CIS countries. *Vestnik Kuzbasskogo instituta = Bulletin of the Kuzbass Institute*, no. 4 (49), pp. 9-15. (In Russ.) [https://doi.org/10.53993/2078-3914/2021/4\(49\)/9-15](https://doi.org/10.53993/2078-3914/2021/4(49)/9-15), <https://elibrary.ru/kgwqjh>
2. Antonov T.G. (2017). The problems of the legislative consolidation of the status of a “malicious violator of the established order and conditions of serving punishment”. *Vestnik Kuzbasskogo instituta = Bulletin of the Kuzbass Institute*, no. 2 (31), pp. 24-29. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ytnvxj>
3. Gordopolov A.N. (2022). *Zlostnyi narushitel' rezhima otbyvaniya nakazaniya v vide lisheniya svobody i ego otvetstvennost' v ugovlovno-ispolnitel'nom zakonodatel'stve*. PhD (Law) diss. Ryazan, 279 p. <https://elibrary.ru/xwgcju>
4. Drozdov A.I. (2010). Problems of legal regulation of transfer to prison of persons recognized as malicious violators of the established procedure for serving a sentence. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta = Bulletin of the Samara Law Institute*, no. 1 (1), pp. 111-113. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qbjjyp>

5. Kadaneva E.A. (2016). Legal consequences of recognizing a convicted person as a malicious violator of the established procedure for serving a sentence. *Pravo i politika = Law and Politics*, no. 5, pp. 594-597. (In Russ.) <https://doi.org/10.7256/1811-9018.2016.5.14512>, <https://elibrary.ru/wazayx>
6. Kazak I.B. (2007). Some theoretical and legal aspects of recognizing a convicted person as a malicious violator of the established procedure for serving a sentence. *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie = Criminal-Executory System: Law, Economy, Management*, no. 5, pp. 27-31. (In Russ.) <https://elibrary.ru/kwwqbn>
7. Savushkin S.M. (2018). Poryadok perevoda v edinye pomeshcheniya kamernogo tipa ili v tyur'mu osuzhdennykh, yavlyayushchikhsya zlostnymi narushitelyami ustanovlennogo poryadka otbyvaniya nakazaniya. Novokuznetsk, Kuzbass Institute of Federal Penal System of Russia Publ., 16 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ysoywd>
8. Seliverstov V.I. (2022). Malicious violators of the regime in the aspect of the characteristics of persons serving life imprisonment. *Vestnik Kuzbasskogo instituta = Bulletin of the Kuzbass Institute*, no. 1 (50), pp. 77-86. (In Russ.) [https://doi.org/10.53993/2078-3914/2022/1\(50\)/77-86](https://doi.org/10.53993/2078-3914/2022/1(50)/77-86), <https://elibrary.ru/qbitxn>
9. Spasennikov B.A. (2018). Features of the personality of convicts recognized as malicious violators of the established order of serving the sentence. *Obrazovanie i nauka v Rossii i za rubezhom*, no. 7 (42), pp. 64-66. (In Russ.) <https://elibrary.ru/xtujmt>
10. Chernyshenko E.V. (2018). Problems of recognizing persons sentenced to imprisonment as malicious violators of the established procedure for serving a sentence. *Al'manakh nauchnykh trudov Samarskogo yuridicheskogo instituta FSIN Rossii «Yuridicheskaya nauka i praktika» = Almanac of Scientific Works of the Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia "Legal Science and Practice"*. Samara, Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia Publ., vol. 6, pt 1, pp. 312-314. (In Russ.) <https://elibrary.ru/vpfuck>
11. Yuzhanin V.E. (2011). The problems of social adjustment of the convicts who served long-term deprivation of liberty and persistent regime-breakers. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo = Penal Law*, no. 1 (11), pp. 57-60. (In Russ.) <https://elibrary.ru/pvkakn>
12. Yuzhanin V.E., Bochkarev V.V. (2022). The problem of the concept of a malicious violator of the established order of punishment serving in places of detention. *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta = Bulletin of Vladimir Law Institute*, no. 4 (65), pp. 12-17. (In Russ.) <https://elibrary.ru/oanbki>
13. Kazak I.B., Zakharchenko S.N., Pavlov P.A. (2020). Improving criminal-legal measures to prevent illegal activities of malicious violators of the established order of serving the sentence in correctional institutions. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika = Law and State: the Theory and Practice*, no. 6 (186), pp. 126-128. (In Russ.) <https://elibrary.ru/xuxxdm>
14. Yanchuk I.A., Chetina A.A. (2021). On the issue of removing from a convicted person the status of a malicious violator of the established procedure of serving a sentence. *Ius publicum et privatum*, no. 4 (14), pp. 99-102. (In Russ.) <https://doi.org/10.46741/2713-2811-2021-4-99-102>, <https://elibrary.ru/osxocg>
15. Khramov A.A. (2020). *Poryadok i usloviya preodoleniya nekotorykh probelov ugolovno-ispolnitel'nogo zakonodatel'stva v sfere ispolneniya ugolovnykh nakazanii uchrezhdeniyami FSIN Rossii*. Novokuznetsk, Kuzbass Institute of Federal Penal System of Russia Publ., 15 p. (In Russ.)

Авторы демонстрируют отсутствие конфликта интересов. / Authors declare no conflict of interests.

Поступила в редакцию / Received 27.06.2024

Поступила после рецензирования / Revised 19.08.2024

Принята к публикации / Accepted 20.09.2024

Контент доступен под лицензией [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ОБЗОР ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ
REVIEW OF LEGISLATION
AND LAW ENFORCEMENT PRACTICE

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 349.3

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-3-459-465>

Шифр научной специальности 5.1.2

**Новое в российском пенсионном праве
(обзор изменений 2024 года)**

© АЛЕКСАНДРОВА Анна Викторовна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Юридического института, ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет», Российская Федерация, 440026, г. Пенза, ул. Красная, 40, <https://orcid.org/0000-0003-0747-8675>, ann-alexandrova@mail.ru

Аннотация

Рассмотрены новые положения, получившие свое закрепление в пенсионном законодательстве России в 2024 году либо вступившие в силу в указанный период. В частности, речь идет об индексации страховой пенсии работающим пенсионерам: рассматривается история появления принципа индексации пенсии в российском праве; причины и порядок отмены индексации, а также правовые основы ее возобновления. Также освещены вопросы, связанные с изменениями в области законодательного регулирования пенсионных накоплений: новый порядок выплаты средств пенсионных накоплений; созданные в 2024 г. возможности перевода гражданами этих средств в долгосрочные сбережения. Кроме того, проанализированы правовые позиции Верховного суда Российской Федерации по пенсионным делам, сформулированные им в обзоре практики, принятом летом 2024 г. Особое внимание уделено правовым позициям, связанным с подтверждением специального стажа работы, необходимого для досрочного назначения страховой пенсии по старости. Изучены правовые позиции Верховного суда РФ относительно способов доказывания специального стажа, порядка включения в него таких периодов, как прохождение интернатуры и ординатуры медицинскими работниками и др. Сформулированы выводы о значении исследуемых положений для защиты пенсионных прав граждан в России.

Ключевые слова

пенсия, индексация, накопления, специальный стаж, пенсионные права

Для цитирования

Александрова А.В. Новое в российском пенсионном праве (обзор изменений 2024 года) // Актуальные проблемы государства и права. 2024. Т. 8. № 3. С. 459-465. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-3-459-465>

New developments in Russian Pension Law (review of changes in 2024)

© Anna V. ALEKSANDROVA,

PhD (Law), Associate Professor, Associate Professor of State and Legal Disciplines Department, Law Institute, Penza State University, 40 Krasnaya St., Penza, 440026, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0003-0747-8675>, ann-alexandrova@mail.ru

Abstract

New provisions that were enshrined in the pension legislation of Russia in 2024 or entered into force during the specified period are examined. In particular, it concerns the indexation of insurance pensions for working pensioners: it examines the history of the emergence of the principle of pension indexation in Russian law; the reasons and procedure for canceling indexation, as well as the legal basis for its resumption. Issues related to changes in the legislative regulation of pension savings: a new procedure for the payment of pension savings; opportunities created in 2024 for citizens to transfer these funds into long-term savings are covered. In addition, the legal positions of the Supreme Court of the Russian Federation on pension cases, formulated by it in the review of practice adopted in the summer of 2024 are analyzed. Special attention is paid to the legal positions related to the confirmation of special work experience required for the early assignment of an old-age insurance pension. The legal positions of the Supreme Court are studied regarding the methods of proving special work experience, the procedure for including such periods as internship and residency by medical workers, etc. Conclusions are formulated on the significance of the provisions under study for the protection of the pension rights of citizens in Russia.

Keywords

pension, indexation, savings, special work experience, pension rights

For citation

Alexandrova, A.V. (2024). New developments in Russian Pension Law (review of changes in 2024). *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 8, no. 3, pp. 459-465. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-3-459-465>

2024 год принес ряд существенных изменений в российское пенсионное законодательство, связанных с индексацией пенсий, выплатой пенсионных накоплений и проч. Также значимым событием стало утверждение Пленумом Верховного суда Российской Федерации «Обзора практики рассмотрения судами дел по пенсионным спорам», содержащего ряд правовых позиций высшего судебного органа страны по наиболее сложным вопросам реализации пенсионных прав граждан. В связи с этим представляется актуальным рассмотрение новелл пенсионного права России: анализ соответствующих нормативных актов и предстоящих (либо уже реализованных) изменений в данной сфере.

I. Индексация пенсии работающим пенсионерам

Вопрос об индексации пенсии работающим пенсионерам в течение последних лет являлся предметом острых дискуссий в рос-

сийском обществе. После отказа государства от индексации пенсий указанной категории граждан (с 2016 г.) политики, представители науки, практикующие юристы высказывали противоположные мнения относительно данной проблемы.

Обратимся к истории вопроса. Право на пенсию в связи с достижением определенного возраста впервые появилось в отечественном законодательстве в 1920–1930-е гг. Сперва оно предусматривалось для работников определенных отраслей промышленности (горной, металлургической промышленности, железнодорожного транспорта и др.).

В 1956 г. был принят общесоюзный закон¹, установивший единые условия для получения пенсии по старости рабочими и служащими: возраст (по общему правилу, 60 лет

¹ О государственных пенсиях: Закон СССР от 14.07.1956 // Свод законов СССР. 1990. Т. 2. С. 532.

для мужчин и 55 лет для женщин) и трудовой стаж (25 лет для мужчин и 20 лет для женщин). В 1960-е гг. эти условия были распространены на членов колхозов. Согласно закону 1956 г. (статья 15), пенсии работающим пенсионерам выплачивались в неполном размере. Индексация пенсий не предусматривалась, поскольку при плановой государственной экономике инфляция практически отсутствовала.

В последующие годы уровень пенсионного обеспечения для работающих граждан постоянно корректировался. Закон РСФСР 1990 г. о государственных пенсиях установил единые правила индексации пенсий в зависимости от роста заработной платы для всех россиян независимо от того, продолжают они работать или нет². Федеральный закон «О трудовых пенсиях в Российской Федерации»³ предусмотрел индексацию пенсий в зависимости от роста цен в стране.

В результате многочисленных преобразований, оформленных законами 2001–2013 гг., в России сложилась пенсионная система, включающая следующие виды пенсий: страховые, государственные (по государственному обеспечению) и накопительная. В отношении каждого вида пенсий действует собственный закон, и их увеличение происходит по особым правилам.

В частности, в отношении страховой пенсии было предусмотрено, что с 2016 г. она не индексируется для лиц, продолжающих работу⁴. Напомним, что к страховой пенсии, согласно российскому законодательству, назначается фиксированная выплата. Ее индексация для работающих пенсионеров была приостановлена с 2019 г.⁵ Ключевым мотивом

таких изменений явилось стремление сократить дефицит бюджета Пенсионного фонда РФ (который, как известно, с 2023 г. преобразован в Социальный фонд РФ). Некоторое повышение пенсии, тем не менее, регулярно осуществлялось и для работающих пенсионеров: с учетом взносов, уплаченных за них работодателем за прошедшие 12 месяцев, осуществлялся перерасчет пенсии (с 1 августа каждого года).

В научной литературе справедливо отмечалось, что отсутствие индексации пенсии и возможности получать социальную доплату для работающих пенсионеров отрицательно влияют на мотивацию к продолжению трудовой деятельности лиц пенсионного возраста [1, с. 50]. К тому же за последние 8 лет в России сложилась практика фиктивных увольнений, когда для того, чтобы получить проиндексированную пенсию, пенсионер увольнялся с работы, а после назначения пенсии в полном объеме возвращался на прежнее рабочее место.

В то же время ряд экспертов и исследователей последовательно выступали сторонниками отказа от индексации пенсии работающим пенсионерам [2, с. 73].

Впоследствии вопрос о возвращении индексации для работающих пенсионеров поднимался не раз. Принятие в 2020 г. поправок к Конституции РФ вновь оживило дискуссии по данному вопросу. Действующая редакция статьи 75 Конституции РФ (часть 6) гласит о том, что в России «осуществляется индексация пенсий не реже одного раза в год в порядке, установленном федеральным законом»⁶. Данная норма не установила никаких исключений для работающих пенсионеров, в связи с чем у последних возник резонный вопрос о возврате для них индексации. Тем не менее, принятия соответствующего закона пришлось ждать еще 4 года. По инициативе Президента РФ был разработан законопроект, который был принят 8 июля 2024 г.⁷ Согласно ему, с 1 февраля 2025 г.

значения и выплаты пенсий: Федеральный закон от 3.10.2018 № 350-ФЗ // Российская газета. 2018. 5 окт.

⁶ Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. // Российская газета. 2020. 4 июля.

⁷ О внесении изменений в статью 17 Федерального закона «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации» и статью 26-1 Федерального

² О государственных пенсиях в РСФСР: Закон РСФСР от 20.11.1990 № 340-1. Ст. 7 // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и ВС РСФСР. 1990. 6 дек. № 27. Ст. 351.

³ О трудовых пенсиях в Российской Федерации: Федеральный закон от 17.12.2001 № 173-ФЗ. Ст. 17 // Российская газета. 2001. 20 дек.

⁴ О приостановлении действия отдельных положений законодательных актов Российской Федерации, внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и особенностях увеличения страховой пенсии, фиксированной выплаты к страховой пенсии и социальных пенсий: Федеральный закон от 29.12.2015 № 385-ФЗ // Российская газета. 2015. 31 дек.

⁵ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам на-

возобновляется индексация пенсии работающим пенсионерам.

По мнению экономистов, данная мера позволит вернуть на рынок труда около одного миллиона специалистов⁸. Она представляется весьма оправданной в условиях дефицита рабочей силы на российском рынке труда.

В то же время сохраняется различие между размером пенсии неработающего пенсионера и размером пенсии работающего пенсионера. Хотя для расчета индексации берется период 2016–2024 гг., это не значит, что работающий пенсионер получит пенсию с учетом всех повышений, производившихся за эти 8 лет. Законодателем применена сложная формула для расчета индексации, которая позволяет сэкономить определенные средства.

Как разъясняет Социальный фонд РФ, базой для расчета прибавки станет размер пенсий с учетом всех индексаций за 2016–2024 гг. Он складывается из фактической пенсии и суммы пропущенных повышений. При этом включение в пенсию недополученной индексации за указанный период произойдет после прекращения пенсионером трудовой деятельности.

В Информации Социального фонда РФ от 17 июля 2024 г. приводится следующий пример: «Пенсия работающего пенсионера составляет 17,4 тыс. рублей. С учетом пропущенных индексаций за три предыдущих года работы пенсия составляет 23,4 тыс. рублей. Это более высокий размер, который закреплен на лицевом счете пенсионера, и именно по нему будет считаться индексация. Повышение при этом установят к получаемой пенсии в размере 17,4 тыс. рублей. Когда пенсионер уволится, его пенсия вслед за прибавкой по индексации будет дополнительно увеличена исходя из всех пропущенных повышений»⁹.

закона «О страховых пенсиях»: Федеральный закон от 8.07.2024 № 173-ФЗ // Российская газета. 2024. 12 июля.

⁸ Индексация пенсий работающим пенсионерам. Что нужно знать // Известия. 2024. 2 июля. URL: <https://iz.ru/1721438/2024-07-02/indeksatciia-pensii-rabotaiushchim-pensioneram-chto-nuzhno-znat> (дата обращения: 10.07.2024)

⁹ Пенсии работающих пенсионеров начнут индексироваться с 2025 года: Информация Фонда пенсионного и социального страхования РФ от 17.07.2024. URL: <https://base.garant.ru/409380486/?ysclid=m16juo-cmpn65945413> (дата обращения: 10.08.2024).

Полагаем, что данный пример является недостаточно иллюстративным и не дает четкого представления о том, насколько будут отличаться пенсии работающего и неработающего пенсионеров. Более удачным нам кажется пример, содержащийся в публикации «Т-Ж»¹⁰: допустим, что по состоянию на 31 декабря 2024 г. пенсия гражданина составила 13000 рублей в месяц. За годы работы он пропустил индексации на 3000 рублей. В этом случае база для индексации составит: $13000 + 3000 = 16000$ рублей. Если в 2025 г. коэффициент индексации составит 7 %, то пенсия данного гражданина должна будет повыситься на 1120 рублей (то есть 7 % от 16000 рублей). При этом повышенная пенсия, если наш гражданин продолжает работать, будет считаться так: $13000 + 1120 = 14120$ рублей. Для того чтобы получать проиндексированную за все пропущенные годы пенсию, по-прежнему надо будет увольняться. Например, если пенсионер уволится в марте 2025 г., он будет получать уже не 14120 рублей, а 17120 рублей в месяц (то есть $16000 + 1120$ рублей).

Таким образом, сложная формула для расчета индексации пенсии работающим пенсионерам позволяет сохранить разницу в величине выплат для трудящихся и нетрудящихся граждан. В то же время министр труда и социальной защиты РФ А.О. Котяков подчеркивает, что с 2025 г. пенсии работающих граждан будут увеличиваться не один, а два раза в год: 1 февраля – с учетом уровня инфляции и 1 апреля – после пересчета пенсионных баллов¹¹.

II. Новый подход к выплате накопительной пенсии

Как уже отмечалось выше, накопительная пенсия представляет собой самостоятельный вид пенсии. Это средства, сформированные на личном счете гражданина за счет отчислений работодателя (которые осуществлялись в обязательном порядке в период с 2002

¹⁰ Мирошкина Е. Президент подписал закон об индексации пенсий для работающих пенсионеров с 2025 года // Т-Ж. 2024. 8 июля. URL: <https://journal.tinkoff.ru/news/pensiya-dlya-rabochikh/?ysclid=lzpc05ygf6565535768> (дата обращения: 14.07.2024).

¹¹ Индексация пенсий работающим пенсионерам. Что нужно знать // Известия. 2024. 2 июля. URL: <https://iz.ru/1721438/2024-07-02/indeksatciia-pensii-rabotaiushchim-pensioneram-chto-nuzhno-znat> (дата обращения: 10.07.2024)

по 2014 г.), добровольных взносов работника и некоторых иных источников (например, средств материнского капитала), а также результатов инвестирования.

По достижении гражданином установленного возраста (для накопительной пенсии он не был повышен и составляет 60 лет для мужчин и 55 лет для женщин) предусматриваются три способа получения средств пенсионных накоплений: в виде накопительной пенсии (ежемесячно), в виде срочной выплаты (в течение не менее 10 лет) и в виде единовременной выплаты¹².

Получить накопления в виде единовременной выплаты возможно при относительно небольшом размере накопленных средств. Для оценки величины пенсионных накоплений до 1 июля 2024 г. пенсионные фонды ориентировались на соотношение величины накопительной пенсии конкретного гражданина и его страховой пенсии. Отныне для такой оценки будет использоваться соотношение величины накопительной пенсии и прожиточного минимума пенсионера в РФ. Если рассчитанная ежемесячная накопительная пенсия гражданина будет составлять менее 10 процентов от величины прожиточного минимума пенсионера, то он вправе получить все свои пенсионные накопления одной суммой, единовременно. Следует отметить, что новый порядок более выгоден: теперь значительно большее число граждан сможет получить свои накопления сразу.

Также нельзя обойти вниманием внедрение с 1 января 2024 г. программы формирования долгосрочных сбережений (согласно Федеральному закону от 28 декабря 2022 г. № 255-ФЗ в редакции 2023 г.¹³). Программа уже начала свое действие, и в ряде субъектов РФ приняты распоряжения, направленные на информационную поддержку ее мероприя-

¹² О порядке финансирования выплат за счет средств пенсионных накоплений: Федеральный закон от 30.11.2011 № 360-ФЗ. Ст. 2 // Российская газета. 2011. 7 дек.

¹³ О гарантировании прав участников негосударственных пенсионных фондов в рамках деятельности по негосударственному пенсионному обеспечению и формированию долгосрочных сбережений: Федеральный закон от 28.12.2022 № 555-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 1. Ст. 2; № 29. Ст. 5317.

тий¹⁴. Суть программы состоит в том, что начиная с 2024 г. негосударственные пенсионные фонды приступают к формированию долгосрочных сбережений, которые гражданам можно будет получить по истечении определенного периода (по общему правилу, 15 лет) либо по достижении возраста 55 лет (женщины) и 60 лет (мужчины). Долгосрочные сбережения формируются за счет взносов граждан, работодателей и государства (оно софинансирует взносы граждан, если их величина составляет от 2000 рублей в год; объем софинансирования составляет до 36000 руб. в год). Также гражданин вправе перевести свои пенсионные накопления в долгосрочные сбережения: в данном случае софинансирование со стороны государства не предусмотрено, однако сохраняется государственная гарантия на внесенные средства и доходы от их инвестирования, право на налоговый вычет, а также возможность получения вложенных средств досрочно в исключительных случаях (например, для оплаты дорогостоящего лечения или в случае потери кормильца).

По данным Банка России, по состоянию на 23 августа 2024 г. в России был заключен уже 1 миллион договоров по Программе долгосрочных сбережений, а объем привлеченных средств составил 55,4 млрд рублей¹⁵.

III. Судебная практика по пенсионным делам

26 июня 2024 г. Президиумом Верховного суда РФ утвержден «Обзор практики рассмотрения судами дел по пенсионным спорам»¹⁶ (далее – Обзор). В документе анализируется практика рассмотрения российскими судами дел указанной категории в 2016–2023 гг. и первом полугодии 2024 г. Верховным судом РФ сформулирован ряд значи-

¹⁴ Например: Об утверждении Плана проведения в Нижегородской области информационно-просветительских мероприятий по программе долгосрочных сбережений в 2024 году: Распоряжение Правительства Нижегородской области от 25.04.2024 № 376-р. URL: <https://nnoypravo.ru/rasporyazhenie/2024/04/25/n-376-r/?ysclid=m17onrt18e140754400> (дата обращения: 10.07.2024).

¹⁵ Программа долгосрочных сбережений // Банк России. URL: https://cbr.ru/RSCI/activity_npf/program/ (дата обращения: 10.08.2024).

¹⁶ Обзор практики рассмотрения судами дел по пенсионным спорам (утв. Президиумом Верховного суда РФ 26.06.2024) // Верховный суд РФ. URL: <https://www.vsrff.ru/documents/thematics/33731/?ysclid=m17txfe3p5654162316> (дата обращения: 10.07.2024).

мых правовых позиций по пенсионным делам. Среди них хотелось бы выделить несколько, связанных с подтверждением специального трудового стажа.

Начать хотелось бы с правовой позиции, сформулированной в пункте 13 Обзора, касающейся педагогических работников. Верховный суд РФ указал, что при подсчете специального стажа, необходимого для досрочного назначения страховой пенсии по старости педагогическим работникам, форма собственности образовательного учреждения правового значения не имеет. Таким образом, в соответствующий стаж должны быть включены периоды работы как в государственном или муниципальном, так и в частном образовательном учреждении. Важно то, чтобы педагогическая деятельность осуществлялась в определенных должностях и в определенных учреждениях для детей, предусмотренных соответствующими списками.

Также ряд значимых позиций сформулирован Верховным судом РФ относительно подсчета и подтверждения специального стажа медицинских работников. В частности, в пункте 14 Обзора указывается, что период прохождения интернатуры отдельными категориями врачей зачитывается в специальный стаж в льготном исчислении при наличии документов, подтверждающих выполнение функциональных обязанностей по должности врача. Согласно пункту 15 Обзора, время пребывания врача в клинической ординатуре должно засчитываться в специальный стаж в соответствии с нормами законодательства, действовавшими в тот период (то есть на момент приобретения стажа). В то же время «в стаж работы, дающей право на досрочное назначение пенсии в связи с осуществлением лечебной и иной деятельности по охране здоровья населения, с 1 ноября 1999 г. включается только работа в должностях медицинских работников в санаториях определенного профиля, поименованных в соответствующих списках» (пункт 16 Обзора). Если до указанной даты в России действовало Постановление Совета Министров РСФСР¹⁷,

¹⁷ Об утверждении списка профессий и должностей работников здравоохранения и санитарно-эпидемиологических учреждений, лечебная и иная работа которых по охране здоровья населения дает право на пенсию за выслугу лет: Постановление Совета Министров РСФСР от 6.09.1991 № 464 (текст Постановления официально опубликован не был). URL: <https://base.garant.ru/5332369/?ysclid=m186mnllic960694585> (дата обращения: 10.07.2024).

согласно которому в специальный стаж работникам здравоохранения и санитарно-эпидемиологических учреждений (врачам и среднему медицинскому персоналу) засчитывались все виды лечебной и иной работы по охране здоровья населения; то с 1 ноября 1999 г. учитывается только работа в строго определенных должностях и учреждениях, поименованных в соответствующих Списках¹⁸. Таким образом, изменение организационно-правовой формы учреждения здравоохранения вполне может выступать основанием для отказа медику включить период такой работы в его специальный стаж, необходимый для досрочного назначения пенсии.

В отношении способов доказывания специального трудового стажа Верховный суд РФ указал следующее: «При рассмотрении судами дел, связанных с реализацией прав граждан на досрочное назначение страховой пенсии по старости, характер работы, включаемой в специальный стаж для досрочного назначения страховой пенсии по старости, подтверждается на основании документов, выдаваемых работодателями или соответствующими государственными (муниципальными) органами в установленном порядке. Показаниями свидетелей характер работы не подтверждается» (пункт 9 Обзора). Позиция сформулирована в связи с рассмотрением дела гражданина Х., который в 2015 г. обратился в суд с иском к пенсионному органу о признании незаконным решения об отказе в назначении пенсии и назначении пенсии со дня обращения. Ряд спорных периодов работы каменщиком не были зачтены Пенсионным фондом РФ в качестве специального трудового стажа Х., необходимого для досрочного назначения страховой пенсии по старости, в связи с отсутствием подтверждающих документов (их истец не мог получить, поскольку работодатель прекратил свою деятельность). Суд первой инстанции встал на сторону Пен-

ров РСФСР от 6.09.1991 № 464 (текст Постановления официально опубликован не был). URL: <https://base.garant.ru/5332369/?ysclid=m186mnllic960694585> (дата обращения: 10.07.2024).

¹⁸ Например, Список должностей, работа в которых засчитывается в выслугу, дающую право на пенсию за выслугу лет в связи с лечебной и иной работой по охране здоровья населения, утвержденный Постановлением Правительства Российской Федерации от 22.09.1999 № 1066 // Российская газета. 1999. 1 окт.

сионного фонда; однако апелляционный суд отменил его решение и удовлетворил требования истца, включив спорные периоды в его специальный трудовой стаж на основании показаний двух свидетелей, совместно работавших с истцом. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда РФ признала выводы суда апелляционной инстанции основанными на неправильном толковании и применении норм материального права, а также сделанными с существенным нарушением норм процессуального права.

Обосновывая свою позицию по данному делу, Верховный суд РФ указал на пункт 3 статьи 13 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» и часть 3 статьи 14 Федерального закона «О страховых пенсиях», согласно которым «характер работы показаниями свидетелей не подтверждается». Надо сказать, что данная норма действует в российском праве с 2009 г.¹⁹ и су-

¹⁹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного

медицинского страхования и территориальные фонды обязательного медицинского страхования: Федеральный закон от 24.07.2009 № 213-ФЗ // Российская газета. 2009. 29 июля.

²⁰ Об индивидуальном (персонифицированном) учете в системе обязательного пенсионного страхования: Федеральный закон от 1.04.1996 № 27-ФЗ // Российская газета. 1996. 10 апр.

щественно ограничивает права работника в области доказывания специального стажа. Система индивидуального персонифицированного учета в сфере обязательного пенсионного страхования введена в России только с 1 января 1997 г.²⁰ Периоды работы, имевшие место до этого, могут быть подтверждены документами. Однако документы могут быть утрачены не по вине работника. Нестабильная экономическая ситуация 1990-х гг. приводила к тому, что многие организации прекращали работу, а их архивы должным образом не сохранялись. Подтвердить периоды трудового стажа возможно посредством показаний свидетелей, но это касается только общего трудового стажа. Если же речь идет о специальном стаже, необходимом для досрочного назначения пенсии по старости, то он показаниями свидетелей, согласно российскому законодательству, подтвержден быть не может.

медицинского страхования и территориальные фонды обязательного медицинского страхования: Федеральный закон от 24.07.2009 № 213-ФЗ // Российская газета. 2009. 29 июля.

²⁰ Об индивидуальном (персонифицированном) учете в системе обязательного пенсионного страхования: Федеральный закон от 1.04.1996 № 27-ФЗ // Российская газета. 1996. 10 апр.

Список источников

1. Маматказин И.Р. Проблемы пенсионного обеспечения работающих пенсионеров // *Кадровик*. 2022. № 3. С. 50-58. <https://elibrary.ru/ojpsas>
2. Иванчина Ю.В., Истомина Е.А. Защита от социальных рисков как фактор обеспечения права на достойное существование // *Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования*. 2023. Т. 9. № 1 (33). С. 66-77. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2023-9-1-66-77>, <https://elibrary.ru/cauceo>

References

1. Mamatkazin I.R. (2022). Problems of pension provision for working pensioners. *Kadrovik = HR Manager*, no. 3, pp. 50-58. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ojpsas>
2. Ivanchina Yu.V., Istomina E.A. (2023). Protection from social risks as a factor in ensuring the right to live in dignity. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsial'no-ekonomicheskie i pravovye issledovaniya = Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research*, vol. 9, no. 1 (33), pp. 66-77. (In Russ.) <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2023-9-1-66-77>, <https://elibrary.ru/cauceo>

Автор демонстрирует отсутствие конфликта интересов. / Author declares no conflict of interests.

Поступила в редакцию / Received 15.08.2024

Поступила после рецензирования / Revised 15.09.2024

Принята к публикации / Accepted 20.09.2024

Контент доступен под лицензией [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ СТАТЕЙ, ПРЕДСТАВЛЯЕМЫХ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛ «АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА»

Всех авторов просим обратить внимание на требования к оформлению статей, поскольку игнорирование хотя бы одного вышеуказанного пункта дает редакции право отказать в публикации Вашей статьи.

Обязательные компоненты условий включения статьи в научный журнал:

- представление автором текста статьи и комплекта сопутствующих документов в строгом соответствии с названными требованиями;
- подписание лицензионного договора;
- согласие автора на редактирование статьи, включение ее в электронные базы данных и использование персональных данных (оригинал согласия на обработку персональных данных). В случае соавторства каждый из авторов заполняет от руки, подписывает отдельное согласие и отправляет его в редакцию по почте или приносит лично.

При подготовке рукописи автору следует ориентироваться на профиль и рубрики журнала.

При проверке в системе «[Антиплагиат](#)» оригинальность текста должна составлять не менее 70 %. Редакция оставляет за собой право не публиковать статьи с уникальностью текста менее 70 %, в остальные 30 % могут входить следующие корректные заимствования: ссылки на научные источники, нормативно-правовые акты, а также совпадение терминов и устойчивых словосочетаний, принятых в данной сфере науки, а также наименование публикаций, конференций, нормативно-правовых актов, ГОСТов, физических и юридических лиц и т. д., компактные группы высказываний и отдельные высказывания с соответствующими сносками на них.

Авторы представляют статьи, подготовленные к публикации, в соответствии с Правилами для авторов, устанавливаемыми редколлегией журнала, **по адресу:** 392000, г. Тамбов, ул. Советская, 181 Б, каб. 214, **телефон:** +7(4752)72-34-34 (доб. 3112). Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина. Институт права и национальной безопасности или **по электронной почте** argospravo.tgu@mail.ru

Публикуются научные статьи объемом от 0,3 до 1,0 п.л. (13–40 тыс. знаков).

Статья должна быть набрана в программе Microsoft Word, формат А4, поля по 2 см с каждой стороны. Шрифт Times New Roman. Размер шрифта 14. Выравнивание по ширине. Межстрочный интервал полуторный (1,5). Абзацный отступ – 0,7. Переносы включены. Все страницы рукописи с вложенными таблицами, рисунками, подписями к рисункам, списком литературы должны быть пронумерованы. Шрифтовые выделения в самом тексте статьи допускаются в виде курсива или полужирным шрифтом.

В верхнем левом углу первой страницы проставляется код **УДК**, который должен достаточно подробно отражать тематику исследования.

На следующей строке необходимо указать **код специальности** согласно номенклатуре научных специальностей ВАК.

Далее по центру жирным шрифтом **название статьи** (прописная буква только первая).

Ниже приводятся **данные об авторе:** фамилия, имя, отчество, ученая степень, ученое звание, почетные звания (при наличии), должность, аффилиация (официальное наименование организации на русском и английском языках с адресом нахождения, указанные в Уставе организации), ORCID (обязательно ФИО и название вуза на английском языке), электронный адрес автора, контактные телефоны.

Очередность упоминания авторов зависит от их вклада в выполненную работу либо указывается в алфавитном порядке, если вклад авторов равный.

Ниже через строку помещается **текст аннотации на русском и английском языке**. Аннотация (150–200 слов) в обязательном порядке должна включать введение (постановка проблемы), цель исследования, описание методов и методологии исследования, информацию об основных научных результатах, область применения результатов, выводы о достижении цели ис-

следования (например, Рассмотрено... Обосновано... Доказано... Проанализировано... Сформировано... Сделан вывод).

Аннотация в обязательном порядке должна быть:

- информативного характера (не содержать общих слов) и давать возможность установить основное содержание исследования, его актуальность, цель, задачи, значимость для науки и практики, методологию и т. д.;
- содержательной (отражать полученные результаты исследования и основную суть статьи);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);
- оформлена в качестве англоязычной версии, представляющей собой качественный перевод на английский язык русскоязычного авторского резюме;
- компактной и, вместе с тем, формирующей общее представление о научно-исследовательских характеристиках работы.

Затем приводятся **ключевые слова** на русском и английском языках (7 ключевых слов или словосочетаний, отражающих специфику темы, объект, результаты исследования и служащих ключом при поиске соответствующей информации).

Благодарности (информация об источниках финансирования научного исследования, а также выражение благодарности людям, способствовавшим публикации статьи в журнале, но не являющимся ее соавторами, рецензентами, редакторами).

Статья в ОБЯЗАТЕЛЬНОМ ПОРЯДКЕ должна быть структурирована, каждый раздел статьи – **ПОИМЕНОВАН**.

– **В обязательном введении** должна быть отражена постановка проблемы в общем виде и ее связь с исследованиями в данной области и публикациями с обязательными ссылками в тексте на используемую литературу (также все заимствования в статье должны быть корректно оформлены);

– **методы**, позволяющие воспроизвести результаты исследования;

– **результаты/обсуждение**: изложение основного материала исследования с обоснованием полученных научных результатов;

– **в заключении – выводы о разрешении поставленной научной проблемы**, научная новизна, теоретическое или практическое значение исследования, а также перспективы дальнейших научных разработок в данном направлении;

– список источников (обязательно) должен включать 10 и более источников, имеющих автора. Ссылка на собственные работы – не более 10 % от общего количества источников. Список литературы в обязательном порядке должен содержать ссылки на современные периодические источники, опубликованные за последние 2–3 года (не менее 50 %). Не допускаются многократные цитирования одного автора;

– **References** (пристатейный библиографический список в романском алфавите (латинице));

– Информация о конфликте интересов или его отсутствии.

В конце статьи должна быть надпись *Статья публикуется впервые. Проверено системой антиплагиат. Уникальность текста ...%* – ставится дата и подписи авторов.

За ошибки и неточности научного и фактического характера, перевод аннотации и ключевых слов ответственность несет автор (авторы) статьи.

Список источников

Список источников является **ОБЯЗАТЕЛЬНЫМ** атрибутом любой научной статьи. Указание в списке всех цитируемых работ обязательно.

Библиографические ссылки в списках источников оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

Автор (авторы) несет ответственность за точность приводимых в статье сведений, цитат и правильность указания названий книг и других источников.

В случае, если источник имеет DOI и EDN, то их указание обязательно.

В тексте следует ссылаться следующим образом: в квадратных скобках ставится номер в порядке упоминания источника в тексте статьи с указанием страниц – [1, с. 34], (см. например: [2, с. 56]), (цит. по: [6, с. 88]), в случае ссылки на несколько номеров – [1, с. 55; 2, с. 346; 3, с. 78]. Если имеется в виду ссылка на работу в целом, то в тексте страницы допустимо не указывать. В списке литературы для статей обязательно приводятся первая и последняя страницы в журнале или в сборнике статей, для монографий указывается общее количество страниц.

Ссылки на нормативные акты (включая законы, изданные отдельными брошюрами, конституции), архивные документы, рукописи, статистические справочники, публикации из Интернета, газеты, иные источники, не имеющие авторства, на разного рода пояснения автора и т. п. оформляются в виде обычных постраничных сносок и **в список источников не включаются**. При оформлении ссылок на газету или новостную информацию из Интернета необходимо указывать год, день и месяц их выхода.

Не допускаются цитирование и заимствования интернет-ресурсов, содержащих банки данных курсовых, рефератов, ссылки на неопубликованные работы. Диссертации являются рукописями, ссылки на них могут быть только при наличии письменного разрешения автора на использование его диссертации. Не все диссертации, представленные в Интернете, были защищены, также в Сети размещены диссертации со 100%-ным плагиатом, и эти факты тоже нужно учитывать. Поэтому цитировать можно только авторефераты диссертаций, которые являются юридическими документами и напечатаны типографским способом.

Составленный по правилам список источников должен иметь англоязычную версию (References), которая оформляется следующим образом: **заголовки монографий, статей, на которые дается ссылка, переводятся на английский язык, а названия журналов, сборников статей, на статьи из которых дается ссылка, – транслитерируются**. Если журнал, сборник или книга имеют официальное англоязычное название, оно указывается после транслитерированного через знак «=».

В качестве **образца** рекомендуется использовать списки в статьях журнала, доступных по электронному адресу: <http://journals.tsutmb.ru/current-issues-of-the-state-and-law/>

Политика свободного доступа

Весь контент журнала доступен под лицензией [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Статьи журнала доступны всем желающим с момента публикации, что обеспечивает свободный открытый доступ к результатам исследований и способствует увеличению глобального обмена знаниями. Все содержимое журнала доступно для пользователей бесплатно. Пользователям разрешается читать, скачивать, копировать, распространять, распечатывать, производить поиск, находить полные тексты статей журнала без предварительного разрешения издателя и автора.

Процесс рецензирования

Журнал проводит «двустороннее слепое» рецензирование поступающих рукописей. Рецензенту предоставляется на рецензирование рукопись без указания фамилий авторов. Автор не знает фамилии рецензента.

Плата за публикацию

Журнал следует политике [Open Access Journals](https://openaccessjournals.org/), доступ к опубликованным в журнале статьям – свободный для всех (без необходимости регистрации).

Редакция не взимает плату с авторов за подготовку, размещение и печать материалов. Редакция не вступает с авторами в переписку по методике написания и оформления научных статей и не занимается доводкой статей до необходимого научно-методического уровня.